

Петренко Евгения

КОЖА САЛАМАНДРЫ

Книга Первая

Annotation

Люди везде люди. Даже, если они нелюди. Даже у богов есть что-то человеческое. Будем надеяться, что это чувства. Юной принцессе Лиире раз за разом приходится выбирать. Между путём наследницы трона и дорогой свободного мага. Между любовью к человеку и страстью к Богу. Между долгом и чувством

Коричневая жижа вздыхала и булькала под ногами. Зелёные пятна трясины притворялись весёлыми полянками, которые так и тянули передохнуть на мягкой травке. Поверившие этому призыву, получили бы желанный отдых в той части семи загробных миров, где обитают наивные и доверчивые. Болото казалось живым существом. Его толстая шкура пряталась под ржавой вонючей водой и мягко колебалась, когда девушка наступала на неё. То и дело с разных сторон слышались громкие звуки, похожие на стоны. Их неожиданное и протяжное О-о-у-у-у! напугало бы кого угодно.

В нескольких метрах по ходу бурая грязь вспухла огромным пузырьём и взорвалась столбом пламени. Огненная яма! Девушка в один миг взлетела над поверхностью болота, сложив левую руку в причудливый знак. Правая тут же метнулась к рукояти меча, свободно вышедшего из наспинных ножен. Но ожидаемого монстра за огненной маскировкой не оказалось. Долго в воздухе держаться, значит зря расходовать драгоценную магическую энергию. Но только в таком положении можно вести бой в этом месте. А добыть саламандру нужно мечом. Или, скажем, арбалетным болтом. Но не магией. Она на неё просто не действует.

Посетительница этого малоприятного места всё время была настороже. На этот раз яма оказалась пустой, но предмет вожаденной охоты может быть близко. Хотя её невысокая ладная фигурка смотрелась в этом диком углу чуждо и неуместно, но для далёкого похода путешественница была вполне экипирована. Кроме меча имелся и арбалет, и кинжал на поясе, а ещё мешок со всеми необходимыми мелочами. Непромокаемый комбинезон из тонкой, но прочной шкурки рыбы ламии сохранял сухость и тепло.

Ламия — рыба хищная и опасная, но никакой магией не обладает. Вполне себе вкусная питательная еда. Если удастся поймать. Для северян её промысел равносителен выживанию. Используют в ней всё. Вплоть до пузыря и кишок. И даже морскую гладкую галечку, которой набит её желудок, для перетирания пищи, собирают, как один из ингредиентов заклинания. Её огромные острые клыки годятся только для отрезания кусков плоти неповоротливых огромных пикабу, похожих на острова из почти чистого жира и скользкого, неприятно пахнущего, мяса. А ещё для церемониальных кинжалов.

Север был родиной матери одинокой охотницы. А болото, по которому она в данный момент пробиралась, находилось на северо-западной низине Чесмена. Только здесь единственная наследница одного из Изначальных домов могла добыть Огненную Саламандру. Более того, обязана. Если у неё это не выйдет, их дом лишится права правления. Даже в случае успеха, ей предстоит война с костностью и, того более, с корыстью знатных семейств.

Хотя в законе о престолонаследовании пол претендующего на трон не указывается, но многие годы у правящих династий рождалось достаточно сыновей, чтоб о правах дочерей не вспоминали. Кто виноват, что мама умерла рожая брата? Сам малыш, который тоже не выжил? И вина ли отца, что Велед — Артефакт Предтеч, выбрал для него жену, которая, по счастливому случаю, стала в его жизни ещё и любимой?

Отец научил дочь всему, чему научил бы сына и наследника. И она его не разочаровала. Что может быть страшнее, чем оказаться недостойной в глазах человека, любившего тебя до самозабвения? Принцесса знала, что он видит в каждой чётчке её лица ту, ушедшую, но не

ревновала его к матери. К сожалению, эта идиллия вскоре закончилась. И случилось это тогда, когда ей пришлось отправляться на учёбу в Ковен.

Хотя отцу боялись намекать, что Артефакт совершил ошибку, в первый и единственный раз выбрав в жёны королю простолюдинку, да ещё и из иаров — водного народа, но ей этим тыкнули уже не раз. Сверстники — сыновья и дочери других Изначальных домов, проходившие вместе с ней обучение.

Мальчишки, свято уверенные, что её дом уступит право на корону из-за отсутствия наследника мужского пола, смеялись в глаза, когда она занялась боевой магией, которая была ей просто необходима, если она хотела когда-нибудь претендовать на трон.

Девчонки, прикрывающие зависть к её необычной красоте спесью, заявляли, что ни один из их братьев не женится на рыбе.

— Слава богам, только король вынужден выбирать жену по указке хоть и магической, но мёртвой железки! — спесиво заявляли эти дурочки.

— Как будто они сами имели возможность послушаться родителей и выйти замуж по неземной любви... Ха! Как же! Их маменьки и папеньки готовы были бы пойти на прямой инцест, если бы близкородственные браки не были запрещены представителями всех Чесменских концессий. Приоритетом браков на Чесмене всегда была фамильная магия. Нет, почему любое собрание недорослей напоминает паучий клубок понятно. Возраст, когда каждый вытаптывает себе полянку под солнцем, — думала девушка, стараясь не терять при этом концентрации охотника.

Отец, сколько мог, откладывал новое посещение Артефакта. По закону, если бы детей от первого брака не было совсем, он обязан был бы возвращаться к поиску, в течение положенных семи Лет Скорби. Без нового брака династия сменялась. Если не было наследника мужского пола, правитель должен был посещать Храм Веледа в течение трёх лет. Один раз в День Сосредоточения. Если Артефакт предложит новую претендентку, женитьба обязательна. Если за три года этого не произойдёт, дальнейший поиск супруги оставался личным делом монарха. Династию могла продолжить наследница. Но никто не отменял правила, что для этого она должна пережить Жестокие годы. Вступить в схватку с изгнанной Маткой и победить.

Первые два года вдовство продлилось. На третий год в Храм пришёл новый жрец. Случайно ли, что в этот год Велед избрал для правителя новую жену? И именно из жреческого сословия? Если бы не уверенность, подтверждённая веками, что Магический Оракул нельзя обмануть..

Громкий звук, испугавший её в первый раз повторился. Только на этот раз довольно далеко. Она всё же оглянулась в ту сторону и ей показалось, что в этот раз в центре огненного столба темнело более плотное ядро. Замерла, вглядываясь в гладь воды, покрытую, похожими на мелкие монетки, светло жёлтыми листиками золотянки.

Если бы детёныш решил подобраться к ней между ковром сросшихся корней и поверхностью, она наверняка заметила бы рябь. Но обычно они ныряли под их пружинящую массу и неожиданно выскакивали перед своим потенциальным обедом в эффектной столбе пламени. Это вгоняло в ступор длинноногих и короткотелых саблерогов с широкими, как лапти копытами и соответствующими имени рогами. Простояв неподвижно минуты три охотница вздохнула и, вернувшись к своим мыслям, почавкала по вонючей жиже, морща хорошенький носик под каждый шаг.

Любой другой аристократический дом, кроме Изначальных, не мог овладеть магией

всех четырёх стихий. А магия одной из стихий, могла проявиться в любом семействе. Хоть и не часто. По закону, чесменский простолюдин, родившийся с даром и обнаруживший его до совершеннолетия, имел право поступить в Ковен Магов и развить способности по возможности и старанию. По окончании он получал диплом и возможность занять себя прикладной магией в доступной области.

Но, кроме этого, его семья получала баронство — низшее дворянское звание, и право завоевать земли для пожизненного владения. Правда это касалось и тех, у кого дворянское звание уже было. Да и завоёвывать можно было только дикие земли, не принадлежащие королевству. Это касалось всех выпускников. И мужчин, и женщин.

Но, на деле, для полноценной военной операции нужны были деньги и люди. И далеко не все имели возможности этой привилегией воспользоваться. Только действительно талантливые выпускники с выдающимися магическими способностями. Или те, за кем стояли большие семейные кланы. Но всё же основной силой был сам маг. Простые люди не могли справиться с магическими существами. Или, по крайней мере, должны были положить на это много жизней.

Случалось, что дар проявлялся, а способности так и не стали развивать по каким-то причинам. И, если этого не происходило к пятнадцати годам, а именно этот возраст являлся чесменским совершеннолетием, человек постепенно, но неотвратно терял их где-то в течение года.

Такая политика давала, овладевшим магией, почувствовать себя почти равными Изначальным домам, а заодно и расширить границы королевства. Благо, свободных от людей земель на Чесмене было ещё вполне достаточно. Воевать приходилось с нелюдью, нежитью и прочими всякими чудищами и юдищами. Кроме того, юные маги включались в список Веледа и в перспективе могли претендовать на брак с представителем королевской семьи.

Правящий дом предоставлял помощь для подобных первопроходцев. Небольшой отряд опытных солдат-разведчиков. Обычно, захват земель становился выпускным университетским экзаменом. Группу выпускников возглавлял маг-экзаменатор. Однако он был только наблюдателем. И магию мог использовать только для защиты королевских воинов.

Наёмников или членов собственной семьи маг выпускник должен был защищать сам. Что почти всегда равнялось шелесту купюр в кошелье завоевателя. Причём авансом. Ибо никто бесплатно не станет безоговорочно доверять профессионализму мага недоучки. Хотя наёмники обычно такие вещи на самотёк не пускали. Всегда проще заплатить пару монет соученикам и вызнать всё про нанимателя.

То есть, экзамен по прикладной магии был практическим. И не все его проходили. Но желание получить земельный надел и титул было превыше опасности. Впоследствии, очищенную от нечисти территорию, семья мага должна была защищать от вторжений самостоятельно. В каждом таком поместье находилось что-нибудь, что впоследствии позволяло обеспечить прибыль, которая эти затраты окупала.

Исключением считалась Трясина и Приболотье. Ведь в болоте жили не только обычные дикие твари, но и Огненные саламандры, заполненные магией от пасти до хвоста. А прилегающая территория Приболотья служила пограничным буфером. Если бы какой-нибудь псих решил отвоевать земли там, королевская помощь ему была бы обеспечена. А так же налоговые льготы, как наёмным пограничным заставам.

Только вряд ли прибыль могла бы покрыть разрушения и потери среди людей в

Жестокие годы. Разве что там нашли бы месторождение мифриловой руды. Но это было больше из области сказок, о которых мечтала раса цвергов. В легендах их народа говорилось о том, что их Бог-Предтеча Гримнир Бесстрашный ковал из неё непробиваемые доспехи. Кто-то из них говорил, что луна их Бога целиком состоит из мифрила. И, если найти этот минерал на земле Чесмена, то цверги могут сковать из него лестницу к его жилищу.

Жестокие годы — это время муста. Сексуального бешенства Огненных саламандрищущих спаривания. Во времена, когда Боги-Предтечи заселили Чесмен и оставили своих детей на найденной земле, первые Жестокие годы чуть не лишили благословлённую Богами землю её новых обитателей.

Благо случались они не часто. Раз, реже два за время правления короля. Или королевы. Но последняя королева правила лет триста назад и тогда Рой остановили на самой границе.

Обычно молодая Матка Саламандр появлялась тогда, когда старая умирала. Но иногда случался сбой и молодая Королева прибирала к загребушим лапам всех самцов и изгоняла прежнюю из Трясины и, та, таща на себе неоплодотворённый рой, отправлялась на поиски новой территории. В конце концов изгнанники погибали, потому что болотище на Чесмене было только одно. Найти пару и вызреть рою было нигде. Но подыхала она не сразу. Одинокая Матка, с высохшими икринками в сумке, магическое существо, не имеющее противника, кроме себе подобного, умирала только от старости. Достойных врагов у неё не находилось.

До тех пор, пока на планете не было людей, сотни сожранных ей в процессе животных, если кого и волновали, то только тех богов, которые создали первопричину этой вакханалии. Но когда появились поселенцы, они вписались в естественный процесс только как лёгкая добыча. Что, понятно, их не устроило.

Первопоселенцы были созданиями учёных Межгалактической экспедиции по заселению планет. Сеятель-271. Этот термин был непонятен не только самой девушке, вычитавшей это в древних Хрониках, но и её отцу. Слишком много было утеряно в первые же Жестокие годы. И людей, и знаний.

В хрониках было написано, что каждый из членов экспедиции, на основе нестабильной генной ячейки ДНК своей планетной расы, создал изначальную колонию для освоения разных природных зон новой планеты. Все расы были генетически совместимы. Но каноны красоты имели различные.

Наверное то, что рас оказалось семь, столько же, сколько лун у Чесмена, ассоциативно, их создатели в памяти поселенцев были названы семью Предтечами. Богами покровителями, сошедшими с этих лун. Там же по легендам и должны были располагаться семь загробных миров. Свой для каждой расы.

Терраформирование планет давно было признано слишком трудоёмким. Гораздо проще подогнать генетически первопоселенцев.

Основатели колонии спустили транспортник на антигравитационных поплавках. Помогли колонии обустроиться. Построили здание Храма и поместили в него Артефакт. И собрались лететь дальше. Их беспокоило то, что найдя пригодную для Посева планету, они почему-то не смогли связаться с базой. А, настроившись на дальнейший путь среди звёзд, обнаружили, что улететь не могут. Двигатели отказались работать. И то, что они были совершенно исправны, никакого значения не имело.

А потом пришли Жестокие годы..

— Чем дальше в топь, тем толще саламандры, — крутилась в моей голове чернушная шуточка, пока я топала по этому, проклятому богами, болоту.

Прошло всего пару часов, а ноги уже отваливались. Надежд на успех было не много. Нс принцесса Лиира, моё упёртое королевское высочество, поклялась своей честью найти вожделенную шкурку перед всей ордой пустоголовых выпускников. И что на это получила? Издевательское ржание над глупой безбашенной салагой-первокурсницей... А ещё заявление, что даже, если мою холодную тушку вытащат из болота после эпического сражения, среди них нет некрофилов, чтоб на заложенную честь покуситься.

Пришлось, подавившись скабрёзным намёком, вместо чести поставить на кон единственную драгоценность, которую удалось спасти от жадной до камней, как беременная Драконица, мачехи. Теперь только сдохнуть или добыть, что обещала. А назад хода нет.

Победить взрослую Саламандру без доспеха из кожи её детёныша невозможно. И так-то шанс не стопроцентный. Ведь сражаться придётся с чудовищем, владеющим магией Огня. А на него твоя магия не действует. Уберечь тебя от магического огня может только доспех из такой же кожи. Малыш Саламандры и тот метра три от носа до кончика хвоста. А взрослая особь — чистый Дракон.

Кроме моего хлюпанья, звуки слышны вокруг совсем не такие, как в лесу. Никакого тебе легкомысленного птичьего пения. Комариный зуд, какие-то горестные вздохи выходящих из под воды пузырей горячего газа. И моё усталое сопение.

— Устала. Устала. Устала. Помнится на севере должна быть группка маленьких островков. Цепочкой. Так что топать в том направлении, по-возможности не сворачивая. Надеюсь, не промахнусь. Какойнибудь из них замечу.

Ночевать в болоте не хотелось. В принципе, детёныши саламандр на сушу не выбирают. Так что на островке мне встретить их не грозит. Но мало ли какая дрянь ещё тут водится. Как иллюстрация к моим опасениям на краю поля зрения мелькнула крупная тень и скрылась за кочкой.

Как-то думалось, что не придётся мне забираться так далеко. Что схарчить меня попытаются побыстрее. А там уж, либо бой выиграю и назад с победой, либо на дно, той самой, непригодной для употребления, тушкой.

Подошла я к краю трясины почти в полдень. Чтож целых пол дня терять? Села, перекусила, и, сморщив нос от отвращения, ступила в тёмную воду. Только идти по хляби, не по лесной тропинке. Ох, надо было мне всё отложить до утра. Отдохнуть хорошенько. А теперь, если уж заночевать тут придётся, хорошо бы место посуше выбрать. Однако, прошло ещё больше часа, пока вдали показались стволы кривых деревьев, которые могли цепляться корнями хоть за какое-то подобие земли.

Солнце уже опускалось к горизонту, а ещё надо было обеспечить хоть минимально комфортную и безопасную ночёвку. Найти хоть что-то относительно горячее. Уж очень не хотелось сидеть в полной тьме или вешать магический огонь, чтоб хищников отпугнуть. Я могла ещё щит попробовать. Но сомнение, что хилая защита, гордого адепта Ковена, перешедшего на второй курс с отличием, остановит действительно опасную тварь, отвращала и от этого разбазаривания магического резерва.

Может я и дождалась бы, для осуществления своих планов, хотя бы последнего года

обучения, если бы не подколки спорщиков, что не видать им выигрыша, так как не придётся больше возвращаться в альмаматер. Разве только для получения документов на новые земли, которые они непременно отвоюют на выпускном экзамене для своих семейств. Разговоров о дворянских званиях тут не шло. Среди этой компании простолюдинов не наблюдалось.

Выпускной экзамен совпадал с каникулами для остальных адептов. И меня успели за этот первый год обучения довести до точки кипения. И я, нетерпеливая дура, опять повелась на их провокации. Заявила, что на Осеннем празднике вручу отцу доказательство своих справедливых претензий на престол. Отец обязательно посещал Осенний Бал. Ведь утвердить новые баронства может только монарх.

С этими далеко не радостными мыслями я подходила к довольно большому островку. Уже издаലെка заметила прибитые к берегу подушки плавучих растений. Некоторые явно находились здесь долго. Порыжевшие от солнца верхушки, радовали предвкушением жаркого ночного костра. И соответственно горячей еды. И относительной безопасности. Что может быть лучше, чем высохшие торфяные кубики из болотной травы, которые легкого просто накромять ножом по мере необходимости.

И тут я услышала плач. Настоящий детский плач. Хотя, если включить мозги, какие могут быть дети в нескольких часах хода от края топи?

— Может телёнок саблерога? — предположила я. Когда-то, на охоте, отец говорил, что удивительно трудно добивать раненных детёнышей некоторых животных. Они скулят и пищат почти как человеческие малыши.

Стараясь поменьше шуметь, выбиралась на берег почти минуту.

— Если это подранок, то может он в какую-то ловушку попал? Ну, деревом упавшим привалило, например. Подгнили корни, вот и упало от порыва ветра... А может там хищник какой?

Красться по твёрдой поверхности, гораздо проще, чем по болоту. Вот я и двигалась, пригибаясь к земле и осторожно переступая, чтоб не хрустнул сучок под ногой. Задумываться куда идти не было нужды. Плач звучал всё громче и жалобней. Я подобралась к небольшой полянке.

На дальнем от меня краю росло высокое дерево. Высокое, даже с учётом его уродливой изогнутости. Ствол покрывала густая борода серебряной канители. Я гадливо поморщилась. Заночевать рядом с этой гадостью я бы не хотела. Этот лишайник широко распускал свои усики по земле. Мог разрастись метров на тридцать от опорного ствола. Устройся в пределах его досягаемости на ночёвку, и этот тихушник спеленает во сне так, что и не проснёшься. Пока его присоски и снежные воши не доберутся до твоей крови. Тварюшка вошь мелкая, но жутко противная. Размером с ноготь, белая, как головка прыща, плоская и горбатая с кривыми длинными лапками и острым хоботком.

Под деревом что-то копошилось и ныло. Я поднялась и уже не скрываясь попыталась рассмотреть, что за несчастное создание попало в серебристую сеть. Хоть пристрелить, чтоб не мучилось. Лезть туда, себе дороже. Канитель может быть и быстрой, как насторожённая ловушка. То, что возилось и плакало как будто стало выше. Может последним усилием попыталось вырваться? В глазах поплыло. С ужасом, я увидела маленькую девочку и едва удержалась, чтоб бездумно не броситься спасать. Увидев что я резко затормозила, она запищала громче и протянула ручки ко мне. Сердце сжалось от жалости.

— Боги! Откуда тут это дитя? Этого не может быть! — мне хотелось ступить вперед и

глядя под ноги, чтоб не наступить на ус, я выпустила жертву из вида и тут же желание нестись вперёд не раздумывая, уменьшилось — нет, что-то не так..

Фигурку ребёнка как будто окутывало марево. Я попыталась сосредоточиться. Что-то из давно прочитанного в отцовских фолиантах крутилось в голове. Догадка возникла неожиданно. Далёкое воспоминание о детском кошмаре. Морок! Ментальная магия тут как раз к месту. Различать мороки — моя лучшая способность. Я закрыла глаза и легко перешла на магическое зрение. Фигурка девочки поплыла и уменьшилась.

— Ну, точно! Плакальщик! Да это же реликт!.. Я думала их давно уничтожили.

Первопоселенцы возненавидели плакальщиков чуть ли не больше, чем чудовищных саламандр. Они убивали их при первой возможности за то, что те легко заманивали в опасные места не только животных, но и доверчивых детишек.

Я не питала ненависти к маленькому хищнику. Каждый кормится как умеет. Люди тоже не вегетарианцы. Рассмотреть как следует редкую скотинку не удавалось. Уж больно далеко. А подходить, дураков нет. Я вздохнула и пошла резать торф для костра. Устроюсь подальше от полянки. Пусть себе воет. Хотя раздражает, конечно.

Вечер наступил быстро. Пока я возилась с похлёбкой из копчёной грудинки и корешков, которых набрала ещё в Приболотье, совсем стемнело. Погода была хорошая и в небе отчётливо, как в учебном астрономическом Атласе различались созвездия и три маленьких луны. Остальные четыре сейчас увидеть нельзя. Похлёбку я уже съела и жевала теперь горбушку хлеба с вяленой рыбкой.

Настырный плач с темнотой затих. Я подвинула ближе к центру костра найденную корягу. Часть её прогорела, но остатка, вместе с торфом, хватит до утра. Подсунув под голову котомку я доедала и уже клевала носом.

— Дай кусочек, — услышала я в голове чужую мысль, — ну, дай, жадина..

Я подпрыгнула и уставилась на, сидящего по другую сторону костра, плакальщика.

— Не может быть! Эта малявка ещё и телепат... Интересно, он всем может мысли передавать или только менталистам?.. Наверное, второе верней. Иначе в летописях было бы упоминание, что они разумные. А я такого нигде не видела. И, если честно, вообще упоминалось о них только в одной древней книге. Поэтому и в голову сразу не пришло..

— Ну, дай же кусочек. Пахнет... Кушать хочу... Умираю... Дай! А то съем! — с отчаяньем прозвучала новая жалоба.

— А просить-то ты и не умеешь, — вслух сказала я и осторожно протянула маленькому монстрику остаток бутерброда.

Вот теперь я наконец смогла его рассмотреть. В свете костра каждый белёсый волосок на тельце было отчётливо видно. Несоразмерно здоровая треугольно-скуластая головешка с вислыми ушками. Умные широкопосаженные красновато-коричневые глазки. Вместо носика три складочки и две дырочки. Кусочек еды пропал в пасти с острыми жемчужными зубками, соединяющимися плотно, как зубья капкана. Впалый животик икнул и махонькое истощённое тельце в коротенькой белой шёрстке содрогнулось. Я глянула на частокол рёбрышек, на две косточки вместо попки с тупым коротеньким хвостиком, тощие ножки и ручки с огромными ладошками и ступнями... Вздохнула и села отрезать новый бутерброд.

Маленькое чудище сперва отпрыгнуло, но потом прислушалось к моему бабьему причитанию в безмозглой голове и ещё раз призывно икнуло.

— Ну, какого рожна я его кормлю? Или у всех женщин такая реакция на торчащие косточки? Или на маленьких и миленьких? Ну, да... Оно такое и было. Несмотря на вполне

угрожающий капканчик с ядовитой улыбочкой. В который второй бутерброд провалился с такой же скоростью, как предыдущий кусочек. Глазки снова вытаращились на меня, но я погрозила пальцем. Головка грустно поникла.

— Уф-ф-ф. Вкусненько..

— Ага. А где спасибо?

Поникшая было малявка вскинулась.

— Не знаю... Я не брал..

Я приснула. И зевнула. Сытость и усталость тянули в сон. Я прислушалась. Никаких агрессивных намерений от ночного гостя не почувствовала. И закрыла глаза.

Мне снился Весенний бал. Студенты Ковена любили повеселиться и частенько устраивали вечеринки. Но официально каждый год проводились три больших бала. Весной перед каникулами праздновали окончание учебного года. Осенью, как я уже упоминала, бал выпускников и, соответственно, начало новых занятий и появление свеженьких адептов. А зимой — самый торжественный Бал Первого Касания Магии. Именно так. Со всех заглавных букв. В этот день прародители изначальных семей первый раз ощутили свои способности.

Обычно я игнорировала все празднования, кроме официальных. Тут я должна была появляться по статусу. Как наследная принцесса правящего дома. Всё остальное время мой титул, опять таки официально, никакого значения не имел. Как, собственно, и дворянские звания остальных. У кого они имелись. Но сами понимаете... Кучковался народ именно по этому признаку. Так что в начале больших балов я должна была выходить с принуждённой улыбкой на лице и поздравлять соучеников. Во время Осеннего бала эту постылую обязанность брал на себя отец. Но мне всё равно приходилось стоять рядом с ритуально-приветливым видом. Слава богам, этих балов у меня пока было немного. Потом я тихонько сбегала и никто, судя по всему обо мне не скучал.

Женихов принцессам выбирает Артефакт. Так что попыток династического повышения за мой счёт не осуществишь. Чтож, высшая знать могла себе позволить надменно исходить ядом и завистью в сторонке. С простыми парнями потанцевать? Ну, да... Ну, да... Малс меня шпыняли происхождением. И не то чтоб я боялась. Но нарываться лишний раз только из-за танцев. Да проще послать этот бал..

Маму зря называли простолюдинкой. Она происходила из изначальной семьи. Только не было у иаров королей и дворян. Земли им были не нужны. Маленькие усадьбы у моря, всё, что им требовалось. Прибрежную землю отдали им по Первой Хартии. Они могли селиться на территории любого королевства. А море принадлежит всем. Границ на нём не начертишь. Да и никто из других народов не мог подчинить стихию, которая вечно бурлила, как ведьмин котёл, под воздействием семи лун Чесмена.

А под водой волн нет. Тишина и покой. Ну, конечно и там существуют свои опасности. Но и красота необыкновенная. Я унаследовала от мамы способность дышать под водой. Что в смешанном браке с иарами случалось только по материнской линии и исключительно у девочек. Небольшие полосочки закрытых жаберных щелей и тоненькие мембранки прозрачной кожи между нижними фалангами пальцев. Это всё чем я отличалась от хомо.

У мамы кожа имела светло-оливковый оттенок. У меня же была просто аристократически бледной. И загар не брал. Волосы белые-белые, с жемчужным оттенком. Не такие серебристые как у сидхе, а именно тёплого сливочного цвета с переливами в прозрачно серый. Глаза тоже мамины — бирюзовые, как море в солнечный день. Только у настоящих иаров по ним ещё и пробегает волна, когда их волнует любимый мужчина.

Случится ли такое когда-нибудь с моими? Сомневаюсь... Папа говорил, что я очень красивая. Только как в это поверить, если от тебя шарахаются и шипят за спиной. И обзывают рыбой.

Девчонки в основном. От парней я иногда ловила жадные взгляды. Только смотрели они на меня как этот маленький проглот плакальщик на бутерброд с рыбкой. Ну, вот я и держалась подчёркнуто холодно. Какой девушке такое внимание приятно?

Законы о династических браках и долге перед короной впитываются в королевских отпрысков с молоком матери. Хотя в моём случае это как раз было чисто отцовским воспитанием. Я знала — придёт время и я, как все члены рода до меня, отправлюсь к Веледу и приму его выбор.

Но, если бы папа использовал только власть родителя, ничего у него бы не вышло. Хотя дочерью, в большинстве случаев, я была послушной. Но моё воспитание строилось на убеждении и логике. Чему бы ни учил меня отец, всегда, он действовал только, подтверждая свои требования разумными подтверждениями.

В книгах, сохранившихся со времён Предтеч, убедительные подтверждения были. Обоснованием к тому, что выбор Веледа должен приниматься неукоснительно, было то, что близкородственные связи, а так же поломки в цепочках тех самых загадочных ДНК, которыми оперировали Предтечи, создавая небольшую колонию, мог проконтролировать только он, тот, кого жрецы называли Волей Предтеч, а папа, заговорщицким шёпотом, машиной Создателей.

Книги из королевских хранилищ уже давно были запрещены к оглашению перед обычными гражданами. Жрецы, обслуживающие Артефакт, считали, что такая информация только запутает людей. Но и среди королевской династии далеко не все были так любознательны, как отец. Да и времени у него, после маминой смерти, при полном нежелании к светскому общению, оставалось достаточно, чтоб занять себя чтением старых книг, в тишине библиотеки, где никто не мешал ему погрузиться о счастливых днях, так неожиданно прерванных Богами.

Нельзя сказать, что долг мешал мне хотя бы помечтать о любви. Или хотя бы о самом безобидном приключении. Как и другие девочки я поглядывала на парней. Если тебе предстоит династический брак, то это не значит, что ты лишена чувств напрочь. Мне хотелось бы получить хотя бы малюсенький кусочек романтики. Вот это и привело к событию, что стало последней каплей, выплеснувшей горшочек моего терпения.

Среди поступивших со мной первогодков был один такой, от взгляда которого я тихонько млела. Высокий фигуристый сидхе с глазами похожими на изумрудную друзу. В общем, у них всех были такие глаза, как будто сложенные из прозрачной мозаики. У южных зелёные. У северных аметистовые. И серебряно-белая грива волос, заплетённая в причудливую косу. Она у них лёгкая, а будто липнет к спине. Как ни кружится красавчик в танце или не вертится, фехтуя тонкой шпагой, не падает на грудь, как моя тяжеленная косища.

Уходя в этот поход, я долго стояла у зеркала с ножницами в руках, но так и не решилась отхватить свою девичью красоту под корень. Заколола вокруг головы и прикрыла меховой шапкой с хвостиком, собственными царскими ручками сшитой из речной рыбьей кожи.

Вообще-то, моя симпатия Наризель, был парнем довольно заносчивым. Особенно, учитывая то, что был адептом первого года обучения. Нас, таких недомагов-первогодков, называли фокусниками. Есть такие базарные актёришки совсем без магии или с

недоразвитыми крохами её, но научившимися дурить зевак при помощи ловкости рук.

Но сидхе все такие высокомерные. Вечно нос кверху. Как будто никого, кроме принцев у них не рождается. Спрашивать из какой он в действительности семьи не смели даже преподаватели. Этот вопрос у их расы считался неприличным. Можно было нарваться на яростный взгляд фасеточных глаз и вызов на дуэль. До смерти. В остальных вопросах они не всегда были образцами благородства. Так же как и люди. В чём мне и предстояло убедиться.

Я собиралась на этот первый свой Весенний бал с необычным для себя трепетом. Нет, я была прекрасно обучена танцам, и в нарядах, естественно, не испытывала нужды. Мачеха только драгоценности мои прибрала к рукам. Кроме церемониальной короны, в которой я обязана была появляться на приёмах во дворце. Но не здесь. У меня был только мой залог в споре. Мамин кулон с безупречным аквамарином, с яйцо ферри размером.

Поэтому и платье я выбрала в том же тоне, только темнее. Цвета глубоких морских провалов, до дна которых не добирался ни один иар. Если взлететь над водой при помощи заклинания, то эти круглые впадины в море казались окрашенными так густо, как будто вода в них была плотнее.

Ну как же! Хотелось быть сказочно-прекрасной. Ведь за две недели до бала, на который я, как и на все до этого, не собиралась идти, Наризель поймал меня в коридоре учебного корпуса и, томно заглянув в глаза, пригласил на бал. Это меня-то, совсем даже не избалованную вниманием парней. И не подозревающую, что мои, застревающие в горле, вздохи, при виде красавчика их южных лесов, ни для кого не тайна.

И мы станцевали первый танец. И голова кружилась от счастья. И танцевал сидхе божественно. И приобняв за талию увлёк меня в парк. Сказка... Девчачья мечта... Только вечер не закончился нежно и томно. Наризель грубо прижал меня к стволу дерева и попытался задрать подол, как проезжий купец крестьянской девке на конюшне придорожной таверны. Я влепила ему пощёчину и сильно толкнула в грудь обеими руками. Парень, не ожидавший такого отпора, сделал пару неловких шагов назад, зацепился за камень и только природная ловкость его народа, позволила ему удержаться на ногах и не плюхнуться на влажную весеннюю землю.

На дорожке парка раздался издевательский смех и лицо Наризеля тоже исказилось в насмешливой гримасе.

— Мы же тебе говорили, красавчик, она холодная, как рыба.

Я не стала слушать дальше. Насилия я не боялась. Они трусы. Поиздеваться над принцесочкой сомнительных кровей, это одно... Но сделать со мной что-нибудь большее, даже заносчивый и бешеный сидхе побоялся бы. За такое позорный столб и топор палача. А у его народа подобная смерть бечестье для всей семьи. Но само осознание того, что он сговорился с моими постоянными обидчиками и подло готовил мне ловушку... Отказа красавчик не ждал. Видно привык получать всё, что хочет.

— Вы все ещё преклоните передо мной колени, — вздёрнув подбородок, гордо и отчётливо выговорила я, пройдя мимо ржущей компании по дорожке обратно к зданиям Ковена.

И вдруг камень на моей груди вспыхнул так ярко, что хохочущие парни и девчонки невольно отшатнулись и затихли.

— Магический Артефакт?! Дура! Как же я могла поспорить на него, даже не зная что он из себя представляет? Ну, почему мама не рассказала мне, пока была жива? Впрочем, что же я чушь несу... Она ведь не собиралась умирать..

Вот в эту же ночь я уехала. После того, как перестала рыдать от обиды и несбывшейся мечты про романтическую любовь. В замок, конечно, я не могла не заехать. Я давно и тщательно собирала снаряжение именно для этого случая. Другое дело, что в этот поход я собиралась после окончания учёбы. А, если бы у отца родился сын, наследник, то может и никогда. Но сдуру попалась на слабо и нарвалась на этот спор..

Отцу я сказала, что получила приглашение от подруги, провести каникулы у неё. Он не возражал. Мачеха ждала ребёнка и беременность была тяжёлой. Но отец отличный менталист и чувствовал, что она ждёт сына. Но, почему-то не почувствовал ни моего вранья, ни моей боли. Может потому, что моя ментальная магия всегда была сильнее. А может просто им было не до меня. Чтож, буду или не буду я наследницей, а кожу саламандры добуду всё равно. Хотя бы для того, чтоб не отдавать мамин камень.

Я проснулась от холода. Костёр покрылся пеплом и едва тлел в рассветном тумане. Рядом с ним, как каменный истуканчик сидел маленький плакальщик. Ушки у него повисли ещё больше. Глазки затянула прозрачная плёночка. На длинных белёсых ресничках повисли капельки росы. Стоило мне шевельнуться и он тоже выпучил свои странные глазюки.

— Привет, — сказала я вслух. Голос в тумане звучал глухо. Вокруг меня всё так же тучей зудели комары. Щит против надоедливой мошки, даже для сил совсем неопытного мага — капля в море, а спасает от такой головной боли, что слов нет. Не будь его, меня бы высосали эффективнее, чем предки нашей ночной расы.

По преданиям лилу когда-то и вправду питались только кровью, но Предтечи изменили их, оставив только пристрастие к ночному образу жизни. Их кожа и глаза не очень хорошо переносили ультрафиолетовый спектр. Среди них почти половина имели цвет волос и глаз очень похожий на моего ночного гостя. Альбиносы... Остальные лилу были наоборот смуглокожи и черноволосы. Но что-то сломалось в их организме тогда, когда Предтечи уже ушли на свои луны и ничего поправить уже не могли. Всё больше слухов, что они вернулись к привычке пить кровь. Или только те, кто был альбиносами?..

На Чесмене была ещё одна раса, которой не помешало бы вмешательство создателей — нидлы. Двусущие. Их ещё иногда называют метаморфами. Пока они растут, могут изменять внешность как хотят. Пока не остановятся на облике, который считают самым привлекательным. И не было бы среди всех рас красивее их, если бы понятие красоты у них не было, мягко скажем, слишком оригинальным.

А ещё многое зависело от времени наступления взросления. Если случайно оно совпадало с периодом, когда в их сознание вторгалась вторая сущность... Результат мог быть не предсказуемым.

Время Тёмной Луны, когда это происходило, случалось крайне редко. Именно после этого и приходили Жестокие годы. Короткий промежуток парада лун. Когда материк, на котором обосновались поселенцы, оставался без привычного света хотя бы одной из семи лун.

Считалось, что в это время приходит Тёмная луна. Которой не видно на небе. Но она сводит с ума метаморфов. И, видимо, влияет и на саламандр.

Расшевелив угли, поставила нагреть воды для типса. В наших местах этот кустарник растёт прекрасно и для напитка с него собирают и почки, и молодые бутоны, и воздушные корешки. Типс резковатый и терпкий, но если в него добавить чуть порошка из поджаренных ядрышек колючего ореха, то он становится мягче и приобретает бодрящий оттенок. Чудесная штука для избавления от утренней сонливости.

Малявка, сидевшая на тощей попе, подобрав под себя ступни, здоровые как лапти, выжидательно таращилась на меня. Говорить, как за ужином, не пыталась. Мне уж стало казаться, что вечерняя беседа мне приснилась. Я пожала плечами. Достала из мешочка тетиву, которую на ночь прятала, чтоб не натянула влаги и привела в боеготовное состояние арбалет.

— На охоту? Кого есть будешь?

От неожиданно прозвучавшего в голове голоса я вздрогнула.

— Никого. Я детёныша саламандры ищу. Мне кожа его нужна.

— А есть точно не будешь? — удивлённо спросил маленький проглот.

Я помотала головой.

— Возьми Труми, я съем.

— А не слипнется, трёхметровую тушу слопать? — беззлобно пошутила я.

— Пф-ф-ф, — фыркнул он без всякой телепатии.

— Постой... Труми... Это зовут тебя так?

— Меня никто не зовёт, — погрустнел малыш, — один я тут. Позови меня, убийца..

— Здравствуйте... Ничего себе вежливый какой. Чего это я убийца?

— Ну, убиваешь, а не ешь. Мама говорила, поймал — ешь, а если не голодный, убивать зачем? Маму убили..

Мне почему-то стало стыдно. Захотелось объяснить. Показалось важным, чтоб маленький сиротка, который, как я знала совершенно точно, и сам далеко не вегетарианец, перестал называть меня убийцей.

— Труми, ты знаешь, что такое Жестокие годы?

Малыш, совершенно по-человечески пожал плечиками и склонил голову на бок. Как птичка бон. Она часто пела под моим окошком, так же смешно свесив головку, как будто прислушивалась к собственным трелям.

— Жестокие годы, — начала рассказывать я, убедившись, что для Труми определение, знакомое у нас даже самым маленьким, пустой звук, — это время, когда молодая матка саламандры изгоняет старую из трясины, не озаботившись тем, чтоб помочь ей уйти в место, где обновляют души. Она может прожить ещё долго. И, если бы ей нужна была только пища, люди не стали бы сражаться с ней. Убирались бы с дороги, пока добрые духи природы не увели бы её в верхние земли. Но, когда она видит как погибают её детки, она теряет рассудок и только и делает, что разрушает всё на своём пути и убивает всех, кто попадает на глаза. И не ест... Убийца... Понимаешь?

Треугольная головёшка согласно кивнула.

— Большую саламандру не победить без защиты от её магии. Она огромная. Сильная. И магически, и физически. А маленькая слабее. Я могу сразиться с ней. Сделать из её кожи доспех. А в нём имею шанс справиться и с взрослой маткой. Маленький шанс. Так что я не убийца. Я защитник. Защищаю свой дом. Своих близких.

— Понимаю... — малявка на секунду замялся, как будто раздумывал стоит ли доверять мне подобную информацию и передал, — Их сейчас нет здесь. Ушли к Ключам. Это — Магический Источник. Они там будут пока краснолист не зацветёт.

— Это где? Далеко отсюда?

— Не очень... Только..

— Что?

— Они там все... Съедят... Разве только не подходить близко. Иногда маленькие охотятся. Редко. Магия помогает не быть голодными. Только они ещё плохо умеют пить из Источника. Тогда уходят поймать еду. А большая только пьёт. Пока Источник от неё не откажется.

— Так её не Молодая матка выгоняет, а Источник?

Видимо новая матка рождается тогда, когда старая теряет возможность питаться магией. Мы всё понимали не так.

Новое знание показалось интересным, хотя и не слишком существенным. Людям, собственно, всё равно из-за чего выбирается из Трясины чудовище. Им нужно, чтоб его не

стало. Всё просто.

Наскоро перекусив, я начала соображать как пристроить нежданного попутчика, чтоб он, в случае опасности, не помешал обороняться. Усадить его на плечи не выходило, так как меч крепился у меня на спине. Но малявка, просёк мои метания. Не заморачиваясь, обошёл меня и пошлёпал своими ластами по поверхности болота, почти не проваливаясь. Лёгонький и ловкий, он гораздо лучше был приспособлен для путешествия по трясине чем я сама.

Самое странное, что его белёсая шёрстка оставалась девственно чистенькой. Хотя его огромные шлёпки то и дело обливали её фонтанчиками грязи, которые он выдавливал из болотной жижи, время от времени подпрыгивая от радости. А радовался он тому, что не один. Что его теперь зовут. Ведь у меня было сто вопросов на сто метров нашей дороги и моё "Труми, а скажи.." вызывало у него искренний восторг.

Вот и сейчас я задала вопрос, который всегда волновал меня.

— В наших предположениях о жизни саламандр столько белых пятен и иногда такое отсутствие логики... Вот, например, маленькие саламандры, они, когда вырастают такие же большущие как matka? Как же им тогда еды здесь на всех хватает? Или они тоже, взрослея, только магией питаются? И, что, эти взрослые все самцы? И они все сейчас там?

Малыш ошалело захлопал глазками от такого обилия вопросов.

— Они вырастают... — попытался вспомнить он все мои вопросы, — не такие большие, как matka. Вполовину меньше, примерно. И, да, они едят магию, когда собираются тут. А matka всегда живёт у Ключей. Рождаются они бесполоыми. Когда зацветает краснолист, начинаются бои. Тогда они ничего не видят вокруг, только дерутся за матку. Многие погибают. Тот, кто победит, меняется и становится самцом. Оплодотворяет матку и умирает. Вернее она убивает и съедает его. А на следующий год всё начинается сначала. Подрастают новые молодые особи и снова выясняют кто сильнее.

— А как же случается, что источник магии изгоняет самку? И откуда появляется новая?

— Труми не знает, — погрустнел малыш. Уж очень ему не нравилось чего-то не знать.

— Ничего, дружок, ты же не Велед, и не можешь знать всего.

— Дружок? Труми нравится... А кто это, Велед? Он знает всё?

— А знаешь, маленький, наверное, и он всего не знает. Не огорчайся. Ты и так мне много нового рассказал. Рыбки хочешь?

Рыбки Труми всегда хотел. Так хотел, что у меня её точно надолго не хватит с его аппетитом. Но сейчас, сколько бы сведений я не вытащила из хитрого малыша, много всё равно не будет. Он запрыгал, разбрызгивая болотную жижу, что меня заставило отскочить подальше. Мой комбинезон был рассчитан даже на падение в грязь, но когда тебе в лицо летят вонючие брызги... Это радости не добавляет. Я и так устала от этой бесконечной мокрени вокруг.

Увидев мой возмущённый взгляд и рыбку, которая чуть не вылетела из моего кулачка в грязь, скачки он прекратил. Но мой испуг его позабавил и он прехитренько захихикал в кулачок. Весёленький плакальщик. Такой вот оксюморон.

— Зато я знаю, что там, за Ключами есть старые, очень-очень старые развалины. Мама говорила, когда-то там был Храм. Ещё до того как с неба прилетели ваши Боги..

Он торопливо выдал эту тираду, поскольку его гаденький смешок заставил меня спрятать обещанную рыбку за спину.

— Вот это новость так новость! — подумала я, — неужели до нас здесь жили люди? Или не люди, а просто разумные существа... И куда же они делись? Интересно-о-о..

Мы снова пошлёпали вперёд. Труми сейчас не заглатывал лакомство как раньше, а сосал подсолённую рыбку, как леденец. Мне тоже было чем заняться. Даже в однообразии болота есть вещи, которые цепляют любопытный взгляд. Я перестала напрягаться после того, как малявка заявил, что он чувствует, если в радиусе арбалетного выстрела появляется кто-то относительно живой. Сначала меня смутило слово "относительно". Но оказалось Труми чувствует даже поднятых мертвецов.

— Только у них цвет другой, — сказал он важно, сделав бровки домиком.

Я не стала выяснять с плакальщиком имеет он в виду ауры или что-то другое. Он был знаком далеко не со всеми терминами магического Ковена. Да и с обычными понятиями человеческого общения. А показывать, что он чего-то не знает не любил. И, если я начинала над ним подсмеиваться, обижался. Поэтому пользовался всеми методами хитрого и лукавого пройдохи. Съезжал на другую тему. Многозначительно замолкал. Выкручивался и выспрашивал, пока не понимал о чём речь, если тема разговора интересовала его самого.

Я уже привыкла, что он общается со мной ментально. Но сама предпочитала слышать собственный голос в разговоре. Иначе мне казалось, что мой вопрос безвозвратно где-то исчезает. Глупо, конечно. Но через какое-то время я поняла, что, если хочу и дальше таскать его по королевству, как редкую ручную зверушку, то удобнее будет, если никто не будет знать, что мы довольно живенько беседуем без свидетелей.

Плакальщиков давно не видели на Чесмене. И, если бы не папины книжки, я бы не опознала его. А внешне он был милым, даже со своим частоколом острющих зубок. А побродить по королевству мне придётся, даже если я довольно быстро сумею добыть кожу саламандры. Ведь мне ещё нужно сделать из неё доспех. А это тоже не так просто. Это тебе даже не сложнейшее бальное платье сшить. И ведь магию не используешь. Не действует магия на кожу саламандры.

За этим ещё к проклятым сидхе топать. Только у них есть травы в настое из которых кожу нужно вымочить и мокрой склеить. Потому и нужен был на каждого короля-воина свой доспех, что после боя его просто разрезали. И секретом этим делиться они не желают. Да и не всякому с этим делом помогут. Им-то что. Они уж давно от Трясины в леса откочевали и до их жилищ ещё ни одна матка не доползала. Это хомо равнина нужна. Зерно сеять, скот кормить.

Это поначалу Жестокие годы всех уравнили. Когда Предтечи в сражении погибли, детей своих защищая. Только первый служитель Веледа, один из Предтеч, ещё лет двадцать прожил. Он уже тогда стар был и его в бой не взяли. Ему и принадлежала догадка почему его друзья улететь не смогли. Увидел как Магия коснулась первых изначальных. И про доспех придумал.

— Побеждать подобное подобным..- такие слова в папиной книге были.

А потом колонисты стали расселяться. Всё таки не слишком сильно меняли расы Предтечи. Опасно это — глубокие изменения в структуре ДНК.

— Как не строй из себя Бога, — говорил Первожрец ученикам, думая о чём-то своём, из прошлого, — а, если стучать молотком по уже высохшей глине, ничего, кроме черепков, не получишь.

Вот и искал каждый народ места привычные тем, в которых их предки жили.

Поэтому сидхе ушли в леса. Иары на побережье. Цверги в горы. Воргены в сухую степь. Лилу вырыли подземные города под холмами. Нидлы поселились на островах и в плавнях озёрного края. А хомо остались на плодородных равнинах, недалеко от Приболотья. Там, где

и высадили первую колонию поселенцев. Места и вправду самые благодатные. Если бы не проклятые саламандры.

Мы с Труми шлёпали по трясине уже третий день подряд. Дважды ночевали на небольших кусочках суши. Во второй день после нашей с малышом встречи, островок показался через четыре часа пути и идти дальше я побоялась. Так как у меня не было не только точной карты, но и вообще никакой. До этих мест не добирался ещё ни один составитель карт.

Возможно, кое-кто из моих предшественников и доходил до этой области болотища, с теми же, что и у меня притязаниями, но никаких документов, подтверждающих это, найдено не было. И у меня не было никакого желания заниматься ремеслом картографа. Хотя память у меня была хорошая, благодаря способностям менталиста, и я, при желании, могла бы впоследствии составить приличную карту. Но у меня было стойкое убеждение, что те, кто претендует на то, что можно посчитать воинским подвигом, ну, или хотя бы выдающимся охотничьим приключением, должны свой путь пройти сами.

Кроме того, охота за кожей саламандры за прошедшие века обросла кучей ритуалов и условностей. Время охоты тоже было обусловлено. И, видимо, не зря. Наверняка, за многие годы наблюдений, ещё изначально, были изучены и миграционные особенности. А я рванула на охоту в то время, когда у края Трясины детёнышей и быть-то не могло, так как они откочевали к Источнику. Прежним охотникам заходить далеко не нужно было. Это я устроила дополнительную работу ногам, которые, как известно, работают исключительно на глупости, которой заправлена черепная коробка.

И нельзя сказать, что я, со своей любовью к самообразованию, пропустила нужную мне литературу. Просто я считала, что время до предстоящей охоты у меня ещё есть и читала ту литературу, что мне нравилась больше всего. То есть мифы, легенды, исторические источники. Оставив практическую биологию на потом.

И нельзя сказать, что я не нашла того, что искала. Попав в новый мир, поселенцы нашли его довольно густо населённым разными живыми существами, зачастую слабо напоминающими тех, которые были известны в мирах исхода. И каждая раса давала им названия по мере обнаружения, исходя из тех знаний, которые были вложены в своих детей Предтечами.

Саламандрами назвали этих чудовищ хомо. В их легендах, существа напавшие на них вполне соответствовали легендам их народа. Даже слишком. Жили они в болоте. Выходили из него во время дождя. Обладали огненной магией. Да и сами в огне не горели. Напоминали ящеров или драконов. Были ядовиты и даже запах яда отдавал горьким миндалём. Это, кстати одно из немногих растений, которое прижилось на новой земле и активно использовалось в магических зельях.

Я читала и описания этих легендарных существ со слов Плиния и Леонардо да Винчи. Целитель и алхимик Парацельс (а говорили, что в землях исхода не было магов!) считал их огненными элементами. А в Талмуде — священном тексте одного из древних земных народов, говорилось, что рождается саламандра в месте, где в течении семи лет разводили огонь и, что стоит намазаться кровью саламандры и пламя тебе не повредит.

Но, вот тут уж я не согласна. Или всё же чесменские саламандры земным дадут большую фору. Кровь наших тоже ядовита. И кожу, перед тем как использовать, сидхе отмачивают в нескольких отварах и настоях растений-противоядий. Жаль, что до ритуалов

связанных с самой охотой я так и не добралась. Хотя описания боёв известных всем королей-героев и, конечно же, королевы Минеры, я зачитала до дыр. То есть представление о том, как сражаться я имела. А вот прочее сопутствующее как-то упустила. Вот и пыталась заполнить пробелы с помощью Труми.

Ментальная болтовня давалась мне всё более непринуждённо. Я уже преодолела стойкое предубеждение, что мысленные беседы сухи и безэмоциональны, так как не подтверждаются слуховыми интонациями и зрительно, жестами. Но длительные разговоры с моим, не то чтобы бесхитростным, а скорее по детски непосредственным, собеседником, дали понимание, что мозг сам добавляет к ментальной речи привычные для слуха интонации. Более того, тот образ, характер, который мы рисуем себе, исходя из своего собственного жизненного опыта, позволяют даже представить определённый тембр голоса. Так же, как мы придумываем образ и прочие характеристики героям книг.

Ещё один островок для следующей ночёвки почти ничем особенным не отличался, только устроиться с удобством нам на нём не удалось. Нашли мы его уже в сумерках, да и то только благодаря чутью Труми. Этот клочок земли был самым маленьким из всех предыдущих и совсем без растительности. Моховых кочек, с сухими верхушками, годными на топливо, вблизи тоже не наблюдалось.

Животные приспосабливаются для определённых условий жизни в течении многих поколений и, если им это плохо удаётся, популяция вымирает. Чем более разумно существо, тем большим оппортунистом оно является, тем легче приспосабливается. При полном отсутствии магических способностей, отсутствие огня стало бы для меня критичным. Эта стихия по сути своей является природной магией. Даже в не магических мирах. Существо становится разумным, заручаясь помощью стихий.

Огонь это свет, тепло, безопасность. Хотя бы её иллюзия. По настоящему сильный маг стихиями управляет. И, была бы я таковой, всё было бы проще. Разжечь костёр без топлива, создать щит, ментальную пугалку, поднять элементаря-сторожа. Мало ли возможностей у мага? Я и малой части ещё не знала. Да и уровень силы требует раскачки.

— Не мельтеши, — малявка цеплял всё больше моих словечек, — Источник рядом.

Я металась, пытаюсь использовать ускользящий солнечный свет, обустроивая стоянку.

— И что? — чувствуя себя дурочкой, притормозила я.

— Ты тут как моховая мочалка. Даже если выжмешь воду, она тут же впитает ровно столько же. Не умеешь сделать настоящее пламя, зажги огонёк, чтоб не спотыкаться о кочки. Воду вскипятить можно прямо в котелке. Даже щиты подпитать хватит. Или морок накинь. У тебя это хорошо выходит.

— Я никогда не работала с внешними источниками силы, — развела руками я.

— Ты что и вправду глупая? — захихикал этот невыносимый чудик, — вы же все черпаете магию из Источника. Все-е-гда.

— А зачем же тогда раскачивают уровень?

— Вот сразу понятно, что вы не из этого мира. И к магии приспособлены не были. И всё, что вы о ней знаете сейчас, как вы говорите, познавали методом научного тыка. Вы не лёгкие растягиваете, чтоб побольше воздуха для ныряния задержать, а руку вытягиваете, чтоб с наибольшего расстояния ману зачерпнуть. Это достаточно наглядно?

— А-а-а, у-у-у, о-о-о, — задумчиво прожевала я набор эмоциональных возгласов, представляя себя то монстром с раздутой грудной клеткой, то длинноруким чудовищем с черпалкой для маны.

Малявка уловил мою внутричерепную иллюстрацию и снова прыснул.

— Подумаешь, абориген с научной степенью... — попробовала изобразить обиду я, хотя уже начинала понимать изменения, происходящие с моим попутчиком.

Поначалу, его речь и понятия были несколько примитивными, напоминая речь ребёнка, но, общаясь ментально, он вдоволь потоптался в моём чердаке и поживился моими словечками и образами так, что иногда начинало казаться, что я сама с собой разговариваю. И, если уж использовать до конца сравнение моей головы со старым чердачным складом, то натасканное из его пыльных углов и давно мной забытое, по совершенно разным причинам, сделало нас ближе, чем были все, с кем я общалась раньше.

У малыша не было этических границ и он совался кругом, как любопытный крольчонок. Для людей-менталистов этика основное. А Труми за эти пару дней превратился для меня в подобие выдуманного друга для ребёнка. Разговаривать с ним всё равно, что с внезапно ожившей мягкой игрушкой.

Рассказывая ему о моём детстве, я неожиданно переосмыслила для себя очень многое. В ментальном общении есть своя специфика. Ты не можешь охватить всё, не можешь найти нужную информацию, без помощи хозяина. Продолжая тему хранилища, это всё равно, что идти между рядами полок с закрытыми одинаковыми ящиками. Ты видишь только то, что открыл и чем пользуется хозяин. Для того, чтоб найти что-то определённое, нужно задать правильный вектор поиска. Поэтому это был не обыск, а именно общение, где вопросы цеплялись один за другой и открытие тех самых заброшенных уголков зависело исключительно от интереса моего странного собеседника.

А Труми соскучился по общению. Уж очень долго, как оказалось, он был один. Для существ владеющих магией, жизнь напрямую качественно зависела от такого удачного соседства с Источником. И тот, кто казался мне малюткой, на самом деле даже приблизительно не мог назвать мне свой возраст.

Но лёгкость нашего общения и его внешний вид не давали мне об этом задуматься. И я говорила и говорила, выплёскивая заинтересованному слушателю боль своего одинокого детства и не менее одинокой юности.

— После маминой смерти, — жаловалась я, — дворец очень быстро опустел. Фрейлины и компаньонки не могли жить в доме одинокого мужчины. А молодые дворянки и, озабоченные устройством их судеб, родственники не осаждали дворец, как это случается с домами овдовевших аристократов. Выбор жены для короля лежит на плечах жреца Веледа.

До сих пор я была уверена, что отец любил меня. Когда я попадалась ему на глаза, а я, само собой, старалась чтоб это происходило почаще, он с удовольствием занимался мной. Как умел. Учил, заботился. Но, если я не успевала оторвать его от его мыслей, он мог забыть обо мне надолго, запершись в своих покоях с книгами и вином. Это, что касается свободного времени. А его было и так не много. Управление государством — работа, которая не прерывается со смертью супруги.

Я убегала от слуганок, приставленных ко мне гувернанток, и искала его в длинных и полутёмных книгохранилищах и, не найдя, сама забиралась в укромные уголки с каким-нибудь старинным фолиантом. Я научилась стрелять из лука и арбалета, управляться с коротким лёгким мечом и кинжалом, ездить верхом на таймахе и даже летать на вигоне. Но не очень умела быть девушкой. Нет, природный вкус и страсть к рисованию давали мне возможность правильно компоновать цвета в одежде. И, подрастая, я конечно же следила за тем как одеваются дамы на обязательных балах и дворцовых мероприятиях. Но с кем мне

было обсуждать девичьи стремления и страхи? У кого учиться милому кокетству? У замотанных служанок и старых дев гувернанток?

Служанки, я это замечала, прячась в дворцовом парке, конечно, кокетничали с охраной или конюхами. Но это было грубоватое деревенское ухаживание с игривым шлёпаньем по крепким филеям поварих и щипками горничных. Уместно ли принцессе игриво взвизгивать и отпихивать увлѣкшихся кавалеров? Почему-то я была уверена, что нет. Я вспоминала с каким спокойным и гордым достоинством держалась мама. И как едва видимо покрывались румянцем её щѣки, когда отец легко касался губами её запястья. Это было так давно..

А теперь у него была другая. И вот-вот родится их первенец. Да и я уже не та малышка. Моё лицо слишком напоминает мамино, чтоб мачехе хотелось видеть меня во дворце. Если слишком часто напоминать ей о том, что я уже выросла, то того и гляди отправят меня к Веледу в закрытой карете. Уж лучше в Ковене. Учиться магии. Может отец, получив долгожданного наследника, не станет настаивать на моём замужестве с каким-то чужим и незнакомым человеком, а я смогу отказаться от дворцовых обязанностей и стать боевым магом.

В этой среде, по крайней мере, я смогу выбрать себе спутника по любви. Те, кто рискует жизнью в каждом сражении, не слишком желает сдерживать себя условностями. Маги иногда всю жизнь живут свободными парами, не ограничивая себя церковными церемониями. Или меняют партнёров, если любовь ушла. Маги и магички существа гордые. Принуждения не терпят. Гендерными различиями пренебрегают. Они не просто супруги. Партнёры — это правильное. А детей заводить... Так я не уверена, что мне этого хочется.

И не потому, что я боюсь. Что мама умерла родами... Конечно, сама я не пробовала, но... Боевой маг тоже может получить рану в бою и должен будет терпеть боль. Даже магическое излечение не всегда безболезненно. Иногда боль — часть лечения. Когда-то я сказала об этом своей гувернантке, которая вечно тыкала мне то моими бывшими предками, то моими будущими потомками. И вечно рассказывала всяческие поучительные легенды.

Однажды она поведала мне, что древний бог хомо наказал созданную им женщину за любопытство и ослушание, изгнав её из места, которое называлось рай. Да ещё и и пригрозил, что рожать будет в муках. На что я ей ответила, что лучше потерплю, чем буду заниматься таким бесполезным делом, как уборка в моей комнате или чистка одежды. Сколько ни старайся, всё равно испачкается. Такое же божье наказание, как у того мужика, которого заставили толкать в гору камень. А он всё скатывался назад.

Вы скажете зачем принцессе, с обилием служанок, заниматься такими вещами? Оказывается, так когда-то приказала мама. И это единственный довод, который я принимала, не переставая, впрочем, бурчать и огрызаться. И, только благодаря этому маминому наказу, я умела самостоятельно обслужить себя, приготовить себе еду, не только починить, но и сшить одежду, какую попроще.

Я всегда мечтала когда-нибудь приехать на побережье, где живёт моя бабушка. В маленьком домике над обрывистым берегом с видом на беспрестанно бурлящие воды. Посмотреть как солнце садится за далѣкий горизонт. Как луны серебрят горбы накатывающих валов. Покататься на качелях в мамином укромном уголке в саду. Я помнила её рассказы и не желала забывать, сколько бы лет не прошло.

Мама говорила, что я родилась в этом доме. Точнее не в в самом доме, а в море у дома. Родилась преждевременно. Мама была у своей семьи в гостях. И бабушка убеждала её остаться и родить ребёнка, как положено иарам, в море. В тот день мама ушла поплавать,

проведать любимые места. И родилась я.

Отец не ездил вместе с мамой. И бабушка никогда не приезжала во дворец. Я не знала почему, но она злилась на отца. Но, когда умерла мама... Я подслушала о чём болтали повитухи. Но не совсем поняла и не сразу поверила. Почему мама должна была рожать в море?. И почему папа не позволил ей родить там брата?.

Я погрустила. Труми тоже помолчал. Наверное тоже вспомнил маму. Мы оба вздохнули и плавненько перешли на тему божьих наказаний.

— Труми, а тебе не кажется, что вся эта круговерть с саламандрами выглядит неестественной? Ну, не бывает так в природе. Бесполое потомки сражающиеся и погибающие за то, чтоб стать самцом и оплодотворить собственную мать, пожирающую выжившего. Новые самки, судя по всему, появляющиеся из этой же толпы. Какое-то бесцельное и противоприродное существование.

И этот ад убийств и разрушений, который устраивает Матка, выползающая из болот в Жестокие годы... Из-за чего? Погибшие детки, как мы думали раньше? А, вырастая, они её перестают волновать? Бред какой-то. Изобрели мы себе историю, исходя из собственного менталитета, похоже. Но самка-то мешает людям на самом деле. Вне зависимости от того, что её к этому побуждает... А может есть какой-то способ изменить условия этой глупой игры природы? Или не природы..

Я любила читать. И одной из самых моих любимых детских книг были Легенды о богах и героях расы хомо. Ещё до пришествия на Чесмен. И я бы сказала, что такое существование саламандр вне логики природы, стремящейся к совершенствованию своих творений. Оно больше похоже на наказание богов... Не тех ли, чей древний Храм Труми упоминал в разговоре?

Тяжёлые тучи висели над головой целый день. И всё же ливень разразился внезапно. Хорошо хоть нам повезло и в пределах видимости показалась целая цепочка островов, по косой уходящая вглубь Трясины. Труми сказал, по ней можно дойти до самого Храма. Но Источник оставался левее и возле них вполне даже можно поохотится на маленькую саламандру. Тем более, что и добычи вблизи земли больше. Что вполне себе могло послужить для них приманкой. Вот только бы ей не послужили мы... Труми уже давно чувствовал вблизи несколько довольно больших живых объектов. Пока, на опасное расстояние они не приближались. Но я всё таки снова подобралась и насторожилась.

Я всё ускоряла шаг, стремясь оказаться поближе к берегу. Труми волновался всё больше. Дождь уже не просто лил с неба, а хлестал по лицу, заливая глаза. До возжеленной земли оставалось шагов с сотню.

— Замри! — почти прошелестел в голове голос моего спутника и я увидела мгновенно окружившее нас марево иллюзии.

Замерев, я хотела было добавить своё плетение в заклятье, но подумала, что совсем ничего не знаю о магии плакальщиков и побоялась сбить тонкую настройку чужой ментальной магии. Меня успокаивала близость Источника. Я и свою магию ощущала всей кожей. Последние сутки её покалывало и волоски все разом поднимались дыбом. По телу время от времени прокатывала слабая волна энергии.

— Не шевелись! — ещё тише, зазвучал наполненный ужасом голос. Наверное опасность была совсем близко. Я напряглась и всё же неожиданное громкое шипение огненного столба, вырвавшегося в нескольких шагах от меня, напугало до полусмерти. Мне показалось пламя взметнулось прямо у моих ног.

— А-а-а! — завизжала я и метнулась в сторону, чтоб не оказаться прямо в горячем коконе.

Труми скривил мордашку, но остался на месте, надёжно прикрытый своим же мороком. Пожалеть о своём идиотском перепуге я успела. Успела даже обрадоваться, что малыш оказался сдержанней. Если бы я вынуждена была во время боя думать ещё и о нём, было бы гораздо трудней. Выметнув заготовленное задолго до этого дня заклинание левитации, пробкой выскочила из вязкой жижи, одновременно оборачиваясь щитом.

Будь я в Ковене, на тренировочном полигоне, такое спешное заклинание оставило бы меня наполовину пустой. Ускорение требует дополнительной маны. Но Ключи влили в меня радужную волну энергии так быстро, что я не успела даже расстроиться от этого опасения.

Огонь, хлопнув длинным факелом, исчез над поверхностью, а бурая вода уже поднималась маслянисто переливающимся горбом и оттуда возникала округлая морда с широченной пастью, полной, покрытых рыжим налётом, зубищ. С ярко-алым узким и длинным языком-плетью и красновато-оранжевыми мешками яда по бокам. Чёрная блестящая кожа, с крупной чешуёй, сквозь которую просвечивали огненные сполохи, как сквозь корку застывающей лавы, покрывала и тело, и длинный хвост с закруглённым концом.

Чудовище гибко изогнулось и ловко плюнуло в мою сторону жёлтым ядом, который растекаясь по щиту, растворял его, и он разлезался как старая тряпка. Я с ужасом заслонила новым щитом, порадовавшись безразмерному резерву.

— Боги! Никогда в жизни не видела магических щитов, подверженных действию яда!

Я взлетела повыше и следующий плевок шлёпнулся в болото и зашипел, пуская зелёную пену и распространяя одуряющий миндальный аромат, от которого запершило в горле.

— Да уж, — выпучила глаза от удивления я, — лучше стрелять с большего расстояния, чем пропустить такой подарочек через щит..

Однако попасть я должна была точно в глазницу. А монстр вертелся как на сковороде, совсем не желая делать мою задачу легче. Единственное, что мне пока удалось, это отвести его подальше от застывшего, как пенёк, Труми. И, да, издали он и выглядел пенёком, чьей

иллюзией и прикрылся.

Находишь чудовище на прежнем месте, оно давно сбило бы его с ног, хлещущим в ярости хвостом. Памятуя о размерах Матки, я думала о трёхметровом детёныше, как о "мелкой неприятности". Но на деле, уже полностью выбравшийся из воды, ящер совсем не казался мелким. Мощное мускулистое тело, быстрое и удивительно хищно-прекрасное, передвигалось по поверхности скользя так легко, что я поняла, не будь левитации, я бы уже в первые секунды была тем самым холодным трупиком, который не собирались добывать из болота мои соученики.

— Правда камешка они не получили бы тоже, — злорадно хихикнула я. Горячка сражения не добавляла точности моим выстрелам. Руки ощутимо дрожали. Одно радовало, чудовище не собиралось оставлять добычу. И тупо пёрло за мной в сторону суши.

— Прекрасно, — пришла в голову ещё одна заманчивая мысль, — не придётся тащить эту тушу из воды, если удастся привлечь её хотя бы на мелководе. Не говоря уже о твёрдой земле, куда в такой ливень саламандра вполне могла выбраться. Существовала ещё надежда, что на земле она не будет такой подвижной и мне всё же удастся выцелить, никак не поддающийся, янтарный глаз.

Как только лапы чудовища коснулись земли, я поняла, что моя надежда оправдывается. Тварь действительно замедлилась. Она уже не изгибалась серпом, а, приподнявшись на коротких кривых лапах, потрусила в мою сторону. И я рискнула. Опустившись пониже, замерла, сделала несколько ритмичных выдохов, успокаивая захлёбывающийся пульс и спустила курок арбалета. Одновременно в мою сторону полетел сгусток яда и ощутимо шлёпнулся в щит.

Правда-правда. Кто-то скажет такого не может быть. Нельзя почувствовать касания чего-то физического к щиту. Но, видимо, в яде была и магическая составляющая. Иначе почему же он снова пополз клочьями. Однако арбалетный болт уже глубоко вошёл точно в глазницу монстра, разрывая его мозг. Визг подыхающего ящера перешёл, казалось, в ультразвуковой диапазон и у меня на мгновение сжало виски. Ещё несколько конвульсивных движений и добыча замерла в десятке шагов от берега.

— Всё?! Это уже всё? Я добыла кожу саламандры?

Не веря сама себе, я застыла, всё ещё не решаясь подойти к неподвижно лежащему телу. Всё произошло так быстро. И, как мне показалось легко. Почти как охота на крупных яростных кошек в горах цвергов. Чуть поменьше размером, чем убитый детёныш, они правда не обладали никакой магией, но тоже были опасны. У айрисоа чудесный мех. Тёплый пушистый и лёгкий. Правда на них мы тоже охотились с воздуха. Не левитируя, а верхом на вигоне.

Я чувствовала лёгкую эйфорию. Чуть кружилась голова. Как в тумане я увидела Труми, бегущего, смешно подбрасывая босые ступни, в мою сторону. И засмеялась. Опустилась на землю и вдохнула запах миндаля. Голова закружилась ещё сильнее. Веки потяжелели и я прикрыла их, не в силах справиться с неподъёмным весом ресниц. Они, как занавес из шифона, размазали неприглядный болотный пейзаж, и в глаза полезли, облепленные белорозовыми цветами, ветки миндального дерева. В голове запела птичка бон, и я взлетела куда-то в сторону неожиданно появившейся луны. Я точно знала, если она возникла в моём видении, то где-то там, за розовым цветом, рай, откуда выгнали непослушную и любопытную женщину, которая не хотела вышивать, а попёрлась на проклятое болото за кожей саламандры.

Очнулась я в полной темноте. Ну, не совсем полной. В нескольких шагах горел небольшой костерок, уютно потрескивая дровами. Я лежала под деревьями, между которыми был растянут тент. Дождь уже не шёл. Но воздух был прохладным, влажным и свежим. Мне не хотелось двигать головой и свет костра лёгкими всполохами освещал стволы деревьев и тёмное небо где-то на краю зрения.

Ещё полежав, я лениво подумала, что повернуть голову, наверное, всё-таки надо. Вряд ли костёр развёл Труми. Ещё меньше надежд на костры в раю... С трудом двинув шеей, мне казалось она сейчас заскрипит, я взглянула в сторону огня.

— Это я ещё сплю, — так же лениво подумала я, — иначе откуда маленький мерзавец плакальщик выцепил мою неудачную любовь? Наризель?

Мой слабый шёпот заглушил тихий клёкот вигоня.

— Тише, Витре, разбудишь, — услышала я мягкий баритон сидхе, сидящего спиной ко мне, рядышком с моим белобрысым дружком. Он глянул в мою сторону, очевидно, чтобы убедиться, что шум не разбудил меня и наткнулся на мой взгляд. Лицо его, такое же удлинённое, с высокими скулами и изумительно правильно очерченными губами, было не таким надменным, как у Нариеля. Скорее холодным и спокойным. И глаза были не изумрудными, а аметистовыми. И коса заплетена иначе. Она не скрывала заострённые кончики его ушей. Тогда как мальчишка-сидхе их всегда прятал.

Хотя лицо его не выглядело старым, совсем наоборот, по сравнению с ним Наризель казался мальчишкой. Возраст прятался исключительно в глазах. А так, кожа без единой морщинки, правда странно смугловатая для его расы. То ли кто-то в его родне прогулялся, то ли долгие путешествия добавили цвету его лица загара и выдубили ветром, гуляющим на высоте вигоньего полёта..

Видно мои мозги ещё не прояснились. И лицо, так не кстати напомнившее о разбитых мечтах..

— Ненавижу сидхе, — прошептала я и снова потеряла сознание. Только и увидела, чуть дрогнувшее от несправедливой обиды, удивительно красивое лицо.

Окончательно моё тело оправилось от встряски с рассветом. Солнце ещё не взошло. Но роса на траве указывала на занимающийся погожий день. Ночное видение, в первый момент, показалось мне причудливой игрой фантазии.

— Неужели первое чувство, робкое и неловкое, так сильно запало в душу, что сидхе явился в мой сон? Но ведь это был совсем не Наризель..

Я тихонько сбросила одеяло и поднялась на одно колено. Оглядела стоянку, окружённую чужим щитом, который, в отличие от моего, переливался зеленоватыми сполохами. У почти угасшего костра, ещё слегка потрескивающего и и брызгающего искорками, спали двое.

Мой ночной сон оказался и вправду очень красив. Не той слащавой юношеской красотой, которая сразила меня, девчонку, у Нариеля. Черты лица мальчишки были нежными, почти девичьими. Огромные зелёные глаза в облаке пушистых ресниц, контрастирующе тёмных по сравнению с волосами, только на самых кончиках становившихся как бы чуть припылёнными и мягкие губы, поцелуев которых так хотелось попробовать. Казалось, от прикосновения они, как сладкая болотная ягода потекут соком.

Спящий сидхе был явно выше, шире в плечах, как я уже говорила, с более смуглой кожей и волосами ближе к оттенку светлого золота, чем серебра, как у южных. Глаза его, естественно были закрыты, но я помнила их мерцающий аметистовый свет. Радуюсь, что он

спит, я с какой-то глупой жадностью, беззастенчиво разглядывала его, одновременно и боясь, что он проснётся и застанет меня за этим занятием и так же сильно желая снова окунуться в этот глубокий завораживающий свет.

— Нет уж! — вдруг встряхнулась я, — хватит с меня этих остроухих обольстителей.

Зло глянув на ничего не подозревающего обольстителя, который во сне ничем таким и не думал заниматься, я топнула ногой и увидела радостно распахнутые глазки Труми, спавшего, как всегда, сидя на худой попке. Тощий альбиносик издал ментальный писк радости и, подпрыгнув, повис у меня на шее, обвинив её тонкими но сильными лапками. Глазки ставшие тёплыми, карими, смотрели прямо внутрь меня.

Я потискала своего дружочка и пощекотала носом его лобастую головку. Говорить мы могли и без слов, поэтому разбудить спящего я не боялась. Но всё равно решила отойти в сторонку. Во-первых я слишком долго спала и моё тело чувствовало себя неудобно. Всё таки у него имелись кое-какие потребности. Да и умыться нужно было. И хоть чуть привести себя в порядок. Всё таки тот, что спит у костра, не мохнатая игрушка, которой всё равно, что у меня на голове сейчас не меховая шапка с хвостиком, а колтун из сбившихся волос.

Приложив к губам палец, вполне определённым жестом, я погрозила малышу, сначала бросившемуся за мной в кустики, а потом притормозившего, без всякого смущения, впрочем. Щит спокойно выпустил меня. То ли настроен он был никого не впускать, но выпускать любого пожелавшего, то ли с моей конкретно аурой был ознакомлен, как с дружеской.

Выждав, пока я не показалась на отдалении и не направилась к весело журчавшему невдалеке ручейку, текущему от холодного, чистейшего родничка, малыш уселся столбиком на краю нашего лагеря. Я попросила его последить, чтоб мне случайно не помешали выкупаться в пусть и холодной, но чистой воде. Чего уже давно просила моя шкурка.

Подумав о шкурке, я вспомнила о добытой саламандре и, не переставая шустренько разоблачаться, пока есть возможность поухаживать за собой любимой без назойливых свидетелей, я обратилась за сведениями к Труми.

Думая о назойливости этих самых свидетелей, я ещё раз беспричинно, хоть и так же неосознанно, обидела северянина. О чём, так же мысленно, и пожалела, слушая объяснения малыша. А может мне, дурочке, и хотелось от гостя внимания? Тоже, конечно, неосознанно... Тяга у меня какая-то к остроухим, что ли?

— Когда ты убила саламандру, — торопливо рассказывал плакальщик, — то вдохнула небольшую дозу яда, через расползающийся щит. Но её вполне могло бы хватить для твоей смерти. Если бы не этот лекарь-сидхе, который услышал вой подыхающего чудовище, пролетая над болотом на своём вигоне. И поспешил посмотреть что случилось.

Я упрямо фыркнула, представляя себя, валяющуюся без сознания в грязище и не желая быть ничем обязанной гадким остроухим. Но тут же покраснела от стыда и, чтоб не показать краски на своих щеках, нырнула с головой в неглубокую заводь, образованную на ручейке из-за упавшего ствола дерева и нацеплявшейся на его воткнувшиеся в землю ветви, сучьев, длинных побегов болотной травы и кусочков торфа. Всё это хоть и пропускало, текущий в болото, ручеек дальше, но не давало течь ему свободно. Маленькую купальню я и устроила на этом месте.

Мой румянец мог смутить меня, но Труми было на него плевать. Он и так слышал все мои мысли. Поэтому хитро рассмеялся.

— Ну, и что ты так развеселился? — снова обиженно фыркнула я, — скажи лучше, что с моей добычей. Обидно, чёрт возьми, если саламандра, чуть не прикончившая меня своим

ядом, сгниёт в болоте и я не получу своего желанного трофея.

— Лами..- малявка запнулся, — я всё время забываю как там дальше. Трудные всё таки у сидхе имена. Он разрешил называть его Лами. Мне разрешил, — зачем-то уточнил малыш.

Я хмыкнула. Но припомнив с какими условностями связаны династические особенности родов сидхе, поняла, что мне придётся отдельно выяснять каким именем мне позволят называть, так удачно подоспевшего к глупой, надышавшейся ядовитыми парами, принцессочке, северного путника. Ещё и обидевшей своего спасителя. Хоть и не нарочно. Не буду же я рассказывать незнакомому мужику историю своей неудачной первой любви.

— Я уже рассказал, — влез в мои сомнения Труми, — он не обижается.

— Ах, ты маленький болтун, — я даже выпрыгнула из воды от возмущения, — а что ты ещё ему рассказал?

— Вот, уж, никаких вселенских секретов я не выдал, — невозмутимо заявил мелкий нахал.

— Саот Темноликий! — с бешенством припомнила я тёмного бога, — конечно, если этот лиловоглазый понимает Труми, то он тоже менталист! Может и более сильный, чем я, недоучка. И наверняка мог сам покопаться в моей голове, чтоб определить моё самочувствие.

Моё раздражение снова не позволило мне трезво подумать, что я опять обижаю такими подозрениями, ничем не провинившегося передо мной, мужчину. Что все мои детские обиды равняют его с, оскорбившим меня, юнцом, заставляя думать, что он мог нарушить табу лекарей-менталистов и влезть туда, где обретаются воспоминания, никак его не касающиеся. Я даже на секунду забыла, что в беспамятстве невозможно увидеть чёткие образы и услышать мысли, а только определить эмпатический фон и, вкупе с расцветками ауры, определить нарушения в организме больного.

В мой возмущённый ментальный вопль влезли совершенно спокойные шиканья малыша.

— Тише, да тише ты, ламия бешеная, — не менталист он. Эмпат. Правда очень сильный.

— А как же он с тобой, трепач ты болотный, разговорился? — разобиделась я на ламию.

— Всё таки мог бы выбрать сравнение и менее болезненное. Мало меня рыбой дразнили? — кусая губы, подумала я.

— Извини, — неожиданно попросил прощения малыш, — я не подумал..

Он смешно почесал затылок здоровенной лапой, так смешно выглядевшей на тощей кисти и добавил тихонько.

— Он наш язык знает. У них там в тундре ещё живут плакальщики. Он обещал меня туда отвезти.

— Ты хочешь меня бросить? — растерялась я и тут же осеклась, подумав сколько лет провёл в этом болоте совершенно один, тот, кого я так глупо по-прежнему называю малышом.

— Это ты извини меня, Труми, — растерянно повинилась я, вылезая из воды и с нежностью глядя на сгорбленную спинку плакальщика, которому я, отправляясь на помывку, велела не пляться на обнажённых принцесс, а смотреть за тем, чтоб наш гость не явился не вовремя.

Расчёсывая пряди ещё мокрых волос (сколько бы я их не сушила магией, они почему-то оставались всегда чуть влажными), я вернулась к наболевшей теме о своём трофее.

— Ой, это было так интересно! — обрадовался перемене болезненной темы о расставании, плакальщик, — сидхе не позволил Труми скушать саламандру. Сказал мясо

ядовитое. И трогать его нельзя. И сам даже кожу резать не стал.

— А как же..? — влезла я, но Труми перебил.

— Он руку надрезал и накапал крови в бочажину, — чему-то хихикнул тот, очевидно, вспоминая чем-то насмешившие его действия сидхе, — а потом забулькал пальцами, как птенец гарги лапками гребёт и тут как навсплывало сосунов!

Я передёрнулась. Сосуны — самая неприятная тварь, что есть в Трясине, — для меня, так хуже всякой саламандры. Идя в болото, я даже на защитный комбинезон навесила дополнительных артефактов от этой дряни. Бордовые черви, с локоть длинной, круглыми присосками с обеих сторон трубчатого тела и обрамлявшими их коротенькими, вечно шевелящимися в поисках добычи, щупальцами. Они могли присосаться к любому живому существу и, пустив под кожу растворяющий плоть яд, высосать это заживо превращающееся в кисель тело.

— Бр-р-р-р! — у меня по телу мурашки побежали от отвращения.

— Он их палкой на берег натаскал, — не обращая внимания на моё брезгливое оханье, восторгался малыш.

— Прямо стоя в воде?! — ойкнула я.

— Да, нет, же, — непонимающе глянул на меня малыш, удивляясь моей неожиданной глупости, — левитируя.

Я снова покраснела.

— Эти сидхе, — я опять непонятно почему разозлилась на мужчину, — превращают меня в безмозглую блондиночку!

— Брюнеточки тоже бывают безмозглыми, — вмешался Труми в мои мысли, неожиданно обнаруживая совсем даже не детское ехидство, — особенно, когда им некоторые остроухие, мозги в сливочный крем превращают.

— Ах, ты, гадёныш хитрющий! — разозлилась я, ловя себя на том, как ловко этот болотный перевёртыш заставляет себя чувствовать нежным пушистым малюткой, имея на самом деле жизненный опыт непонятно скольких лет жизни.

Живя в этой трясине один, день за днём, он может и терял облик разумного существа, но сейчас очень быстро его восстанавливал, ставя меня в тупик таким быстрым и неожиданным развитием. Ведь только недавно я нашла и приняла его такого маленького одинокого и миленького... А тут гляди, эта зараза превращается в прожжённого ехидину.

Ехидина, тем временем, делала вид, что не замечает моего праведного гнева и возбуждённо, как пятилетний сорванец, дрыгая ножками, рассказывала, как дяденька-сидхе напихивал саламандрову пасть голодными сосунами, которые выпили мерзавку дочиста да несколько минут и благополучно почили в бозе.

Мысленно определив эту мерзость, с остальными чесменскими гадостями, в подданные Темноликого Саота, я пожелала почившим таких же розовых видений, как у меня. Раз уж они так постарались на благо меня, любимой.

И, наконец закончив свой утренний туалет, я подкралась к плакальщику со спины и пихнув его легонько за скользкие шуточки, которые он себе позволял, спросила вслух.

— И где же теперь кожа саламандры?

— Отмокает в отваре краснолиста и медной тархи, — услышала я за своей спиной мягкий баритон и, шарахнувшись в сторону, упёрлась в лучистый аметистовый взгляд.

Он держал в поводу вигоня, радужные глаза которого шурились от солнечного луча, пробивающегося в просвет между листьями. Как сидхе ушёл со стоянки и когда успел обойти поляну, видимо разыскивая своего летуна, скорее всего ловившего мелкую живность у края болота, я не поняла. И куда глядел мой нерадивый охранник тоже. Судорожно размышляя сколько времени этот гад мог наблюдать за ничего не подозревающей девицей, нагло влезшей голышом в неглубокую заводь, я ругала себя и Труми на чём свет стоит.

Себя — за собственную неосторожность и глупую доверчивость. А хитрого манипулятора, за то, что, очевидно, ему приспичило побыть сводником, для меня такой разочарованной и, как идиотка падкой, на красавчиков сидхе. Он, видимо, решил, что не один, так другой сможет побаловать девицу желанным романтизмом.

— Не нужно мне всё это! — внутренне запротестовала я, чувствуя предательскую горячую волну, пробежавшую по телу под этим одуряющим лиловым взглядом, — не хочу я быть женщиной! И не умею!

Я действительно так думала, вспоминая с восторгом нежную, но гордую прелесть мамы и яркую, завораживающе отточенную, красоту мачехи. Ведь отец так просто повёлся на это, искусно созданное косметикой и нарядами, совершенство. А ведь маму он точно любил! Я в этом была абсолютно уверена, хотя и снова почувствовала обиду.

— Может мужчины просто не умеют любить навсегда?.. А я даже и не научилась быть настоящей женщиной. Глупая..

На секунду я вдруг вспомнила как, совсем малышкой, сотворила какую-то очередную опасную шалость, и отец, до смерти перепугавшийся от бестолковых панических криков, прибежавших за ним служанок, обнимал меня, залечивая магией сломанную ручонку. Я, бледная и кусающая губы от резкой боли, но не дающая себе расплакаться, смело хлопала ресницами, наблюдая за этим процессом и даже пыталась запомнить последовательность плетений, чтоб в следующий раз не пугать отца и полечить себя самой, если опять вляпаюсь в какую-то историю.

— Где твоя совесть? — увещевал меня папа, целуя подлеченную кисть. С внутренней стороны. Совсем как маме когда-то..

— Совесть, — серьёзно ответила ему тогда пятилетняя малявка, морща лобик, — это то-о-енький голосочек внутри каждого человека, который никто не слушает.

И вздохнула, пряча ручонку за спину.

— Маленькая мудрая женщина, — покачал головой отец и добавил, — как вы умудряетесь быть такими глупенькими и такими мудрыми одновременно?

— Не знаю, — честно ответила тогда я и поцеловала папу в небритую щеку. Это были как раз те дни, когда он надолго исчезал в своих покоях, предоставляя меня гувернантке, которую я, даже в пять, умудрялась ловко обвести вокруг пальчика.

Я очнулась от нахлынувшего воспоминания и сморгнула. Мужчина, стоявший напротив, мог подумать что угодно, видя как я пялюсь на него столько времени и молчу. Как только я сфокусировала свои взглядки на нём, он вздрогнул и, как будто потушил свои глаза каким-то внутренним усилием и чуть отвёл их в сторону. Как будто не хотел смотреть на меня. Но я успела поймать его взгляд и... не поняла что за огонь он гасил. Какое чувство горело в этих стремительно темнеюще-фиолетовых осколках?

— Здравствуйте, мэги, — мягко сказал он, нейтрально обращаясь ко мне, как обычно на Чесмене говорят магиням.

Я не знала сколько пройдоха Труми успел наболтать обо мне, но свою королевскую принадлежность выпячивать не собиралась.

— Здравствуйте, меги Лиира, — вежливо ответила я, но привычно, по этикету, представилась первой. Ведь женщина имеет право не желать знакомится с незнакомым мужчиной, — Хотя, какой к Тёмному этикет на болоте?

— Шапюиламинаель, можно просто Лами, — быстро сказал он, заметив как я старательно пытаюсь запомнить его имя полностью.

— Очень приятно, Лами, — привычная чопорность, всё таки вбитого гувернанткой, этикета, помогала мне преодолеть неловкость от моих разбушевавшихся гормонов. Ещё бы, в моей голове предательски крутились сцены моего купания, которое он вполне себе мог наблюдать, благодаря мелкому предателю.

— И никакой я не предатель, ничего он там не наблюдал... чего раньше не видел, — не преминул всё таки поиздеваться тот, — Да, ладно. Не злись. Я всё время смотрел за ним, — подпрыгнул и обиженно буркнул Труми, которого я незаметно ущипнула.

— Благодарю вас, мойя Лами, вы спасли мне жизнь, — обратилась я к нему так, как сидхе говорят со значительно старшими и более мудрыми.

Таким обращением я, скорее для себя самой, попыталась поставить возрастную границу между нами.

— Ты б его ещё дяденькой сидхе назвала, — развеселился мой дружок.

— Вот я тебя лучше дедушкой называть буду, — мысленно рыкнула я.

— А чего, называй... Буду дедушка Труми..- продолжать хихикать неугомонный плакальщик.

А фиолетовые глазища сидхе, почему-то понимающе лукаво вспыхнули и снова занавесились тёмно-каштановыми, с золотыми кончиками, шторками длиннющих ресниц.

— Саот! — ругнулась, вдруг вспомнив, — вот же дура, он сильный эмпат и все мои хитрости можно распрекрасно отправить под хвост таймаху. Если, конечно, найдётся особь, способная терпеть под хвостом все мои бесталанные уловки.

И лицо моё опять стремительно налилось румянцем.

Тем не менее, когда первая неловкость знакомства была преодолена, мы вместе позавтракали и разговор стал более свободным. Я ещё раз поблагодарила Лами. На этот раз за то, что он позаботился о моём трофее. Зная, что за доспехи из кожи саламандры берутся только сидхе, я, конечно же, поинтересовалась не порекомендует ли мой попутчик мне мастера. Уточнив предварительно, что к осени я должна вернуться в Ковен и продолжить обучение.

— Я знаю одного в наших краях, но до осени, с учётом того, что потребуется доработка исходного материала и время на изготовление самого доспеха, так как вы сейчас, — он помялся, — пешком... это нереально.

— А той настойки, что вы уже сделали недостаточно?

— Что вы, мэги, — он почему-то упорно не называл меня по имени, — я только избавил вас от возможности снова надыхаться ядовитыми парами. Видите ли, яд в основном конечно находится в железах, по бокам головы, но и в коже есть малая доля. Голову я удалил и закопал. К сожалени. сжечь её невозможно, но яд в земле со временем разложится на составляющие и станет безопасен для природы. Кожу тоже можно было подержать в земле.

Но такое обеззараживание потребует времени, а вы, как я понимаю, вряд ли получаете удовольствие от сидения на болоте.

Я кивнула и он продолжил.

— К счастью, сейчас как раз сезон сбора трав и здесь есть две нужные, чтоб ускорить этот процесс. В коже ещё останется небольшая концентрация ядовитых веществ, но она уже не опасна для человека, наоборот, даже способствует консервации. Уже сегодня вечером её можно будет упаковать и она прекрасно выдержит месяц, даже полтора, до окончательной обработки.

Я подумала, что придётся возвращаться во дворец, просить отца выделить мне вигоня... Отец может заартачиться. Вигони безумно дороги и привязываются к хозяину магией. Своего у меня не было. До женитьбы отец обещал мне, что, как только я подрасту, он обратится к цвергам. Добыть птенца вигоня, пожалуй полегче, чем саламандру. И процесс вроде налажен. Но гнёзда высоко в горах и иногда охотники срываются со скал пытаясь добыть детёныша.

В неволе птицеящеры не размножаются. Поэтому птенца берут одного из всех выводков одного семейства, чтоб не погубить популяцию. Вигонь откладывает по одному яйцу в год. Приблизительно от двадцати до двадцати пяти раз. В зависимости от того, когда найдёт себе пару. Соединяется пара на всю жизнь и, если один погибает, то другой долго не живёт.

Я и так смотрела на Витре, вигоня Лами, с плохо скрываемой завистью. Как и на Самира — отцовского красавца, управлять которым отец доверял мне только сидя за моей спиной и страхуя собственной хозяйской привязкой. Себе я хотела девочку. Если самцы имеют оперение цвета мёда, то самочки золотые. Пёрышки на теле тёмного золота, а чешуйчатый хвостик гораздо светлее. А Самира, боюсь мне он не даст.

Видя, как я задумалась и прекрасно догадавшись о чём я могу размышлять, сидхе вдруг как будто что-то решил.

— Мэги, я закончил сбор трав и, если вы сочтёте возможным... я могу предложить вам свои услуги. Витре прекрасно справится. Вы такая маленькая.

Я покраснела до самых ушей. И не потому что он смутил меня, назвав маленькой. Просто представила как мы с ним часами летим верхом на птицеящере, тесно прижавшись друг к дружке. Летая с отцом, я была ещё совсем крошкой. Он крепко обнимал меня одной рукой за талию, а второй держался за луку седла. Вигонь не предназначен для полётов с пассажирами и седло у Лами одинарное. Значит мне либо нужно будет сидеть за его спиной и, прижимаясь как можно ближе, обнимать его руками, либо сидеть как с отцом впереди, чуть ли не на коленках у чужого мужика. Даже хуже, чем на коленках.

Но предложение было такое заманчивое. И я стала перечислять в голове преимущества, чтоб успокоить свою совесть и разыгравшееся воображение.

— Во-первых время. Я выиграю кучу свободных дней до учёбы. Во-вторых, меня представят мастеру, что, вполне возможно, позволит мне обойтись собственными деньгами. Я сэкономила их целый год. Не то чтоб я не могла попросить у отца, да ещё и на такое дело. Но для этого я должна буду сказать ему, что наврала и не собиралась даже проводить лето у в принципе не существующей подружки. В общем дополнительных проблем образуется море.

Что в-третьих? Да я просто обожаю полёты на вигоне. А то, что мне нравятся остроухие, совершенно не причём. И вообще не правда. Хотя романтики мне так и не досталось.

Я вздохнула. Потом снова вздохнула. Потом опять набрала полную грудь воздуха... и

согласилась.

— Спасибо, моя Лами, — опять поставила я хлипкую перегородочку между нами, — доверяю себя чести вашего рода и предлагаю бессрочный каор за спасённую вами жизнь и помощь, которую вы уже предоставили мне и предоставите в дальнейшем.

Каор, да ещё бессрочный... Это я, как принцесса, пожалуй, даже загнула. Принять обязательство предоставить ему любую услугу, не зависимо от того когда она ему понадобится..

Поэтому мужчина даже опешил. Он сжал зубы и скулы на его точёном лице, как будто окаменели.

— Я не могу принять от вас такое обязательство... мэги... Лиира, — он с каким-то трудом выдавил из себя моё имя, — это слишком большая плата за то, что я бы сделал и так.

— Я вижу в вас человека чести, — на всякий случай польстила я ему, хотя к своему куцому жизненному опыту у меня претензий было больше, чем опасений за его непорядочность, — и знаю, вы не потребуете ничего такого, чего я не смогла бы для вас исполнить.

Вот теперь бедному мужичку останется только узенький мостик, чтоб его честь, не вывалилась за перила.

За поеданием жаренного мяса и наблюдением моих психологических экзерсисов, во всю веселился Труми.

Догадываюсь, моя маленькая хитрость не осталась тайной и для сидхе, поэтому по его лицу прошёл приказ "отомри!" и, даже дёрнулся уголок губы, в тщательно удушенной улыбочке.

За чашкой моего фирменного типса мы даже договорились смотаться по быстренькому и посмотреть на развалины. Покуда шкура всё ещё отмокает, а нам обоим это жуть как интересно!

Наш добровольный проводник выпросил под это мероприятие ещё рыбки, поскольку обещал он отвести только меня, а теперь придётся открывать стра-а-ашную тайну аж двоим.

Витре мы оставили стеречь стоянку. Кроме матки саламандры на болоте вряд ли найдётся естественный противник равный птицеящеру. Но стоянку мы всё равно куполом накрыли. А вдруг мы не единственные такие храбрые и все в делах. А страшнее человека зверя нет..

Острова в этой части Трясины образовывали длинную цепочку. Где-то между ними пролегали тоненькие перешейки, где-то небольшие просветы топи. Тут же я познакомилась наконец со знаменитым краснолистом, цветение которого влияло на миграцию саламандр. И вправду красивое растение. Листья у него резные изящные, багрово-красного цвета. Между ними уже набухали кисти бутонов, которые должны были зацвести густо-розовыми цветами. В каждой кисточке было два-три десятка бутончиков. Из которых к осени образуются почти чёрные ягоды.

Лами сказал, что они даже съедобны. Не изысканы, как садовая ягода, но обладают тонким ароматом. Они больше используются в женских притираниях, чем в серьёзном лекарстве, поэтому осенью он сюда не навевается. Хотя, скорее, этому мешают частые дожди, во время которых собирать травы невозможно. Они потом очень плохо хранятся. Как их не суши.

Сейчас, в начале лета, дожди, хоть и гораздо более сильные, но редкие и короткие. Травы высыхают быстро. Плюс ко всему, ночи гораздо светлее. А ведь некоторые травы собирают только по ночам. Каким-то даже требуются определённые фазы луны. Жаль только много не соберёшь. Здесь, на месте, их можно только подвергнуть стазису, до момента пока не сможешь обеспечить им правильную обработку. У источника заклинание держится практически самостоятельно, нужно слегка контролировать раз в день, а вот чем дальше отлетаешь, тем больше усилий оно съедает.

Это я знала. Стазис — очень энергоёмкая волшба. Особенно на живых объектах. В Ковене у меня выходило погрузить в стазис напарника по тренингу едва на минуту. И я была уже выжата чуть не досуха.

Здесь меня переполнял восторг от избытка силы. К хорошему быстро привыкаешь. Представляю в какую депрессию я провалюсь, когда вернусь к учёбе. Да и просто уберусь от Источника на достаточное расстояние. Я чувствовала себя крутым архимагом. Волшба давалась легче-лёгкого. Что меня в конце-концов и подвело. Расслабилась.

Найти развалины без Труми мы бы точно не смогли. Они давным-давно проросли лесом. Сначала нам попадались на глаза отдельные камни и, если бы плакальщик не сковырнул с них кусок моховой шубки, мы бы прошли мимо, не воспылав исследовательской страстью.

Но, когда отодранный кусок седовато-зелёного мха был отброшен в сторону, под ним оказался гладко отполированный камень. Глубоко-чёрный, с заманчиво поблёскивающими искорками под поверхностью. Стоило сменить угол зрения и они отсверкивали в толще камня то ярче, то слабее. Как маленькие звёздочки в небе.

Остров, на котором когда-то стоял храм, был почти в центре этого маленького архипелага, расположенного полумесяцем вокруг Ключей. И эта земля, и руины, в частности, скрывались в гораздо более густой чаще растительности, по сравнению с другими болотными островами. И по количеству, и по разнообразию видов.

Можно было предположить, что когда-то вокруг храма были сады. Или парк. Но прошло столько лет, что ничего не напоминало об окультуренности этих видов. Просто их было больше. Здесь росли и цветы, и кустарники, и деревья. Даже какие-то лианы.

Лами поражался как он мог пропустить такое великолепие. Ведь он не единожды бывал

на этом болоте. И его интересовали именно растения..

— Ты не мог увидеть его с высоты. Над островом морок, — Труми при лекаре говорил вслух, хрипловатым будто простуженным голоском.

Слов я не понимала, но продолжала воспринимать разговор ментально. Только бесило, что в моей голове и голос и интонации казались другими. Это путало. И раздражало. Но не заниматься же мне постоянным переводом. Или ему.

Мы с сидхе держались немножко принуждённо. Он видел, что нравится мне внешне. Не мог не видеть. А вот я совершенно не понимала его отношения ко мне. От ментального контакта он закрывался. Причём не сам. Явно при помощи какого-то артефакта. А мой небольшой жизненный опыт, особенно относительно чувств между мужчиной и женщиной, уверенности придать не мог. И я искала подмоги в том, чего обычно терпеть не могла. В обезличенности этикета.

Нет я не строила из себя принцессу-ледышку. Не включала аристократического чванства. Только предельная вежливость, за которой я пряталась от смущения.

А всё потому, что чем дальше, тем этот мужчина привлекал меня больше. Мне нравилось как он двигается. Мягкий кошачий шаг и вдруг непринуждённая сила в развороте, когда, церемонно помогая мне перебраться через какой-нибудь упавший ствол или россыпь камней, он легко, как пушинку, подхватывал меня и отпускал, едва мои ноги касались земли.

Он никогда не повышал голос и не призывал чуть что Саота. Чего не скажешь обо мне. Хотя при сидхе я сдерживалась, но что-то слишком часто, наедине со своими мыслями, поминала Темноликого. Не к добру. Тёмные боги легче откликаются на призывы смертных. Как-то так всегда случалось.

А, когда очередной камень, у подножия поросшего зеленью холма, отчищенный сидхе и плакальщиком, оказался ступнёй громадной статуи, я не выдержала и помянула Тёмного вслух.

Я не успела понять что происходит, когда мои ноги поехали вперёд и я плюхнулась на задницу, совершая кульбит и проваливаясь в гладкий наклонный жёлоб, по которому и покатила благополучно, наверняка, в гости к призываемому всуе божеству.

Сориентировалась я привычно быстро. Всё таки, даже год в Ковене, с тренировками на реакцию и физическими нагрузками, связанными с боевыми, но не магическими спарингами, выработали инстинктивные ответные действия. Хотя в данный момент магией пренебрегать я совсем не собиралась. Тем более, что уже привыкла, что её тут море. Пас включающий левитацию, подготовленный заранее для охоты на болотистой местности, был моей собственной разработкой.

Что говорить, моя обособленность в Ковене оставляла достаточно свободного времени для углублённого изучения магии и даже кое-каких дозволенных экспериментов. Пока мои соученики, в положенные выходные, в ближайшем городке слонялись по лавочкам и увеселительным заведениям, отдыхали у реки, крутили романы, в общем делали всё то, к чему их толкала возрастная предрасположенность и относительная свобода, я проводила время в тишине библиотечных залов или лабораторных классах.

Преподаватели не препятствовали мне. Я не была проблемной ученицей и строго следовала правилам учебного заведения. Ещё до поступления отец предупредил меня, что, если я хочу учиться, а не сидеть до замужества за пальцами, то вести в Ковене себя должна так, чтоб не нарушить королевского достоинства и правил чести. За пальца мне не хотелось. Тем более там появилась персона более подходящая для этого занятия. Настоящая женщина.

Королева. Но не моя мать.

Нет, я не была глупым ревнивым ребёнком и желала счастья отцу. Я понимала, что мамы нет, а он должен продолжать жить. А рождение наследника и вовсе может дать мне толику свободы. Правда побороться за неё мне всё равно придётся. Я должна буду доказать отцу, что я из себя представляю личность и могу, и хочу взять ответственность за свою жизнь в собственные руки.

В лабораторных классах разрешалось экспериментировать с заклинаниями не боевого характера. И я, зная свою цель, старалась подготовиться к возможным трудностям заранее. Понимая, как ограничивает двигательные возможности Трясина и будучи знакома с ранними хрониками, в которых, хоть и не подробно, но всё таки описывались бои с саламандрами, я понимала как пригодится мне скорость плетения заклинаний и в частности возможность мгновенно левитировать.

Боевые заклинания в сражениях с таким противником, неподвластным магии, имеют свои особенности. Вот то, например, что щит может оказаться не слишком эффективным против яда, нигде не указывалось. То ли те, кто на это напоролся, уже ничего не могли рассказать, то ли предоставляли потомкам возможность совершить свой собственный подвиг, исходя из их личных качеств. Как боевых, так и связанных с собственной соображалкой. В этом был резон. С точки зрения королевской наследницы, я понимала, что испытание должно показать готов ли наследник принять престол. Достоин ли он подготовлен как воин и насколько нестандартно он мыслит.

Думая об этом бредя за мужчинами, к коим я почему-то причисляла и Труми, я вздыхала. Не встретить я с малявкой, не найти бы мне бы саламандр. Не будь сидхе, некому было бы описывать мои подвиги. Может и не достойна я быть королевой. И лучше бы у отца родился мальчик. А я, если не за пяльца, то после окончания учёбы, смогу стать хотя бы хорошим магом. Всё таки способности изначального рода дают мне большие преимущества. Я буду очень разносторонним магом. И, может быть, мне удастся избавиться от королевского проклятья династического брака и найти настоящее чувство.

Но вся эта розовая белеберда вылетела из головы, стоило моей попе припечататься к жёлобу или, что тоже соответствует истине, всей моей мелкой тушке оказаться по макушку в мировой заднице. Я тут же активировала своё усовершенствованное заклинание левитации. Плевать на повышенный расход маны за ускорение, её ведь тут столько, что захлебнуться можно.

Помечтай, принцесска! Не с твоим королевским счастьем... Нет, я конечно знаю непреложный закон, что, если где-то чего-то много, то есть и место, где того самого нет совсем. Всё сущее на свете, даже если оно существует не только в физическом плане, всегда имеет больше одной стороны. Даже боги, со своим недостижимым совершенством и то бывают светлыми и тёмными.

Левитация не подействовала! И, прислушавшись к общим ощущениям в теле, я не ощутила ничего, кроме пустоты! Я так привыкла к присутствию магической энергии в теле, что получила совсем даже не лёгкий шок... Можно даже сказать, я запаниковала. А моё падение всё ускорялось. Так я костей не соберу, пожалуй. В детстве я каталась с горок, но не такого же размера. Утешало, что, похоже, двигаюсь я по спирали и угол, пожалуй, становится не таким уж крутым. Может скоро я определюсь со своим положением и использую противоположную точку организма для своего спасения?

Вы видели когда-нибудь место темнее, чем задница Тёмного бога? Вот я, похоже, вижу.

Спросите почему в моих мыслях окопалось столько задниц? Наверное, потому, что свою я отбила напрочь. И вот, почёсывая этот самый орган, и постанывая от ощущений, я попыталась включить голову.

Магии я по-прежнему не ощущаю. Значит не смогу зажечь даже самый маленький огонёк. Но выход у меня есть. Кажется. Если это место выпивает силу не только из тела, но и из артефактов, мне каюк.

Когда я поняла, что мамин камень не обычная драгоценная безделушка, а магическая штучка, причём завязанная исключительно на меня, со скрытым для окружающих потенциалом, я триста тридцать три раза пожалела, что по глупости поспорила на такой залог.

Привычно подключив библиотечный покой, я позаимствовала в дорогу книжку, где все доступные сведения о таких артефактах излагались без лишних подробностей. Одним из способов активации оказалось наличие у хозяина сильного эмоционального потрясения. Как раз в такой момент он и принял на себя часть моего негатива, выбросив его наружу с сильной вспышкой. Полагаю, иначе я могла натворить глупостей и побольше. Например, использовать против обидчиков какое-нибудь боевое заклинание, которые мы пока изучали только в теории и на практике ещё использовать не должны были. Под страхом отчисления. А при определённых последствиях и суда.

По дороге от Ковена до отцовского летнего замка, где мы всегда жили с середины весны до начала осени, я использовала безлюдные уголки, чтоб опробовать свойства маминого аквамарина. Боевых не нашла. После первой активации, да ещё с таким выбросом энергии, камень стал откликаться на прямой ментальный контакт. Он работал, как накопитель. Мог отвести часть энергии, при пробое щита. Усиливал ментальную связь. Я не услышала бы без него ослабевшего от голода плакальщика. Мог и работать как обычный источник света. Наверное у него были ещё какие-то свойства. Просто я ещё их не обнаружила.

Так как у нас была ментальная связь, я, при всяких непредвиденных ситуациях, тупо просила его помочь. Если у него были заложены нужные мне функции, я их находила и дальше использовала уже сознательно. А на нет и суда нет. Сейчас меня пугал только страх, что Аномалия, именно так, с большой буквы, я назвала место безумно пугающее меня, высосет его полностью, если, вдруг, я попытаюсь им воспользоваться. Но другого выхода я не видела.

Камень я достала и... фу-у-у! Я облегчённо вздохнула. Он засветился небольшим мягким голубоватым светлячком. Уже не так ужасно. Если видишь опасность, ей можно хотя бы попробовать противостоять.

Сначала мне, как любой девушке, безумно хотелось, чтоб спутник, к которому я ещё и испытывала симпатию, бросился меня спасать. Когда же я поняла, что магия тут полностью отсутствует, понадеялась на мудрость более старшего и осмотрительного мужчины.

Воин он уж или простой лекарь, который много попутешествовал. И то, и другое, должно было заставить его обмозговать ситуацию, прежде чем бездумно бросаться неизвестно куда. Да и кто я ему такая, чтоб терять рассудок от страха за меня? Неземная любовь с первого взгляда? Не смешите моих привидений! За такое время знакомства, разве что сильнейший егиллет с пожизненной сексуальной привязкой, может так вышибить осторожность из взрослого опытного мужчины, да ещё и мага. Ведь маги, они гораздо циничнее, и трезвее смотрят на жизнь и чувства. По крайней мере, так казалось мне. Ведь я совсем мало знала о любви. А те маги, которые встречались в моей жизни, кажется этого

чувства ко мне не испытывали..

Поэтому, не ожидая принца на белом таймахе, я почапала вперёд по обнаружившемуся тоннелю из такого же гладко отполированного чёрного камня с искорками. Как можно было построить такое потрясающее сооружение, в месте, где совсем нет магии? Или раньше она здесь была? Впрочем гладким был потолок и стены, полусферической формы. А под ногами была шершавая плитка, цвета свернувшейся крови. Жёлоб, с которым я попрощалась, упомянув ещё раз неприличные части тела Тёмного бога, тоже был таким же полированно-чёрным.

Я не успела пройти и двадцати шагов, как услышала сдерживаемые проклятия, не сочетаемые в моём мозгу с мягким баритоном Лами и сдавленный стон. Я закрыла рот ладошкой, чтоб не прыснуть в голос. Представила как чешет отшибленный зад невозмутимый сидхе и зажала рот ещё сильнее. В мою голову ворвался встревоженный голос Труми.

— Ли! Где ты противная девчонка!? — волновался плакальщик.

— Это что же, мои спутники не задумываясь бросились за мной? Как это надо понимать? Я для них что-то значу? Может быть даже нравлюсь этому примороженному северянину? Вот и постучалась в мою жизнь романтика из любовного романа? Принцесса Лиира, в вашей голове мозгов столько же, сколько в отшибленной попе. То есть нет совсем. А сидхе... Ну, так, наверное, это какой-то неизвестный мне кодекс чести.

И я отозвалась на беззвучные вопли Труми. Вслух. И даже вернулась к своим мужчинам, как привидение, в свете голубого огонька.

— Не смешите моих привидений? А вот!

Я показала язык самой себе, прежде чем вернуться назад по коридору. И шла по нему довольная, как вигонь нашедший самку. Мне уже было всё равно, что здесь нет магии, что мы в том самом тёмном месте Тёмного бога... Меня не бросили. Не остались цинично рассуждать и прикидывать насколько опасно тут внизу. Они просто прыгнули в этот Саотов жёлоб за мной, практически, сразу. Может ну его, это царствование? Думать, что тебя любят так приятно.

Мы прошли совсем немного, когда стены вдруг начали источать слабое сияние. Оно становилось всё сильнее, и я опустила на грудь уже не нужный камень. Потом под гладкой поверхностью замелькали какие-то тени, превращаясь в фигуры, похожие на человеческие, и, наконец, мы чётко увидели картины, которые шокировали нас до глубины души.

Не знаю был ли воином Лами, но даже я умела сражаться и отнимать жизни. Маленький плакальщик тоже не был вегетарианцем, но то что мы увидели...

Огромные скопления людей, то, что в летописях называлось армиями, и то, что я себе вряд ли могла представить по настоящему реально. Это были существа двух совершенно непохожих рас.

Одни очень высокие, белокожие, с ровными серебристыми волосами и глазами цвета ртути, с длинным кошачьим зрачком и небольшими наростами вроде рожек на головах. Их оружием были длинные луки и посохи, явно артефактного характера с навершием из прозрачных аквамаринов, так похожих на тот, что висел на моей шее. Маги..

Другие более приземистые, но очень мощные, с совершенно чёрной кожей и красными волосами, свитыми в тугие кольца и уложенные ровными рядами в странную причёску, закреплённую металлическими накладками цвета золота. На них были тонкие сетки из металла очень похожего на легендарный мифрил, надетые прямо на голое до пояса тело. Вооружены они были трубками из того же металла и тонкими дисками, прикреплёнными к ладони.

Как действовало это оружие и как происходило само сражение мы увидели собственными глазами, потому что картина не была статичной. Мы наблюдали за происходящим в действии.

Человеческие валы, белый и чёрный, катились друг навстречу другу, как огромные волны-цунами. Из наверший посохов с голубых камней вырывались молнии. Летели тучи стрел, взрывающихся в живой плоти. Правда, попадая в мифриловую сетку, они падали на землю не причиняя повреждений. Только цвет металла ненадолго становился алым.

Мифриловые трубки выбрасывали сгустки, в которых я с содроганием узнавала что-то очень похожее на яд саламандры. Когда он касался серебристых одежд белых гигантов, то скатывался на землю каплями похожими на рыжую ртуть и шипел знакомой зеленоватой пеной. Ткань не поддавалась сразу, но на ней оставались следы, которые продолжали постепенно разрушать её. А, попадая на голое тело, яд причинял страшные раны, язвами впивающиеся в плоть. Когда высокие фигуры оказались достаточно близко, я заметила прозрачно-серебристую вуаль на лицах. Очевидно, чтоб не надыхаться ядом.

Круглые диски, закреплённые на ладонях чернокожих воинов, выбрасывали языки пламени в тех, кто находился достаточно близко.

Проходя по галерее мы видели картины сражений между этими двумя расами в разных местах Чесмена, узнавая то высокие обрывы над бурлящим морем, то Цверговы вершины, то степи, где нынче поселились воргены. Последнее видение перед тем, как стены погасли, было самым эпичным. Сражение двух армий, уже значительно поредевших, особенно среди белокожих воинов, пытался остановить тот, кого я бы, без сомнений, назвала Богом.

Ростом в два раза больше чем самый высокий из белых воинов. С великолепной мужской фигурой, дышащей не только силой, но и грацией. Его волосы светились и по ним

пробежали голубые искорки и маленькие синие молнии. Глаза холодного ртутного цвета, тем не менее, казались добрыми, да и вся его поза выражала мирные намерения, желание остановить кровопролитие.

Но в этого совершенного Бога полетели ядовитые плевки и огненные струи. Светлос божество защищало остатки своих детей до конца, только время от времени вскидывая глаза к небу, как будто ожидая кого-то и на что-то надеясь. Он и умер вместе с последними воинами. Его прекрасное лицо было покрыто страшными язвами.

В этот момент потемнело небо и победителей посетил их покровитель. Каким-то образом было понятно, что он тоже торопился прервать эту страшную бойню. А увидев тело мёртвого брата, опустился перед ним на одно колено и по его чёрному лицу потекли кровавые слёзы.

Когда Бог встал с колен, на его лице остались только гнев и ярость. Он поднял руку и вытянул её в сторону темнокожих воителей. На его руке не было диска. Огонь полился прямо из ладони. Полился как вода, заливая тёмную армию. А, когда огненные струи опадали, из их водоворотов выползали жуткие, ящерицеобразные саламандры.

Мы молчали. Что-то в таком духе я и могла бы подозревать, если бы всерьёз задумалась о идее божьего наказания.

Среди Чесменских поселенцев войн не было. Поскольку, по крайней мере пока, не было для них причин. Ксенофобия отсутствовала, так как расы изначально существовали вместе и вполне совпадали генетически, вплоть до возможности появления смешанного потомства. Колония, в масштабах целой планеты, всё ещё не разрослась настолько, чтоб возникли споры из-за ресурсов или территорий. Нашим народам, опять же пока, вполне хватало врагов в виде нежити, нелюди и обычных хищных и ядовитых существ, для того, чтоб появилось желание уничтожать ещё и себе подобных.

Даже религиозное различие между расами не мешало никому, так как никто своей веры другим не навязывал.

Даже техника магии, исходившая из этники народов Предтеч была различна. Ведь одной и той же цели можно достигать разными методами. И, хотя миры исхода не были настолько пронизаны магией, как мир Чесмена, в котором эта самая магическая энергия даже мешала пользоваться техногенными устройствами, но и в них небольшой магический фон, в различной концентрации, присутствовал. Что и позволяло, наиболее восприимчивым к накоплению маны индивидуумам, пользоваться различными магическими техниками.

Эти остаточные знания использовались потомками народов, попавшими в чисто магический мир. Какие-то расы были более талантливой в технике шаманизма, какие-то ближе к рунной или нумерологической системе, кто-то использовал предметную, артефактную или чистую стихийную магия в ментальном посыле или начертательно-символической форме.

Даже правящая система существовала как иерархическая лестница и строилась по принципу одарённости магией. Выделяя особей наиболее предрасположенных к выживанию в среде магического мира.

Может быть когда-нибудь, количество людей на Чесмене превысит возможности мира, приютившего нас и мы пройдем путь, который когда-то в большей или меньшей мере проредил расы наших предков, пока они не вышли за пределы кормивших их миров.

Отец, уча меня как свою наследницу, упоминал о древнем принципе властителей. Разделяй и властвуй!.

— Любое каноническое объединение, — говорил он мне, — вне зависимости от признаков канона, в группе людей, не желающих брать ответственности за собственную жизнь, тут же обнаруживается доминантным лидером, решающим как использовать их жизни за них.

При чём сами каноны, выделяющие группу, успешно используются для достижения поставленной лидером цели. Национальный — патриотическим порывом. Религиозный — фанатичной уверенностью в исключительности собственного эгрегора, и единственно правильных постулатах веры. Даже каноны физического отличия, прекрасно укладываются в отвратительность ксенофобии. И могут быть лидером использованы.

Разделяй и властвуй! Древний принцип. Если тебя убедили что ты избранный и за тобой сила, то любая мерзость, сотворённая с другими, будет оправдана тем, что они не правильные люди. То есть вообще не люди. И делать с ними можно что угодно. Ведь правильный — ты. И за тобой право.

Когда возникает недостаток ресурсов для популяции, лидеры используют инертность людей и их нежелание что-то решать, в целях, призванных обеспечить выживаемость для своих подданных и сохранность собственного положения властителя.

Я не говорила этого вслух, но Труми благополучно считал мои мысли. И кажется даже озвучил для Лами. Потому, что я поймала странный взгляд направленный в мою сторону и сосредоточенно (или сердито?) нахмуренный лоб.

Тем временем нас опять окружила темнота, и я снова подняла свой аквамарин на длинной цепочке, освещая нам дорогу. А мы уже вышли в помещение по форме напоминающее небольшой треугольник со скруглёнными углами. Мы стояли в его широкой части. А дальний от нас угол был практически полностью заполнен круглым фонтаном, посередине которого бил невысокой струйкой родник, с совершенно чёрной жидкостью.

Ступив несколько шагов и оказавшись в центре помещения, я протянула камень поближе к фонтану, стремясь рассмотреть чудесной красоты бортик, окружающий его чашу. Это было похоже на венок из совершенно чёрных, стеклянных, туго сплетённых бутонов, стеблей, листиков и раскрытых цветочных чашечек. Они казались почти живыми. Головки цветов покачивались и позванивали, как будто их шевелил слабый ветерок.

Я даже протянула руку, чтоб потрогать. А темнота вдруг рванулась к моему камню. От неожиданности и испуга я попятилась. Труми тут же прижался к моим коленкам и зашипел. Я инстинктивно потянулась к мечу. Хотя понимала, что глупо пытаться рубить темноту. Плакальщик, так же инстинктивно, попытался накинуть морок, но плетение опало, не имея возможности напитаться маной. Лами, его мужской инстинкт, заставил сделать движение, позволявшее ему затолкать женщину за свою широкую спину. Но тьма надвигалась со всех сторон и он только крепко прижал меня к себе и обхватил кольцом рук, как будто ограничивал территорию, находящуюся под его защитой.

Он то и дело поглядывал за спину, но резких движений не делал, давая незнакомому противнику возможность либо напасть, либо отступить, чтоб решить каким будет его следующий шаг. Тьма мягко толкнула его в спину. Я почувствовала этот толчок, так как была плотно прижата к его груди. Нельзя сказать, что мне это было не приятно. Но и паника во мне прямо требовала каких-то действий.

Ещё один толчок вперёд, и за чёрным фонтаном отодвинулся камень, открывая дверцу, за которой яркое солнце заставило нас зажмуриться.

Лами осмотрел путь к выходу. Обойти чашу с плещущейся в ней чернотой было негде.

Тогда он одним решительным движением схватил за шкурку Труми и бросил его мне на руки, а потом легко подхватил меня и быстро ступил в бассейн. Фонтанчик был низким, но стоило ему ступить в чашу, струя резко поднялась и окатила нас с головы до пят. Я вскрикнула и чёрная жидкость попала даже мне в рот. Я попыталась выплюнуть, но на вкус это оказалась обычная, сводящая холодом зубы, родниковая вода.

Ещё шаг и мы оказались на широкой поляне... Камень за нашей спиной с лёгким шорохом встал на место...

Оказавшись на поляне, сидхе так поспешно опустил меня на землю и сделал шаг в сторону, что я не поняла, это он так выражает почтительное уважение к принцессе или ему не слишком приятно моё близкое соседство. Вода чёрного источника не принесла никакого видимого вреда. По крайней мере, пока это никак не выражалось ни в самочувствии, ни в ощущениях.

Тем не менее, оглядевшись, нам сразу стало понятно, что мы не можем находиться на том самом острове, на котором обнаружили храм. Жёлоб из чёрного камня, совершенно явно, должен был опустить нас глубоко в подземелье. Коридор, по которому мы добрались до чёрного ключа и выхода, открывшегося за ним, не показывал того, что мы поднимаемся настолько круто вверх. Возможно немного. Но, скорее всего, выход был порталом. И в каком месте мы оказались теперь нужно было определить как можно быстрее.

Вигонь будет волноваться, если мы не вернёмся к вечеру. А привязка к хозяину у него очень сильная. Зверь может получить психологическую травму. Даже серьёзно заболеть. Как тот, что теряет пару. Такие птицеящеры, у которых погибает избранник, впадают в сильную депрессию и иногда даже не переживают потери.

Всё зависит от того, какой приказ дал Витре хозяин. Если приказал охранять стоянку до его возвращения, то бедняга не покинет этого места до собственной смерти. От вынужденной разлуки или от собственной старости.

Я не понимала одного, почему сам сидхе настолько невозмутим. Ведь хозяева разве только чуть меньше питомцев привязаны к своим вигоням. Лами может и не умрёт, но будет очень страдать, потеряв своего Витре.

То, что находясь на каком-то расстоянии, хозяин может призвать вигоня при помощи магии, я знала. Расстояние зависело от возможностей мага и нашего местонахождения. Ведь портал мог перенести куда угодно. Хоть на другой конец континента. Да и магии нет.

И тут я поняла, что ошибаюсь. Тело было привычно наполнено маной.

— О! Дух вод Гуангун! Какое счастье снова почувствовать в себе силу!

Божество маминого народа, благодаря покровительству которого я живой появилась на свет, я поминала в моменты самого большого восторга. Те легенды, которые мама рассказывала мне о нём на ночь, с самого раннего детства, я, после её смерти, нашла в одной из древних папиных книг. Что и говорить, эти истории для молоденькой девушки служили ещё большим вдохновением, чем для маленькой девочки. Потому, что были удивительно романтичны. Конечно пересказы потомков несколько изменили их, но в таком изложении, мне они были ещё более близки. Потому что некоторые древние понятия, из-за непонимания, заменили на те, что посчитали подходящими.

Представления об устройстве мира у иаров были таковы. До рождения миров существовал только Океан. Только воды его состояли из чистой маны, вращающейся как водоворот вокруг Мировой Оси, расходясь как песочные часы от Центра мира. И таких водоворотов было бесчисленное множество. Они являлись зародышами множества потенциальных реальностей. Чем туже скручивались спирали, тем больше они стремились распрямиться. И когда сжались в одну точку взорвались и появилось время. И бездна параллельных вселенных.

Каждая из них имела своё лицо, своё течение времени, своего демиурга и зародыш

жизни. Местом зарождения жизни иаров была Первая раковина. А демиургом Гуангун — дух воды. Потому что миром иаров был Океан. Водный мир. В океане вод существовал только один остров. На нём и жил Гуангун. Он облетал свои владения и наполнял их жизнью. Множеством форм жизни. Но сам демиург был одинок. Ему не с кем было даже поговорить.

На противоположной стороне их мира в океанском дне находилась глубокая впадина. Такие, или похожие, существовали и в Чесменских морях. Самую глубокую из них называли, исходя из легенд прародителей, впадиной Теффии. Так как в легендарном мироустройстве иаров, именно из глубочайшей впадины их мира, в тот момент, когда над ней пролетал Гуангун, всплыла большая рыба. Дух вод засмотрелся на совершенное творение рук своих. Стройное грациозное тело, как будто порхало в водах океана. Блестела под солнцем светло-оливковая, в радужных переливах, чешуя. Длинные перья жемчужных плавников волнами текли в струях чистой воды. И только в чистых бирюзовых глазах не было ничего. Ни чувств, ни разума.

Демиург потянулся к рыбине и коснулся её головы кончиками пальцев. И рыба превратилась в девушку с рыбьим хвостом. Она посмотрела на бога и полюбила его с первого взгляда. А он дал ей имя. Теффия..

Куда бы не летел Гуангун, Теффия плыла следом за ним, потому что ни секунды не могла оставаться вдали от любимого. Бог научил её говорить и подолгу беседовал с ней, сидя на берегу, когда возвращался на ночь на свой остров. А потом уходил спать. А бедняжка так и ждала его в воде, не имея возможности выйти на берег.

Однажды с рассветом Гуангун не появился на берегу. И Теффия, которая считала минуты до встречи, чуть не сходя с ума от беспокойства за него, выбросилась на берег и поползла под солнечными лучами, обдирая чешую о песок, в ту сторону, куда вечером отправился её любимый. Когда демиург проснулся, он обнаружил её почти умирающей на пути к своему убежищу. И понял, что, если бы потерял её, то и сам не смог бы жить. Он дал ей ноги и сделал своей женой. Их детьми были первые иары.

Я, помнится, всегда спрашивала маму, почему Гуангун был таким жестоким и не дал ей ноги сразу. Тогда мама ответила мне, что настоящая любовь требует понимания, а понимание требует терпения. Я морщила лобик и делала вид, что понимаю. Но и сейчас недоумевала, неужели мужчине обязательно довести девушку до полусмерти, чтоб понять любят ли они друг друга.

Но эти размышления отвлекли меня от реальности. А реальность сурово намекала, что не плохо бы нам определить где мы находимся и каким образом нам можно вернуться обратно.

Пока я совершала экскурс в мифологию, Труми вынырнул из ближайших кустиков, в которых он испарился за пару минут до этого и сообщил, что мы всё ещё на болоте. Но это какой-то другой остров. Тут же договорились для быстроты разойтись и исследовать территорию. Больших участков суши в Трясине нет. Значит очень скоро мы определимся и с положением, и с окружающими нас реалиями.

Солнечная погода предполагала, что с саламандрами на суше мы не встретимся. Все остальные хищники Чесмена (если, конечно, здешние, не слишком исследованные места, не порадуют нас какой то неведомой мерзостью) нам вполне по силам.

Буквально через несколько минут я услышала свист сидхе. Стараясь всё же не поднимать излишнего шума, я повернула в сторону сигнала. И, выйдя на очередную проплешину среди густых зарослей, куда привела меня протоптанная Лами тропинка,

застыла в восхищении. Портал перенёс нас от одного ключа к другому. Только, в отличие от предыдущего мрачного храма с его тяжёлыми, хоть и очень интересными видениями, сейчас мы видели те самые Семь Ключей, о которых рассказывал Труми.

В том, что это именно они, никакого сомнения быть не могло. Чаша Источника напоминала дробящуюся цветными искорками хрустальную радугу. Солнце во всю разбрызгивало блики, отражающиеся от разноцветных граней. А струя воды, бьющая из этого фонтана, вообще поражала полным отсутствием какой-то логики в физических законах.

Все семь разноцветных струй сворачивались в семицветную спираль, не смешиваясь друг с другом. А поднявшись на высоту, где притяжение начинает превращать их в полукруглые арки и вовсе расходились по отдельности падая в чашу, где каждый водяной сегмент, превращался в один из цветных лепестков диковинного водяного цветка.

Мы застыли, разглядывая эту красоту. Помня о реакции чёрного источника, но не зная, чем грозит нам купание в его водичке, сближаться с новым магическим объектом, мы не торопились. Но время шло, любопытство тоже не отпускало. Чёрная вода на наших телах уже успела просохнуть, не только не оставив каких-то заметных следов, но и не поразив негативными ощущениями. А цветной источник выглядел гораздо оптимистичнее.

Мало того, чем больше мы тут стояли, тем большая эйфория нас охватывала. То ли от водяной пыли стоявшей в воздухе, то ли от разлитой вокруг маны, которую, казалось, можно было потрогать рукой.

Я, по наитию, решила повторить манипуляцию с аквамарином. С какой-то пьяной удалью, шибаящей в голову, я подняла цепочку с камнем и шагнула к Источнику. Водяные струи зашипели, поднялись на высоту древесных крон и рассыпались мелкими дождевыми каплями.

Я не знаю, мы потеряли сознание, провалились в сон или просто видели одно видение на троих, но, когда мы очнулись, уже стемнело. Источник никуда не делся. Он тихонько плескал своими семицветными струями в темноте. Мы ощущали себя полными сил, но какими-то слегка пришибленными. Казалось правильным уйти с поляны. Что мы и сделали.

Только отойдя на самый берег мы остановились и, молча, переглянулись.

— Мне кажется, или все видели одно и то же? — слегка охрипшим голосом спросил сидхе.

Поскольку каждый из нас видел довольно необычную картину, то вопрос показался уместным настолько, что мы даже не стали рассказывать о своих видениях. Было понятно, что так оно и было. Нам всем показали одно и то же.

— Я чувствую Витре, — вдруг сказал Лами, — и вообще, кажется, что мои магические возможности увеличились в разы..

— Интересно только, — добавила я, чувствуя тот же эффект, — это только от близости Источника или действительно Мундру, имя которым представился Светлый бог, покровитель Источника, сделал нам такой ценный подарок.

Мы не обсуждали предположения вслух, но то, что видела лично я, говорило в эту пользу. Когда я протянула камень и цветной дождик осыпался на нас, уже и так чувствующих себя одурманенными, что ли... над Источником появилась огромная фигура. Она не была плотной, скорее напоминала призрак того погибшего в битве Светлого бога. Только без страшных ран, какие изуродовали его в смертной битве, а прекрасным и полным сил, таким, каким он показался вначале тех видений.

Он сказал нам подойти и выпить воды из каждой водяной струи, раз мы пришли поклониться месту его упокоения. Знать мы об этом, конечно, не могли. Но спорить с боженькой не стали. Тем более, что нам было море по колено. От магии, хлещущей потоком, мы были счастливыми и пьяненькими, как деревенские дурачки.

Только обойдя фонтан по кругу и отпив по глотку всех семи вод, почувствовали как энергия, которой мы нахватались бесконтрольно, начинает уравниваться в наших телах. Уже немножко причесав свои мысли, мы выслушали историю Мундру и Чесмена, после того, как его брат похоронил его на этом месте, превратив эту землю, залитую его огнём, в страшную Трясину, место для обитания и наказания своих неразумных детей за убийство брата и войну, в которой погибли все его последователи.

После этого он разрушил свой храм, который его народ когда-то возвёл неподалёку и покинул эту землю. Время от времени он возвращался к захоронению, но боль его всё ещё не утихла и прощения проклятые не получили. А потом на Чесмене появились новые расы.

Саламандры всегда желали быть единственными на своей земле и время не изменило их. И когда Саот в очередной раз появился на Чесмене, мать-саламандра уже собирала своих подданных на очередную войну. И тогда Саот на месте моего упокоения создал Источник, в который свёл энергию семи лун планеты. Только вблизи неё проклятые могли существовать. А Матку изгнал и приказал договориться с новыми жителями Чесмена по доброму и, если у неё это получится, пообещал снять проклятие.

Теперь, всякий раз, когда Тёмный бог должен вернуться, Источник изгоняет Матку, чтоб она пыталась добиться взаимопонимания с людьми в таком виде, какой соответствует её душе. Судя по всему, проклятым до сих пор это не удалось.

— Да уж, даже с теми, кто мало отличается от тебя, взаимопонимание найти не просто. А на таких условиях, вообще не реально. Чтоб знать правила этой игры, кто-то из поселенцев должен был прийти и поклониться Светлому богу или Саот просто решил посмеяться над проклятыми.

Под конец его рассказа мы почти пришли в себя и спросили не разгневался ли Саот и на нас, за то, что мы нарушили покой его храма. И не превратимся ли со временем в саламандр из-за чёрной воды, которой он нас окатил.

Мундру рассмеялся и сказал, что брат строг, но справедлив. Он не наказывает за простое любопытство. А вода из его источника имеет очень интересные свойства. И рано или поздно мы обнаружим их сами.

— А что с вашей прекрасной радужной водой? — попыталась я польстить Светлому, — наверняка она тоже имеет удивительный эффект.

— О да! — продолжил веселиться Светлоликий, — как иначе... Ведь брат создал Ключи для ваших семи рас. Он понял, что вы из миров, где совсем не было магии. Для того, чтоб сила коснулась тех из вас, кто может её впитать. Он собрал её со спутников планеты и приблизил к месту вашего поселения. А после создал ещё несколько таких же мест силы в разных укромных уголках Чесмена. Так, чтоб ваши неопытные первомаги почувствовали и смогли дотянуться до маны. Иначе вы не выжили бы в этом мире. Ведь он отвергает чуждые источники энергии не магического свойства.

Мои размышления прервал радостный клёкот вигоня. Витре опустился, поднимая крыльями вихри и брезгливо подтягивая лапы, в поисках места, где он может сесть и не испачкать их в болотной жиже.

— Какое счастье у что у нашего сидхе голова на месте, — пробурчал мне Труми, — он

не расседлал своего вигоня, предполагая, что тот может нам пригодиться. Иначе нас пришлось бы приклеивать к его заду.

— А ты не хочешь продублировать для Лами и Витре свои комплименты? Интересно, куда после этого захотят приклеить тебя?

— Злая ты..- посетовал Труми, — и добавил против всякой логики, — прилетим, рыбки дашь?

Я только вытаращиться успела, а маленький нахал ужи скрипел что-то нашему суровому спутнику, который оглаживал и успокаивал поволновавшегося летуна. Ведь нас не было до самой темноты..

Судя по тому, как быстро прилетел вигонь, наша стоянка располагается совсем не далеко. Вот сейчас я и попробую чего мне стоит ожидать от совместного полёта. Насколько терпимым окажется такой близкий контакт с сидхе.

Лами снял с седла одну из притороченных к нему сумок и пристроил её за моими плечами. Я поняла, что в неё он собирается усадить Труми. Всё правильно. Третьему в седле совсем места нет. А поскольку тащить хитреца мне, значит меня усадят за спиной всадника. Ну, чтож, такое положение гораздо скромнее, чем впереди, в объятьях мужчины. Хотя, где-то в глубине души, мне хотелось оказаться именно там. Я уже почувствовала насколько меня взволновало то, как он прижимал меня к себе, в момент опасности в храме. И тогда, когда подхватил на руки, переноса через тёмный источник.

Правда, как только опасность отступала, сидхе отстранялся, как будто прикосновение к моему телу жгло его. И от этого мое сердце ощущало лёгкий укол.

— Я не хочу к нему привязываться, — злилась я, — ненавижу сидхе. От них не может быть ничего, кроме боли. Но не воспользоваться его предложением, было бы глупо.

Я уговаривала себя, что это именно так, сидя за широкой спиной мужчины, обнимая руками его талию и время от времени касаясь тихонько щекой его тёплой спины. Пахло от него сухими травами и хорошо выделанной кожей. Меня не доставал холодный ветер, а рассмотреть я могла бы всё что захотела, будь сейчас светло.

Труми, слушая все мои метания, только сопел и возился. А я вдыхала в себя терпкие запахи ночи и при каждом вираже вигоня теснее прижималась к Лами, стискивая руки вокруг его тела. В первый раз он вздрогнул, а потом только слегка напряглся от моих вынужденных объятий. Ну, может и не совсем вынужденных..

Когда полёт неожиданно быстро завершился и меня поймали в поднятые навстречу руки и, во всех смыслах, вернули на землю, я чувствовала себя в лёгкой эйфории, как поначалу у семи ключей.

— Это что, прикосновение всех мужчин так действует на женщин? — размышляла я, — Наверное так и должно быть. Ведь какой бы марки вино ты не пил, всё равно опьянеешь.

Мой взрослый жизненный опыт ограничивался, пока что, двумя представителями одной расы и сравнивать мне было не с чем.

— Лучше вытащи меня из сумки и дай рыбки, а то только и думаешь о том, чтоб с парнями тискаться, — заявил, хихикая, наглый плакальщик.

— Я вот тебе как дам сейчас! И совсем даже не рыбки... Прекрати копать в моей голове!

— А ты не думай так громко. А то я сейчас сам полезу к сидхе обниматься.

Я зашипела, а белобрысая язва спряталась за, присевшего к погасшему кострищу, сидхе. Я вздохнула, взяла котелок и отправилась к ручью за водой. Хотелось есть и попить чего-нибудь горяченького. Ночью на болоте сыро.

Мысль о том, что завтра мы отправимся в путь и я смогу целый день сидеть за спиной Лами, заставила меня улыбнуться. Даже шуточки Труми вызывали только тёплую волну радости в груди.

— Дать ему рыбки, что ли?

Спустя недолгое время, мы сидели вокруг костра и грели руки о чашки с ароматным

травяным напитком, в который Труми подбросил пару горстей чёрной болотной ягоды со сладким запахом, которую он обобрал с соседних кустиков. Лето только входило в свои права и спелой ягоды было не много. Но небольшая кислинка не дозревших плодов, только добавляла прелести напитку, хорошо утолявшему жажду.

Обсуждали мы, конечно, информацию полученную в течение этого насыщенного дня. Сначала обговорили судьбу проклятого племени. Возможность вернуть саламандрам человеческий облик... для меня это звучало гораздо лучше, чем простое убийство обезумевшей Матки.

— А вы уверены, что хотите, чтоб рядом с вами поселился такой воинственный народ? Да ещё и желающий владеть землями единолично? — остудил плакальщик наши с сидхе благородные порывы.

— Но, как же, ведь это мы пришли на их земли, — забормотала я, в чём-то отдавая должное словам малыша.

— Но не мы виной тому, что они были наказаны, — высказал мысль Лами, — и, возможно, в словах Труми есть резон. Когда Тёмный бог решит, что душа их перестала быть черна..

— Но и мы тоже ничего для них не сделали, — почему-то захотелось возразить мне, — если вигоню вечно твердить, что он таймах, то он точно никогда не взлетит. Может людям стоит показать детям Саота, что можно жить мирно тем, кто совсем не похож друг на друга.

— А вы уверены в том, что мы такой уж подходящий пример для других, мэги Лиира, — вдруг почему-то снова переходя на официальный тон, с кривоватой усмешкой, спросил сидхе.

Мы почти целый день уже называли друг дружку на ты и без официоза, а тут, вдруг, мои слова чем-то зацепили собеседника. И я не могла понять чем..

Какое-то время мы молча прихлёбывали питьё, а Труми возился между нами, как будто устроился между двумя иглокожими грызунами. И теперь наши иглы колют его с обеих сторон. Разговор больше не клеился и мы улеглись спать, так и не договорившись, когда нам следует быть готовыми к полёту.

Проснулась я поздно. Меня никто не будил, а потрясения вчерашнего дня измотали больше мою нервную систему, чем тело. Я думала, что, от падения в подземелье, на моей попе останется здоровенный синяк и отправившись купаться в ручье, всё пыталась рассмотреть свой тыл. Но, судя по всему, я строила из себя неженку или падение не было таким уж критичным, но ни боли, ни последствий на коже, я не обнаружила.

В этот раз я не устраивала длительных купаний. Чтоб снова не нарваться на вездесущего Лами. Такой эпитет я подарила ему, поскольку обнаружила рядом со своей котомкой уже упакованную кожу саламандры, приправленную небольшой дозой стазиса. В котелке свежий типс. В углях посвистывала паром, из растрескавшейся глиняной скорлупы, свежезажаренная болотная курочка. Сам Сидхе о чём-то трепался с Труми. Где-то в той же стороне ласковым бархатным голосом клекотал Витре.

— Что они там с ним делают, что он так балдеет? — с завистью подумала я.

— Вот-вот, не завидуй, — послышался в голове нахальный голосок плакальщика, — мы идём. Накрывай завтрак, поедим и вылетаем.

Моё плохое настроение улетучилось, едва мы взлетели. Такая вот тавтология. Но плетений из заклинаний не выбросишь. А полёты всегда доставляли мне радость. Под нами проплывала Трясина, по которой не нужно было шлёпать пёхом. А ещё над водным

простором нёсся тонкий и тягучий запах расцвевшего краснолиста. Даже сидхе, всё ещё изображавший скорбь фамильного призрака, не раздражал так уж сильно. Он тепло и уютно прикрывал от, бьющего навстречу, ветра и перестал застывать каменным истуканом, при каждом моём объятии.

То расстояние на которое понадобилось несколько дней пути, заняло один перелёт. На привал мы остановились в Приболотье. Я попросила Лами спуститься на месте, где я вошла в болото и быстро отыскала припрятанные там припасы. Вьюк был довольно тяжёлый и мне не хотелось тащить его с собой. Ведь я собиралась охотиться и не хотела связывать себе руки лишним грузом. А теперь он нам пригодится. Один маленький проглот уже сожрал все запасы моей солёной рыбки и теперь сопел над тюком, втягивая носом воздух и небезосновательно полагая, что его сладкая, вернее солёная, нахлебническая жизнь удалась!

Забрав и приторочив поклажу, чем ещё больше загрузили бедняжку Витре, мы решили отлететь немного от болота, подальше от вездесущей мошки. Спать под щитом это одно, а возиться с делами на привале, щит всё же мешает. Вигонь устал. До сумерек ещё было пару часов и мы могли удобно устроить стоянку и пару часов просто поваляться бездельно. Как ни хорош полёт, а долгое сидение в одной, довольно напряжённой позе и нас утомило тоже.

Но долго лежать и грызть светлый сладкий кончик травинки, даже глядя на розовеющее предзакатное небо, мне наскучило. Сидхе не пытался быть приятным собеседником. Он всё больше молчал. А если и говорил, то с Труми. Я, конечно, могла понять контекст по мыслям, которые транслировал Труми, но ментальной речи Лами я по-прежнему не слышала и в разговор меня не приглашали. Ну я и не вмешивалась.

Хотя я всё ещё не утратила той наполненности магией, которую мы ощутили у Источника, радоваться я не торопилась. Мы ещё довольно близко к Трясине. Но, хотя мои магические возможности сильно увеличились, на ментальную связь с нашим лекарем это никак не повлияло.

Стоянку мы устроили с неширокой речушкой, несущей свои спокойные воды в болотистую пойму. На берегу её, в углублениях больших круглых листьев, раскрылись ночные бабочки. Эти прекрасные белоснежные цветки, по форме действительно напоминающие больших бабочек, пьющих из конусообразной лужицы в центре листа, так и подмывало сорвать и упить их свежим, с кислинкой, ароматом.

Я сняла сапожки. Мой плотный комбинезон из ламии, я уже давно заменила мягкими замшевыми брючками и бирюзовой туникой с перламутровыми пуговками. Вода показалась тёплой, как парное молоко. Поболтав голой пяточкой в слабеньких набегающих волнах, я подвернула штанины и полезла за цветами.

Узкая длинная голова грязно-болотного цвета, как стрела выметнулась между листьев и пасть, во всю прорву своих острующих зубов, вцепилась мне прямо в грудь. Я завизжала так, что из прибрежных зарослей взметнулась стая птиц, уже устроившаяся на ночлег, и изо всех сил рванула впившуюся в меня здоровущую речную змею. Отбросив её в сторону, я в шоке от страшной боли и хлынувшей из рваной раны крови, стреканула в луга. не видя как метнулся за мной сидхе, с перекошенным от ужаса лицом, и не обращая внимания на, звучащие в голове, вопли Труми.

Пробежала я довольно много, пока не упала, и не потеряла сознание. А пришла в себя и увидела ещё одну шокирующую картину. Я лежу на земле, вокруг головы высокая трава, туника на мне разодрана и залита кровью. А надо мной сидят два идиота мужского пола. Один на тощей белобрысой заднице, другой на коленях. И оба пялятся на мою голую грудь.

И ладно бы какое-то желание или хотя бы смущение. Ну, пусть только у Лами. Но нет, оба придурка смотрят на меня, как будто я рыба у которой выросли рога..

А я-то всегда тешила себя надеждой, что грудь у меня хоть и не слишком большая, но красивой формы.

— Нет! Может мне её эта гадина напрочь оторвала? — я подхватила в ужасе и с горящим лицом начала шарить по голому телу.

Проклятый сидхе, как-то то ли вздохнул, то ли всхлипнул и отвернулся.

— Саот Темноликий! — заорала я..

— Не ори, у меня сейчас перепонки лопнут, — закрыл уши Труми и сморщил нос, отчего его зубки оскалились. Твой Саот, похоже, и вправду тут потоптался.

И он ткнул длинным пальчиком прямо в мой стриптиз.

— Где?! Потоптался?.. — непонимающе воскликнула я, и, отняв руки от своих прелестей, вылупилась на раны. Они затягивались прямо у меня на глазах. От каких-то уже остались только розовые полосочки. Из других ещё сочилась сукровица. А ещё всё саднило и щипало страшно. А в тех местах, где зажило, ещё и чесалось.

Сидхе тем временем, колдовал со своей зелёной аптекой. Но плечи у него вздрагивали.

— Это он ржёт, что ли? — обиженно спросила я Труми, — да он просто зараза! Вот, правильно я их ненавижу!

— О, смотрите на неё, раздухарилась! И не орёт больше. Что, обнаружила свою сиську на месте, так уже и ненавидеть время появилось? Оставьте мужика в покое со своими комплексами!..

Слава богам этот диалог Лами не слышал. Как и мой возмущённый вопль. Он, не оборачиваясь, протянул мне, смоченную в каком-то лекарстве, тряпочку.

— Ли, положи это на рану, на всякий случай, — приказал он и пошёл в сторону стоянки. В его голосе звучал сдерживаемый смех.

Я послушно приложила лекарство и зашипела. Ощущения были не очень приятные. Я натянула на голое тело обрывки туники.

— Мыться к реке не пойду, — с ужасом поглядывая на цветочные заросли, помотала головой я, и заискивающе попросила, — Труми, может вы достанете мне водички?

Конечно, водички мне достали. Забросили в реку котелок на верёвке. У меня же психологическая травма! Так я своим защитничкам и заявила. За всеми этими перепетиями, настал вечер.

Я чистая, в новой тунике, парной к замшевым брючкам, пила успокаивающий отвар. Лами, слава богам, вернулся к неофициальным отношениям и мы бурно спорили, является ли ускоренная регенерация следствием воздействия чёрного источника.

— Кто не слышал сказки о живой и мёртвой воде? — задал риторический вопрос сидхе, — вот, скорее всего, вода из чёрного источника — мёртвая. Говорится же, что она заживляет раны. А наши лекари считают, что лечит опухоли, воспаления и сахарную болезнь.

— А в цветном источнике живая, что ли? — обалдело вытаращилась я, — так может мы теперь уже бессмертные?

— Мест на кладбище не хватит, таких бессмертных складывать, — скептически хихикнул плакальщик.

— Мы, с богами, на тебя обиделись, — ляпнула я вслух мелкой язве, а сидхе ошарашено посмотрел на меня.

Может моя фамильярность показалась ему бестактной? Зато Труми не смолчал.

— Пришей к савану карман, чтоб было куда подарки от богов складывать, — тоже вслух, наверное, чтоб не оставить наш спор без свидетеля, съязвил плакальщик и защёкал выдуренную рыбку.

Теперь ошарашенный взгляд Лами достался ему.

Спать мы легли, прикрыв стоянку щитами с двух рук. Никому не хотелось проверять богов на паршивость. А вдруг ночью нас посетит сестричка давешней змеюки?

Наутро на моей коже даже шрама не осталось.

— Что же, — думалось мне, — получить такой подарок от Саота, которого в нашем мире упоминают только в нарицательном смысле и не в самых лучших ситуациях! А он такой душка. По братику плачет. И мне теперь хоть в королевы, хоть в боевые маги. Если сразу не убьют, то вон как ранки восстанавливаются. Быстро и следов совсем не остаётся!

Надо сказать, что эта часть героических свершений меня пугала чуть не больше, чем возможность погибнуть в бою. Я видела наших солдатиков, тренировавшихся на плацу. Многие из них пострадали в вылазках на новых территориях. И хотя маги короля искуснее в разы в лечении ран, чем деревенские лекари, но шрамы на их телах всё равно оставались. И, когда я представляла следы сражений на своей нежной шкурке, то думала, а не лучше ли сразу к Саоту? Какой мужчина сможет гладить такие страшные и уродливые следы на теле..

И я бросила взгляд из-под ресниц на сидхе, который увязывал багаж. Он тоже смотрел на меня. При чём как раз туда, где была рана.

— Волнуется? Или думает о чём-то более приятном, чем медицина?

Мы оба одновременно смутились и сделали вид, что готовимся к отлёту. Он не просил осмотреть рану. И вообще, со вчерашнего вечера отвечал односложно и только по делу.

— Тоже мне лекарь!.- с тайной обидой подумала я, — мог бы и поинтересоваться моим ранением... профессионально..

В голове хмыкнул Труми.

— Брысь! — послала я команду неугомонному проныре и полезла за спину, уже устроившемуся в седле, сидхе.

Сегодня мы летели над лугами Приболотья. А после обеда это уже были земли хомо. Лето раскрасило луга и поляны множеством цветущих растений. Поля вокруг посёлков светло-салатовые от молодых побегов хлебных злаков и более тёмные от овощных посадок. А вот, уже покрывающиеся жёлтыми бутонами, масличные... Такое цветное лоскутное одеяло, от полёта над которым кружилась голова. А может она кружилась от чего-то другого? Я жалась к спине сидхе и с таким упоением вдыхала его чуть терпкий аромат, что даже плакальщик за спиной только вздыхал и не решался нарушать очарование своими ядовитыми комментариями.

А может он просто угрелся и спал? Представляю, что ему там может присниться. От вынужденного безделья и близости горячего мужского тела, я в своих фантазиях заходила так далеко, что начинал ёрзать и сидхе. Слава богам, моих мыслей он не слышал, но эмоциональный фон его точно доконает.

— А что будет, если он, как Наргель..

Тело помимо воли жарко вспыхнуло. Конечно мальчишка был грубым и напугал меня. Но, если более опытный Лами окажется нежнее... Мне хотелось узнать, от каких ощущений могут так стонать и вскрикивать женщины, как моя горничная Ная, которую я подслушала в вечернем саду с молоденьким разведчиком пустошей, отряд которых на время остановился в дворцовых казармах.

Следующая наша стоянка оказалась у реки с красивым именем Саграна. Это один из крупных притоков Аниши. Её исток, в Цверговых горах. Дальше она спускается к подножью и бурные воды, растекаясь там широкой голубой гладью, делят границей земли хомо и степные раздолья воргенов. Дальше Аниша разделяется на два крупных рукава. И первый

рукав, сохраняя то же название, плавно и медленно растекается множеством мелких речушек до самого Приболотья и стекает в Трясину, переходящую у Западного моря в солёное мангровое болото.

А второй рукав — это и есть Саграна, по берегам которых продолжают земли хомо и воргенов. Она не задевает владений лилу. Холмы остаются севернее. В заросших лесом седловинах холмов начинается ещё одна речка — Тина. Она гораздо уже и быстрее, но пойма её, как и пойма Саграны украшает множеством, цветущих голубыми и фиолетовыми водяными мелиями, протоков, земли предков моей мамы — иаров. А дальше только Западное море. Кипящее и беспокойное.

Останавливаться у воды всегда удобнее. И следующая стоянка будет скорее всего на Тине. А потом ещё перелёт, и граница земель северных сидхе. Географию я знала хорошо. В своих мечтах о подвигах и путешествиях, я ещё в детстве мысленно обследовала каждый уголок разведанных земель Чесмена. И даже пыталась помечтать о собственном экзаменационном походе с разведотрядом. Отец ведь настаивал, что я не должна требовать статусных привилегий.

Прошное моё приключение у реки привело к тому, что к берегу за водой я подходила с опаской. Меня никто туда не посылал. Но сидхе ушёл за дровами. Труми побежал следом, поискать вкусенького в лесу. Я посидела у наших вещей и решила, что должна побороть свои страхи. А то, чувствуя себя девочкой рядом с Лами, уж больно я расслабилась. Собиралась вроде в боевые маги, а тут первое ранение и я уже лелею свои страхи. Решительно схватив котелок, отправилась в сторону берега.

— Саот мне в помощь! Никогда больше не назову его Жестоким богом. Хотя все нидлы разом будут рассказывать как их сводит с ума Чёрная луна..

Я вспомнила видения из подземелий и склонившегося к брату гиганта с рельефными мышцами под гладкой чёрной кожей, длинными стройными ногами с высокими икрами. Облегающие брюки, из мелкочешуйчатой кожи, похожей на змеиную и сетка доспеха на обнажённом торсе. Точно так же было одето всё племя саламандр. А ещё слеза на щеке, прозрачная, как чёрный бриллиант.

Я стояла на галечной россыпи недалеко от реки. Кажется она недавно поменяла русло. Иногда на Сагрane такое случалось. Не даром её имя, в переводе с языка воргенов, значит Изменчивая. У степняков есть легенда о девушке-воргенке, которая лучше всех табунщиков племени управлялась с любым, самым диким таймахом. Летала на своём скакуне, как ветер и кружила головы парням, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Но однажды пришло и для неё время полюбить. И теперь уже вольная воргенка искала встреч с парнем, ранившим её сердце. А он мечтал о другой. Тихой и милой, которую смог бы защищать. Но однажды Цверговы горы закрыли тучи и дождь лил и лил много дней подряд. В одну из ночей с отрогов пришла большая вода и реки разлились, затопляя стойбища. Воргены спасались держась рядом с табунами, выбрасывая детей на широкие крупы таймахов и позволяя себе изредка отдыхать, цепляясь за их хвосты.

Воргенка заметила, что таймах её любимого уплыл слишком далеко, а его поток с силой швырнул на выступающий камень. Она бросилась в бурную реку, но поняла, что не успевает. Тогда она попросила чужого бога, принесшего воду с гор, о спасении, хотя бы для того, кто ей всего дороже. Но чужие боги не свои. Они не покровительствуют чужим детям бесплатно. И цвергов Гримнир Бесстрашный любил подвиги и преодоление. И менял только жизнь на жизнь. Он забрал девушку к себе и изменил русло реки, ударом, сотрясшим землю. Её

любимый спасся, даже женился потом на милой и тихой, как и хотел.

А воргенка стала богиней Веллой — защитницей семьи. Даже гномы до сих пор изображают её похожей на воргенских девушек. Меднокожую с соломенно-золотыми волосами и глазами цвета мёда. Раз в году, в ночь выбранную подгорным жрецом, юноши цвергов выходят из шахт и подземелий, чтоб похитить новую Веллу в одном из стойбищ воргенов. И тот, кому это удаётся, считается самым храбрым воином. Только не всегда девушка может полюбить того, кто её похитил и за кого её отдали в мужа. Они, как и Велла, всю жизнь помнят своих первых любимых.

Шевеля галечки и вспоминая легенды о богах, которым, как и их детям, приходится и любить и страдать, потому что чувства сильнее даже божественной силы, я медленно брела к воде. Среди обкатанных серых, белых и красноватых галечек, мелькнул металлический блеск. Я наклонилась и подняла камешек, чёрно-серебристый и очень хорошо знакомый по внешнему виду.

Отец торговал с цвергами и чаще всего покупал у них необработанные алмазы. Как раз в истоке реки добывали карбонадо — безупречные чёрные алмазы. И если белые или цветные добывали глубоко в недрах гор, то чёрные, находили как раз в самых верхних слоях земли. Их с удовольствием перекупали жрецы Саота. Торговля драгоценными камнями, у хомо, была привилегией королевской семьи.

Сейчас я держала в руках довольно крупный цельный кристалл камня Саота. И я приняла эту находку, как знак покровительства. Поднесла камешек к губам и поцеловала. В голове услышала смех. Оглянулась, рассчитывая увидеть поблизости Труми. Но у реки не было никого. Неужели я слышу маленького плакальщика с такого расстояния?

Лес был довольно далеко и Труми, при первой возможности, убегал от меня подальше. Не только для меня, но и для него, постоянное чужое присутствие в мыслях было тяжело. А ставить блоки я почему-то не хотела. Ну, это как будто выразить недоверие дружочку. А я его любила. Смешной и язвительный, он скрашивал те минуты, когда я испытывала сомнения и метания, связанные со своими девичьими мечтами.

Неужели Источник дал мне такую силу? Или мой поцелуй позабавил Тёмного бога? Э нет... играть в любовь с богами... я далека от таких амбиций! Ещё один смешок меня откровенно напугал. Я помотала головой и побежала к воде.

Костёр уже горел. Сидхе, маленьким аккуратным топориком, обрубал ветки с громадной лесины с плотными зелёными наростами. Я не знала, что это за дерево. В наших местах таких не росло. Я подошла и присмотрелась к зелёным бляшкам на стволе. Они были довольно жёсткие, но пористые, как пемза.

— Можешь срезать, — кивнул в их сторону сидхе, — высушишь, будет замечательный трут, а разотрёшь в порошок, помогает при женских недомоганиях.

Я покраснела, а лекарь пошёл подбросить дров. Достав кинжал из-за пояса, я всё же срезала наросты. Магичкам очень тяжело даются критические дни. Ещё бы ему этого не знать.

Над опушкой леса летали носари. Ловили ночных бабочек. Какое-то крупное животное трещало ветками в зарослях. Но сидхе и вигонь вели себя спокойно. Значит нам ничего не угрожает.

Я катала в кармане брючек свою находку, пока Труми не надоело выковыривать из меня мою маленькую тайну. Он чувствовал, что я что-то скрываю, потому что всё время напевала в уме популярную среди студентов песенку, сомневаясь что и как сказать о находке.

— Я ревную тебя к небу,
я ревную тебя к звёздам,
ты любимым моим не был,
а теперь, я боюсь, поздно..

— Ну, ладно, я же и обидется могу, — вклинился в мои мысли плакальщик, — что у тебя там произошло? У меня уже рожки пробиваются от любопытства..

— Ладно, — продемонстрировав свою находку, сказала я вслух язвительно, — так что, говоришь, пришить карман к савану?

Про чьё-то веселье в моей голове, упоминать не стала. Половины правды и то хватило, чтоб Лами помрачнел.

— Ну, вот и о чём он думает, знать бы... Волнуется? Любовь богов бывает жестокой и эгоистичной... Или ревнует?

От этой мысли я почувствовала слабую истому.

— Мне хочется, чтоб он меня ревновал. И, чтоб обнял, как тогда в подземелье, ограждая от всех богов.

Засыпала я тревожно. Ворочалась и успокаивала свои желания. Сидхе, кажется, тоже не спалось. Он поднялся, подбросил ветку в костёр. Она вспыхнула и в воздух взлетел снопик искр. Полянка осветилась и Лами быстро посмотрел в мою сторону. Я притворилась спящей. А он обнял колени и уставился в огонь. Я следила за ним сквозь ресницы, пока и вправду не заснула.

Мне приснился Саот. Как ни странно, он так же сидел у огня. Только вокруг него не было ничего, кроме оплавленных чёрных гор, с блестящими гранями, как у кусков угля. Такие же куски горели в огне. Над головой бога светили звёзды. Такого количества я никогда не видела!

— Дай мне камешек, — он улыбнулся и протянул руку.

Я достала кристаллик и с жалостью посмотрела на него. Отдавать не хотелось.

— Я верну, маленькая жадина, — громко захохотал Тёмный.

И я протянула ему алмаз.

Он приблизил его к губам.

— Ой, он что его тоже поцеловать собрался?

Меня это скорее пугало, чем смущало. Но бог, хитро глянув на меня, тихонько подул на камень и прямо в ладони погрузил в пламя. Я непроизвольно вскрикнула. А он вытащил руку из огня и протянул мне колечко. Оно было вырезано из одного кристалла, а навершие огранено высоким кабошоном.

Саот двумя пальцами взял мою руку. Моя маленькая ладошка казалась игрушечной в его руках. Сейчас он был ростом с крупного мужчину, а не таким гигантом, как в видениях храма. Он надел на палец колечко. Посмотрел, как я им залюбовалась сначала, а потом испугалась. Он понял какая мысль пролетела в моей голове и глаза его стали чуть-чуть грустными.

— Не бойся, малышка, я не заявляю на тебя права. Просто дарю колечко. Повернёшь на пальце, камнем внутрь, станешь невидимой.

— Спасибо, Темноликий, только чем я заслужила?

— Ты пожалела моих детей. А ещё, когда маленькие девочки пытаются совершать большие дела, нормальному мужчине хочется их защитить.

— Ты для этого омыл нас водой из своего источника?

— Просто жаль портить такую красоту шрамами, — он лукаво улыбнулся, как будто слышал все мои мысли на эту тему.

— А зачем тогда искупал сидхе и Труми? — я тоже засмеялась, и страх куда-то пропал.

— Девочки плачут, когда страдают их близкие. А я не переношу женских слёз.

— Ладно, тогда я никогда больше не буду плакать.

— Даже я не могу избавить тебя от этого, — развёл руками бог, — если тебя заставит плакать любовь..

Когда я проснулась, сидхе уставился на моё кольцо с таким видом, как будто Витре отдал ему ногу. Но не сказал ни слова. Весь этот день, он был ещё молчаливее и задумчивее, чем обычно. Хотя раньше мне казалось, что дальше и так некуда.

Последующие дни пути не озадачили никакими странными происшествиями. Тина оказалась очень живописной речкой, только лето тут ещё как следует не началось. Всё таки мы летели на север и я как будто обернула время вспять. Несуществующее заклинание. А жаль! Иногда хочется отмотать время назад, чтоб исправить то, что случилось. Чтоб чего-то не увидеть и не услышать. Знать бы где упадёшь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тундра поразила меня. Лами повеселел добравшись до родных мест и с удовольствием рассказывал обо всём, что только попадало в поле зрения. Я даже вопросы не успевала задавать, а уже знала, что тут шесть месяцев зима, а остальные времена года, не равными промежутками делят между собой остальные шесть. Иногда оказывались затяжными осень или весна. И очень редко радовало, быстро убегаящее лето.

Сейчас здесь просто буйствовала весна. Огромные ровные луга с озерцами из растаявшего снега, и невысокие холмистые участки, и рощицы с низкорослыми деревьями, цвело всё. Жёлтые, оранжевые, алые и лиловые, белые и салатные пятна, перед глазами мелькал какой-то цветной взрыв. И такой же коктейль из запахов. Правда ночи были гораздо холоднее и сидхе устроил нам одну общую постель. Я для вида повозражала, но мне заявили, что со своей, не слишком подходящей для северной весны, одеждой я просто за ночь

превращусь в сосульку. Лучше б превратилась..

Вечером, обняв волосатенькую тушку Труми и, укрывшись до самых ушей, меховым одеялом сиде я застыла до дрожи в мышцах и ожидала, когда Лами поставит защиту и окажется рядом, за моей спиной.

Он скользнул под мех неожиданно. Даже удивительно. Ведь я именно этого ждала. И моментально оказался рядом. Положил руку на предплечье и замер. Я чувствовала всё его тело. Горячее, как печка. Он сумел повторить мою позу так, что казалось каждой клеточкой прижался ко мне. Я чувствовала затылком его дыхание. И напряжение, поселившееся покалывающими иголочками во всей спине и ниже, до самых кончиков пальцев. Ноги просто сомлели от сладкой дрожи, а низ живота свело судорогой.

Мужчина не шевелился. Только дыхание стало более частым и прерывистым.

— И я должна так заснуть? — с тоской, от которой чуть не завывала, поставила жёсткий блок от Труми.

Нужно говорить, что я забылась ненадолго только к утру? И вообще спал, сладко посапывая, только плакальщик. А я где-то летала, как будто надышалась дыма курительных смесей в подпольном притоне.

Один раз я выбралась таки в город во время учёбы в Ковене. И пошла бродить по его улочкам совершенно одна.

— Здесь я буду учиться несколько лет и даже не увижу город студентов-магов? — думала я собираясь и мучаясь сомнениями от своего одиночества. Хотя это был город студентов, при магическом учебном заведении, и маги следили за порядком на его улицах, но противоправные вещи всё же происходили время от времени.

Молодёжь хотела развлекаться в выходные. А какому возрасту наиболее присуща безбашенность и желание всё потрогать и ощутить всеми рецепторами?

А если есть спрос, то будет и предложение. Кабачки с выпивкой и танцами. Купальни с доступными девицами и юнцами, продающими услуги эротического массажа и не только. А ещё подпольные курильни, со слабо-наркотическими смесями. Тяжёлых наркотиков в городе не допускал магический патруль. А лёгкая дурь, без эффекта привыкания, расслабляла молодёжь, имеющую тяжёлые нагрузки во время учёбы.

Я бродила подальше от центральных улиц, с веселящимися компаниями. И, не будь я такой скромницей и букой, выпившие парни простили бы мою застенчивость и уже уволокли куда-нибудь, танцевать, хохотать и тискаться. Но я всё время думала о своём статусе. И обниматься мне хотелось с тем, кого выберу я, а не со всеми подряд. И пить спиртное, закусывая неумелыми слюнявыми поцелуями мальчишек, это, как-то не моё.

На одной из тихих улочек, я увидела скромную вывеску трактира с входной дверью, украшенной двумя красными бумажными фонариками. Мне хотелось пить, и поела бы я чего-нибудь тоже. Ноги гудели. За один день, я обошла чуть не весь город, не считая пропущенного шумного центра.

Я толкнула створки. Тихо брякнул колокольчик. У стойки с напитками никого не было. Маленький зальчик с парой столиков тоже пустовал. А, чуть в стороне от стойки, совсем рядышком, располагалась узкая дверь, закрытая тяжёлой бордовой шторой, да ещё слегка приправленной магией.

Звуки оттуда слышались протяжные и слегка заунывные, с неожиданными позвякиваниями звонких серебряных колокольчиков. Я тихонько подошла и пустив в ладошку чуток маны, от чего по ней пробежали мурашки, чуть сдвинула занавеску. В лицо

ударил запах дыма. Приторный, вызывающий головокружение и, что скрывать, сильное сексуальное возбуждение. Мне захотелось сорвать с себя одежду и прижаться к горячему телу красавца метаморфа, который шёл в мою сторону по проходу, обнажённый по пояс. Его смуглое тело слегка блестело от выступившей испарины, а глаза с длинными чёрными ресницами были затянуты пеленой желания. Он не видел меня, но в тот момент мне показалось, что он целенаправленно движется, чтоб схватить и утащить меня вглубь этого полуподвальчика, где я утону в этой завораживающей музыке и дыму.

Такого я не могла допустить. Резко сделав шаг назад, я повернулась и выскочила из курильни. А потом ещё долго бежала по улице, хватая ртом свежий воздух. После такого приключения, я сразу вернулась в Ковен. Больше в город я не ходила. Но иногда в ночных кошмарах наплывал запах дыма и по моему, покрывающемуся капельками пота, телу бесстыдно шарил возбуждённый наркотиком метаморф. Голова в таких снах кружилась и тело покалывало. А в ногах и животе поселялась тяжёлая ноющая нега.

В эту ночь я чувствовала себя так же. А проснулась от того, что замёрзла. Уже рассвело и обоих моих спутников не было рядом. Не выспавшаяся, с неудовлетворённым томлением в больном теле, я едва поднялась. Все мышцы сводило болью. Охнув, я отправилась к ближайшей луже талой воды и плеснула ледяную жидкость в лицо. Кожу как будто обожгло. Я охнула, но проснулась окончательно.

К гладким граням моего колечка прилипли тоненькие осколки льда. Я посмотрела на украшение и вспомнила Саота, в отблесках пламени ночного костра. Он очень красивый. В нём чувствовалась властность, сила и спокойствие. Тем не менее я ощущала, что он переполнен сдерживаемыми эмоциями. Пока мы говорили, он был и весёлым, и грустным, и лукавым, и серьёзным... И во все моменты страстным. О чём бы он не говорил, не было в нём ни капли равнодушия. Великолепный мужчина..

Но только он не мужчина. Он бог. И простому человеку нельзя переходить грань. Богам и людям не место рядом.

Мне показалось или я услышала вздох?

— Я обидела своего любимого Бога?

Обернувшись увидела сидхе, взгляд которого был почти болезненным. От того, что я стояла и как дура таращилась на кольцо Тёмного?

— Ой-ой! Кажется я обидела сразу двоих... Ну что за невезение!

Сидхе отвернулся и, как обычно, занялся костром. Расшевелил золу. Низко склонился и раздул угли. А я теперь жадно глядела на губы Лами и мне хотелось его поцеловать, таким несчастным он выглядел.

Я присела у огня и скрючилась, ожидая пока разгорятся, подкинутые Лами, ветки. Меня всё ещё пробирала дрожь.

— Замёрзла? — тихо спросил он, — сейчас типс заварю.

И снова замолчал.

— Нет, всё таки северные слегка замороженные... Я опять вспомнила Саота и метаморфа из сна. Нидлы ближе всего к Тёмному. На них сильно влияет блуждающая луна. И темперамент у них сумасшедший... Такими сведениями, по крайней мере, делились служанки в замке и девчонки в Ковене. Что делать, если моё сексуальное образование ограничивалось только подслушиванием.

И, если, маленькой дурочкой, я позволяла себе покопаться в головах у деревенских простушек на королевской службе, то в Ковене, на глазах у сплошных магов, такого себе не позволял никто. Да и общая ментальная защита стояла. Слабенькая правда. От студентов. Преподаватели ей не заморачивались. Но, те, кто в этой сфере покруче изначально, как я, ставили блоки. Никаких защитных амулетов, без дозволения педагогов, носить не разрешалось. Впрочем, во дворце мои изыскания в чужих головах тоже быстро пресекли. Отец застукал. И очень строго наказал. Я вняла..

А рассказы о любовниках-метаморфах можно было подслушать и без магии.

Метаморфы или нидлы, самая загадочная и непостижимая раса Чесмена. У них нет каких-то общих внешних черт. Многие из них безумно красивы. Многие странные до безумия. Их тело во время роста, слушается внутренних желаний. И формируется под их влиянием. Но иногда случается, что период окончательного окостенения внешности приходится на время Тёмной луны. Тогда двусущие спорят сами с собой в одном теле. И результат не всегда оказывается адекватным. На ранних стадиях маги племени ещё могут помочь. Оттянуть время созревания до ухода луны. Но, если процесс уже запустился, а время Саота пришло, то остаётся только молиться Тёмному богу, чтоб всё, что есть в твоей натуре, не отпечаталось на теле и лице.

А во взрослой ипостаси, сформировавшиеся нидлы, как мужчины, так и женщины, слынут самыми изобретательными, неутомимыми и страстными любовниками. Главное не оставаться с ними в дни безумия. Тёмная луна имеет над ними власть до самой смерти.

Есть небольшое влияние у неё и на лилу. Но с метаморфами никто в этом смысле не сравнится.

Нидлы боятся Саота и его влияния на них. Они не узнали его с той стороны, что я. Мне совсем не было страшно рядом с ним. Он славный..

Сидхе подал мне чашку с типсом и я встретила с ним взглядом. Глаза у него были красными. Точно, он тоже не спал.

— Завтра будем у мастера Магдариеля. Я думаю, он не откажется заняться твоим доспехом. Или ты уже решила не сражаться с Маткой Саламандр?

— Не знаю, — честно ответила я, — но доспех хочу. Хотя теперь жутковато думать, что нужно надеть его на себя. Всё равно, что платье из человеческой кожи. Бр-р-р!

— В данный момент, они не люди, — успокаивающе коснулся моей руки Лами.

— Откуда ты можешь это знать? — почему-то рассердилась я, — а вдруг они могут думать..

— Что-то я не заметил этого, когда ты валялась и умирала там на болоте. Я, конечно, не знаю! Вот и спроси об этом своего Саота!

— О! Замороженные? Судя по тому, как вскинулся Лами и ломанулся в лес, это ревность..

Губы мои, помимо воли, дрогнули в победной улыбке.

— Попался!

Готовя завтрак, я щебетала как птичка песенку про ревнивых влюблённых, когда чуть не наступила на здоровенную лапу малыша Труми. Он таращился на меня с откровенной обидой во взгляде.

— Боги! Я же так и не сняла блок со вчерашнего вечера. Малыш не может говорить со мной. Точнее, не хочет, наверное. Потому что, в принципе, говорить он может, только я не знаю его языка. Позвал бы, что ли..

Я моментально сняла блок и слышала в голове возмущённые вопли.

— Фу! Говорить он всё таки хочет. Вон, орёт даже.

— Что ты сделала с Лами? — с негодованием задал вопрос плакальщик, — он промчался мимо меня, как будто твоя змеюка порвала ему зад! Прихожу, а ты тут песенки поёшь. И в голове блок. Меня чуть не разорвало от любопытства!

— Ну, не разорвало же... Вон, целенький, только попыхиваешь как грязевой вулканчик, — хихикала я, — и ничего особенного у нас не случилось. Понимаешь, сидхе ревнует меня к богу.

Я снова хихикнула. А плакальщик вдруг стал серьёзным.

— И чего ты веселишься? — слышала я в голове мрачную реплику Труми.

— А и вправду. Чего? — подумала я. И настроение вдруг упало.

Я поставила посуду на расстеленную скатёрку.

— Запасливый сидхе, хозяйственный, — промурлыкала я и добавила, вздохнув, — Труми, позови его... пожалуйста. Завтрак готов.

Дом мастера Магдариеля показался вдали ближе к полудню следующего дня. Он стоял на опушке самого большого лесистого участка территории северных сидхе. Лес уходил далеко на восток, превращаясь в таёжные заросли, переходящие в Пустынные Земли. У

холмов лилу он становился похожим на буш из зарослей кустарников, а к побережью выходил песчаными дюнами, заросшими, в основном, серебристыми метёлками сорной травы и жёлтыми, чуть липкими цветками "разбитого сердца". Про них у иаров, кажется есть какая-то легенда. Надо будет узнать у бабушки, если я когда-нибудь к ней попаду.

Мастер-сидхе был очень стар. Их раса долго выглядит молодо. Старость у них короткая. Но красоту расы они сохраняют до самой смерти. Можно даже сказать, что старики-сидхе, самые красивые на Чесмене. Кожа их остаётся чистой, без каких-либо старческих пятен. Волосы не теряют густоты, хоть и становятся совсем седыми. А уж глаза — драгоценные друзья, и вовсе остаются совсем молодыми и ясными.

Взгляд Магдариеля был умным, но несколько жёстким, что слегка меня покорило. Обычно старики вызывают, как дети, чувство незащищённости. О них хочется заботиться. А в глазах мастера была твёрдость и даже расчётливость какая-то. И слабым он совсем не казался.

Легко, одной рукой, поймал брошенный Лами тяжеленный выюк. Мужчины крепко хлопнули ладонью о ладонь и обнялись, как родственники.

Я скромненько стояла в стороне, куда меня поставил, как столбик сидхе, по обыкновению, сняв с Витре и поймав на вытянутые руки. Ждала, когда меня представят.

— Мэги Лиира, — тихо и как-то сдавлено поклонился в мою сторону Лами. И добавил твёрже, — принцесса хомо.

Я чуть присела и кивнула. Только обозначила. Принцессы не кланяются. Тем более чужим подданным.

— Как представили, так и получите, — немного рассерженно подумала я, а потом решила, что Лами прав. Нам же нужен доспех из кожи саламандры. А это и так всё скажет за меня.

Кожу мастер осматривал придирчиво и тщательно.

— Сам обработал? — это был полувопрос, полуутверждение. И найдя подтверждение своим мыслям в сдержанном кивке Лами, добавил, — всё таки чему-то я тебя научил. И довольно ухмыльнулся.

Меня несколько обидело и озадачило, то, что старик не выразил никаких чувств по поводу того, что я, девушка, добыла кожу опасной зверюги. То есть справилась там, где оступились некоторые мужчины. А вот хорошая обработка кожи его восхитила.

Но я промолчала. В конце концов, все хорошие мастера немножко сумасшедшие, по отношению к любимому делу. Что такого, что мастера радуется хорошая работа? Да ещё и того, кого он сам учил. К тому же, очень похоже, что и родственника.

Мастер прожил большую жизнь. Боюсь даже предполагать сколько ему лет. Сидхе среди всех рас долгожители. Наверняка, хороший мастер по доспехам видел-перевидел великих воинов, знаменитых охотников, высших магов. А уж историй ему порассказали!.. Со всеми преувеличениями, к которым склонны мужчины, желающие похвастать доблестью. Что рядом с ними малолетка-принцессочка, с каким-то детёнышем саламандры..

Я даже на Лами не дулась, за то, что он не расхваливал меня перед этим суровым стариком. Чего бы? Ведь это не я, а он вытаскивал мою тушку с того света после "великого подвига".

Старик заявил, что в ближайшие дни ему надо будет найти ещё какие-то очень специфические травы, которые нужны только свежими. Так как из них используется только млечный сок. И пригласил пожить в своём доме.

За ужином я объелась копчёного мяса кудума. Такой вкусотищи я не пробовала даже на королевском столе. Впрочем, отец всегда был равнодушен к разносолам. Особенно, когда остался один.

Мясо было розовое, с белоснежными прожилочками жирка. Нарезанное, слегка подмороженным, так тонко, что сквозь него можно было читать. Оно пахло дымом коры соиты и пряными травами. Нежное и хорошо подсолённое. Мы с Труми обожрались, как снежные вши. Кажется даже мой плоский животик раздулся как шарик.

Наверное, поэтому я долго не могла заснуть. Потом мне захотелось пить. Комнату мне дали наверху. В получердачном помещении. Впрочем, уютном и тёплом. Труми уже сопел в две дырочки. Ему как раз полный животик спать не мешал. Наоборот, чем сытнее поел плакальщик, тем крепче ему спалось.

Я вертелась, пока совсем не пересохло во рту. Опасаясь, что в незнакомом доме я перебуду всех, шла я очень осторожно, чтоб ни на что не наткнуться. На лесенке было полутемно. Только полоска света пробивалась через щёлочку приоткрытой двери столовой.

К моему удивлению, ни Лами, ни хозяин не спали. Они о чём-то говорили. Даже, кажется, спорили. Моя детская привычка к подслушиванию ещё не исчезла окончательно. И я подкралась поближе.

— Она тебе нравится? — услышала я не очень довольный голос мастера и сделала стойку. Кажется у меня даже уши заострились, как у сидхе.

— Не то слово, дед, — голос Лами казался убитым, — она прекрасна. А ещё храбрая, добрая, искренняя.

— И юная..-добавил старик.

— Та-а-к... Это всё я? Прекрасная? Нравлюсь? И чего комплексуем? Я вообще-то тоже не показывала отвращения..

— Да... и юная, — услышала я грустную интонацию Лами, и как все молодые, максималистка. И не прости мне лжи..

— Это кто и в чём тут меня обманул? — вскинулась я. Опасения по поводу коварных сидхе никуда не делись..

— Я следил за ней от самого Ковена. Твоё гадание оказалось удивительно точным. Жаль, что информации оказалось так мало. Я многое о ней узнал. Конечно она ненавидит свою мачеху, но очень привязана к отцу. А если он тоже в этом участвовал?.. И потом, у них будет ребёнок, а ты говорил..

Я так хотела услышать тайну, которая касалась моей семьи, что подалась вперед и меня, кажется, услышали.

— Тс-с-с! — зашипел старик и оба метнулись к двери. Я едва успела повернуть на пальце колечко Саота. Забилась в угол. И завесилась всеми своими прячущими заклинаниями. Их я изобретала всё своё "развесёлое" детство. И держала, можно сказать, на кончиках пальцев.

Заговорщики выглянули в открытую настежь дверь. Коридорчик, совсем небольшой, полностью залило светом.

— Никого, — сказал Лами, — тебе послышалось, дед.

— Нет, — покачал головой старик, — я чувствую тут запах магии. Ты думаешь она могла что-то слышать? Или этот её маленький проныра?

— Труми? С чего бы ему подслушивать? Да они, наверное, оба уже десятый сон видят.

— Ты не слишком доверяй этому хитрецу. Точно я не знаю, но о наших лесных

прятунах-плакальщиках, всегда ходили слухи, что они самые близкие слуги Саота. А в этом грязном деле его жрецы вывозились по самые локти. И ей, ты говоришь, Тёмный бог покровительствует?

— Дед, жрецы только люди, а, судя по тому, что я видел в Храме, Саот может быть каким угодно, но не хитрым и подлым. Я же рассказал тебе, как уже наказал он одних своих детей..

Они ещё потоптались в дверях и зашли в столовую, плотно прикрыв их за собой. Я выдохнула. Всё это время я старалась почти не дышать. И потихоньку ретировалась. Я многое простила бы Лами за его последние слова о Саоте. Но оставлять за своей спиной неразгаданную тайну было очень не приятно.

Воду я всё таки нашла. Уж очень пить хотелось. А потом тихонько поднялась по лестнице и только в комнате вернула себе видимость. Но зато поставила ментальный блок.

— Мне все лгут. А я веду себя не как член королевского дома, а как наивная крестьяночка. Я долгое время была наследной принцессой. А значит воспитывалась, чтоб наследовать власть. А простота и наивность не качества владык. Я должна быть готова к интригам и борьбе, принятию не простых решений, ответственности за судьбы других людей. И слишком доверяла всем подряд. Каждому встречному открывала душу.

Я не очень хочу этой власти. Но это не значит, что я не должна быть готова принять этот груз на себя. Для чего я так рвалась в Трясину? Зачем мне нужен этот проклятый доспех? Чтоб отец знал, что я достойна трона. Даже если не хочу его. Отец... Что за тайна связана с тобой?

Я вдруг захотела увидеть звёзды. Пусть здесь они не такие яркие и многочисленные, как в обители Тёмного.

— Он тоже лгал мне? Нет... — скривилась я в горькой улыбке, — боги не лгут, они просто не говорят всей правды.

Я распахнула окно, и в комнату ворвался свежий холодный воздух. Я глянула на Труми. Не проснулся ли. Он поёжился, но глаз не открыл. За окошком оказался широкий карниз. Я выбралась на него и уселась свесив ноги. Сейчас, без света костра, небо казалось почти таким же крошечным-звёздным как в моём сне. Дерево у дома тыкалось в окно ветками, покрытыми множеством светло-лиловых колокольчиков. Это та самая соита, корой которой пользуются для копчения мяса.

Летом она покроется листьями, тёмно-зелёными сверху и с фиолетовым оттенком внизу. Когда дует сильный ветер по кроне бегут цветные волны. Притянув ветку к себе, я втянула нежный аромат. Деревья вокруг мерно шелестели. Я прислонилась к стене дома. Глаза стали слипаться.

— Надо влезть вовнутрь, — подумала я, — а то засну тут на жёрдочке, как птичка. Только у меня, в отличие от неё, крылышек нет. Вот так, дурным клювом в землю и встряну.

Едва не сверзившись, с трудом повернулась на карнизе. Да, вылезать было полегче. В окошко, мне навстречу, протянулась белая ладошка. Лапка Труми, не смотря на то, что ростом он был мне ниже, чем по пояс, была не меньше моей. А ступни так и побольше. Только ручки и ножки в раза три тоньше. Косточки обтянутые кожей. И попа вдвое меньше головы. Всё для того, чтоб всякая дурочка пожалела и приголубила. Самые преданные слуги Саота, говорите?

Перенеся ногу через подоконник, я уселась на него и развернулась. Сняла блок. Частично.

— Ты стала закрываться от меня, — грустно сказал плакальщик.

— А не надо? — несколько жёстко спросила я.

— Почему? — поинтересовался он, игнорируя мой вопрос.

— Когда я открылась тебе, ты казался маленьким, наивным и беззащитным. Но, за такое короткое время, ты подозрительно быстро повзрослел. Я хочу задать тебе один вопрос, и от того, как ты на него ответишь, будет зависеть насколько я могу доверять тебе.

— Хорошо, — ответил он, помолчав какое-то время, — спрашивай.

— Скажи, Труми, насколько случайно мы оказались прямо у входа в подземный храм?

— Я не знаю, что тебе ответить. И случайно, и нет.

— Так не бывает. Может мне стоит научиться твоему языку? Вон, сидхе же знает.

— Попроси у Саота. И будешь понимать меня хоть сейчас.

— Ага... Попросить у Саота... Знаешь, если смертные слишком часто обращаются с просьбами к богам, они могут в них разочароваться. Если я к своим семнадцати выучила языки семи рас, то и с этим справлюсь сама. Тем более у меня память магини. Я очень быстро учусь.

— А чем я тебя так разочаровал?

— Да, пожалуй не ты один. Хочешь вернуть доверие?

— Конечно. Мне не хватает прежней тебя.

— Тогда послушай и скажи, что ты об этом думаешь..

И я передала ему подслушанный разговор.

— И что ты хочешь, чтоб я тебе сказал? — недоуменно спросил он, дослушав.

— То, что сказали о тебе, правда? Ты шпионишь за мной для Саота? Зачем?

— Дурочка ты, Ли. Мы, плакальщики, действительно одни из созданий, принадлежащих Тёмному. Только ты об этом не спрашивала. Поэтому я и знал место, где был Храм. А вот сверзилась ты туда сама. Нечего было звать бога, стоя у дверей его дома. И шпионить мне для него незачем. Он и так всё о тебе знает. Даже больше, чем ты сама. Он же бог.

— Ну да! — сказала я с обидой, — он бог, а я дурочка. А чем ты станешь оправдывать ложь сидхе?

— А с чего я должен её оправдывать. Пусть сам старается. Ты же ему нравишься, а не я. Я прыснула.

— Знаешь, для мужчины он слишком много комплексует. Я не амбициозна, в плане того, что могла бы получить по праву рождения. Но не могу и сказать, что лишена амбиций вовсе. Только я хочу добиться чего-то, там, где это зависит от моих личных качеств. И от моих стараний. Я женщина, хотя и воспитать меня, как настоящую женщину было некому. Но у меня хватает ума, чтоб понимать, что в семье, где жена сильнее и выше мужа, счастья не будет. Но я хочу быть ему равна. Династический брак, со всеми его компромисами, я и так могу получить. Но, если уж бороться за брак по любви, то я хочу такого мужчину, который не побоялся бы отстоять своё право на меня даже перед богом. Когда сидхе спас мне жизнь, защищал меня в Храме, я думала он из таких. А сейчас сомневаюсь.

— И что ты хочешь от меня? Совета? Чтоб я поговорил об этом с ним?

— Даже не думай сказать ему хоть что-то. Лучше помоги мне разобраться с этими тайнами. Что связывает эту парочку с моей семьёй? О каком гадании говорил Лами? Зачем он следил за мной, наконец?

— А почему ты не спросишь у него об этом напрямик?

— Ну, во-первых, я не уверена, что тот, кто солгал один раз, скажет мне правду сейчас.

— А во-вторых?

— А во-вторых, тогда они узнают, что я подслушивала.

— Ооо! Заюлила! И чем ты тогда лучше его?

— Труми, — заныла я, — этот старик, он такой суровый... И, имеет на Лами такое влияние..

— Что ты, хоть этот бедняга, кажется, в тебя по уши влюблён, не сможешь вертеть им, как тебе хочется, — констатировал плакальщик, возвращаясь к привычной язвительности.

— Вот какая ты всё таки... — заскрипела зубами я, не находя подходящего слова, — плесень ядовитая..

— Сама такая, — захихикал плакальщик, — у тебя ещё рыбка есть?

— Проглот! — вытаращила глаза я, — ты же обожрался, как сосун.

— У меня метаболизм ускоренный..-ляпнул Труми. Слова, которое он произнёс я не знала.

— Чего у тебя? Ме-та-болизм?

— Это что за болезнь такая?

— Чего это, болезнь? Я здоровый..- попятился он, — это из нашего языка слово, значит быстро еду перевариваю и снова становлюсь голодный.

— А ваш язык, он откуда?

Уча языки в детстве, я всегда спрашивала у отца, почему боги оставили каждой расе свой язык, когда поселили нас вместе на Чесмене. Ведь проще было придумать один для всех.

Отец тогда говорил мне, что язык очень сильно отражает культуру и внутренний мир народа. Ведь даже язык магии у рас отличается. Хоть и не так радикально, как разговорный. И, чем больше языков я постигну, тем богаче будет мой собственный внутренний мир.

— Наш язык, — ответил Труми, — пришёл от детей Саота. На нём говорили саламандры.

Несмотря на поздние посиделки, проснулись мы рано. Точнее, меня разбудил Труми. Он, как всегда, был голоден. В небольшом рубленом доме стояла тишина. Только на улице было слышно как колун разбивает сухие поленца.

— Тюк, шлёп, тюк, шлёп.

Я быстренько умылась и привела себя в порядок. Комната для этого оказалась в доме. Хотя и одна. Но зимой в этих местах холодно. И совершать туалет на улице проблематично. Это не дворец, даже не большой городской дом, но и в таком лесном убежище туалетная комната оказалась достаточно пристойной.

Удлинённая, стянутая декоративными обручами кадка для купания из цельного ствола красного дерева бора, явна сделана при помощи магии. Такая работа вручную заняла бы годы. У бора очень твёрдая древесина, а если обработать её маслом колючего ореха, то вода в неё не впитывается. А со временем, она становится плотной, как камень. Но в отличие от каменной ванны, какая стоит в моей купальне, во дворце, гораздо легче. А это имеет значение, при обустройстве небольшого дома. Всё равно, чтоб занести её внутрь, видимо, тоже без дополнительной магии не обошлось.

И остальные предметы быта носили на себе магический отпечаток. Что в изготовлении, что в обслуживании. Бытовое колдовство — это первое, чему учат будущих магов. И свою туалетную комнатку во дворце, я убирала сама. Магией. Хотя, уж там-то хватало рабочих рук. Но заклинания самообслуживания, были первыми, на которых я тренировала, проснувшиеся очень рано, способности. Моя гувернантка тоже была магиня. Слабенькая правда. Но тем не менее она следила, чтоб я могла научиться всему, что сделает меня полностью независимой в плане обслуживания.

Я могла сделать некоторые вещи и вручную. Но, когда у меня стало получаться пользоваться магией в быту, я чаще хитрила и ручную работу подменяла магической. Сначала меня ловили и заставляли переделывать. Но, как только я научилась и шитью, и готовке, и прочим нужным делам, меня перестали ограничивать в магическом совершенствовании. Потому что, если маг не знает как вещи делаются вручную, то и магическим способом, чаще всего выдаёт полную ерунду.

Вы бы видели какое я изготовила печенье, когда мне за какую-то провинность отказали в сладком. Готовить я тогда ещё умела очень немного. А уж к выпечке даже не подступалась. Наш повар Гастуни, был чистым хомо. В его роду не оказалось ни одного смешанного брака. На Чесмене это большая редкость. Но магия огня в нём была очень сильна. А способности к поварскому делу прямо таки династические. Несколько поколений семьи не становились никем другим. Только поварами или кондитерами.

Гастуни был молод, толст и удивительно добр. Он и учил меня, и подкармливал вкусностями. Несмотря на моё пристрастие к шалостям и способность пропадать неизвестно куда из любого положения и от самой глазастой няньки, слуги меня любили. Мои проказы никогда не были злыми. Я всегда признавала свою вину, не сваливая на прислугу. И сама принимала наказания. И никогда не отказывала в просьбах обратиться к отцу за помощью, в каких-то жизненных проблемах наших слуг. Он бы им не отказал. Только эти его затворничества... из них могла его вывести только я.

Лишение Гастуновой выпечки было бы наказанием для любого, а уж для меня,

маленькой лакомки, и подавно. Я ела не много, но вкусняшки обожала. Вот и приложила свои магические ручки-крючки к изготовлению печенья. То, что съесть его не получилось бы и у голодного цверга, ничего не сказать. Он скорее принял бы моё произведение, за поделки их же мастеров по камню. Разве что, с определением материала затруднился. Теперь я могла изготовить вполне съедобную выпечку. Чем и занялась на кухне чужого дома.

Магическая готовка, в правильном исполнении, отличается в основном быстротой получения конечного продукта. Только редкие таланты, класса Гастуни, магией добавляют неповторимую изюминку своим блюдам. О моих можно было сказать только — вполне съедобно.

В общем, когда мужчины-сидхе завершили дела на улице и пришли в дом, на кухне стоял приятный аромат типса и свежей выпечки. А белобрысый обжора подпрыгивал на месте, пока я накрывала на стол.

Даже суровый старик, поглядел на меня помягче, когда получил с холодка горячую чашку в руки и мягонькое печенье, пахнущее тёплым корнем. Эта пряность, очень ароматная, чуть островатая, согревала горло. И даже использовалась при простудах. Поэтому я легко обнаружила её в сушилке.

И всё равно, после завтрака, разгорелся небольшой спор. Магдариель, которому для работы нужен был сизый молочай, никак не мог найти решение головоломки, которое напоминало мне детскую загадку из старинного отцовского учебника. Про волка, козу и капусту.

Животных этих я не знала. Отец только описал мне их. Они водились на нашей прародине. А вот капуста, одно из растений адаптированное из расы хомо, прекрасно существовала на Чесмене. И была любима всеми расами. Даже теми, кто раньше её не знал. Почти каждая раса могла похвастаться каким-то домашним видом, прижившимся на новой земле. У хомо это оказались миндаль, капуста и овёс. Но и некоторые чужие виды, а так же местные, чесменские, могли заменить похожие продукты других народов.

Но, собственно речь не о них. Я говорила о загадке. Так вот, старый мастер никак не мог определиться кого из нас с Труми легче разговорить, не открывая собственных тайн. Как заняться делом, не оставляя нас одних в доме. И как не оставить меня наедине с Лами, явно мечущимся между угрызениями совести и симпатией ко мне. Другие определения его чувств, я не решалась применять. У меня самой комплексов было никак не меньше тех, в которых я ночью, перед плакальщиком, обвиняла Лами.

Только мне было непонятна такая его робость и неуверенность с девушкой. Ведь он гораздо старше меня, красивый, как все сидхе, мужчина и не должен был испытывать недостатка в любовных отношениях. Только я совсем ничего не знала о его жизни. И мне просто необходимо было попытаться любого из родственничков. Мающегося виной Лами, легче.

Поэтому, когда за молочаем был отправлен более молодой и, привыкший к розыску трав, лекарь, я нахально напросилась с ним. Под предлогом жажды новых впечатлений о местах, где он родился и вырос, а я никогда не была. Просьба была естественной и логичной. И не могла вызвать подозрений в какой-то обдуманной хитрости.

А вот Труми я оставила с Магдариелем. Пусть пободаются. Кто из кого вытрясет больше информации, это ещё вопрос на тысячу монет. Мы с сидхе пообещали поискать его местную родню. Это было не такое простое занятие. Хотя плакальщики здесь жили. Но, по большей части, всё таки в довольно диких местах.

Ещё в Трясине, в первые дни нашего знакомства, учась свободно вести долгие беседы не вербально, мы с Труми довольно много рассказали друг другу о себе. Например, я узнала то, что плакальщики одиночки. Живут они очень долго. Некоторые больше тысячи лет. Хотя убить их довольно просто. Защитить себя они могут только мороками и ментальным воздействием. Но не против сильного мага-менталиста. Чем старше особь, тем её магия сильнее. Пар они не создают. Встречая особь противоположного пола в своих скитаниях, знакомятся и остаются друг с другом, до момента подтверждённого зачатия. А дальше, расходятся снова, и малышом занимается исключительно мать. Время, которое они остаются вместе, строго индивидуально и зависит от личной привязанности матери и ребёнка. А она, обычно, очень сильна.

Вчера, когда зашёл разговор о связи с Саотом, Труми открыл ещё кое что. Боги не занимаются созданием растений и животных. Природа с этим прекрасно справляется сама. Боги наделяют некоторые создания природы разумом. И плакальщиков Саот коснулся раньше, чем саламандр. Только их натура одиночек не позволила им стать народом. Единственное время, когда создания Саота собирались вместе, было время Тёмной луны.

Если Светлый бог жил на Чесмене и только время от времени покидал эту землю, по каким-то своим божественным делам, то Тёмный приходил, только с блуждающей луной. И поэтому опоздал к последней битве. Светлый старался обуздать воинственных саламандр. Но для них он не был авторитетом.

Когда же Саот, вместе со своей гулящей луной появлялся дома, его создания приходили к Местам Силы. Саламандры там строили храмы. И плакальщики старались селиться в близости. Чтоб поспевать взглянуть на своего владыку в его редкие моменты появления.

— Значит здесь тоже может быть Храм Саота? Может где-то в глубине этих лесов?

— Может есть, а может нет. Если здесь жили саламандры, то возможно. Плакальщики не строили Храмов. Но преданно любили своего бога и всегда приходили к Местам Силы. Есть там Храм или нет. Поэтому и я знал, где он в Трясине. И здешние точно знают это место. Храм не храм, а источник там есть точно. Только человеку они не скажут. Может только тебе.

И он кивнул на мою руку с колечком.

Вот так я и оказалась в лесу вместе с Лами. В родных местах он изменился. Стал более раскованным. Много объяснял и показывал. Я насмотрелась столько всяких трав и местной мелкой живности. Некоторые из них были такие милашки. Я знала животных Чесмена по картинкам. Но видеть как они себя ведут в живую, что-то совсем другое.

Дикие кудумы здесь тоже водились. Хотя то вкусное копчёное мясо делали из домашних. Их стада пасли в тундре. А дикие в тундру выходили в определённое время. Вот как сейчас, например, весной. Когда оплодотворённые осенью самки, были готовы произвести на свет детёнышей и выкормить их в короткое время весенне-летнего разнотравья.

Хищники уходили за стадами. Поэтому в лесу сейчас было довольно безопасно. Нарваться можно было только на нежить. Или ещё какую-то магическую сущность. У них могли быть совсем другие цели, чем у обычного животного. То стремилось просто насытиться. С нежитью дело обстояло иначе. Обычно, при заселении, местность зачищали от сущностей полностью. Но откуда-то они проникали и в давно заселённые места. Так что маги, в этом смысле, никогда не оставались без работы.

В магических кругах были предположения, что они могут быть созданиями

параллельных реальностей. И, проникали, через разрывы в пространстве-времени. И, если в своём мире, они были из плоти и крови, то в чужих мирах, становились только магическим отпечатком жизни и, чаще всего, агрессивным.

Ищет нежить — возможности захватить разумное тело. Обретая физический облик, подавляет и извращает разум, пользуясь опытом и интеллектом живого существа, часто превращается в хищника, поедающего плоть себе подобных или упырём, сосущим кровь.

Есть ещё одна разновидность нежити. Она использует пойманного как инкубатор. Откладывая в него мяги или куколки будущей нелюди. Относительно разумных, но безусловно хищных созданий.

Вот на мяги мы и наткнулись, разыскивая молочай у пещерки в каменистом холме, поросшем кустарником и редкими деревьями. Пещеру я заметила не сразу. Её вход зарос лианами с мелкой завязью каких-то ягод. Вокруг некоторых ещё оставались увядающие лепестки цветков. Подойдя рассмотреть, я и увидела широкую трещину между валунов. Из темноты раздавался тихий гул.

Я подумала о лесных пчёлах. Из нектара диких растений обычно получается очень целебный мёд. Но эти пчёлы были крупными и очень опасными. Поэтому я жестом позвала к себе Лами.

Сидхе прислушался к звукам и нахмурился.

— Этот звук не похож на гудение роя. Там темно. Но посмотреть всё равно стоит. Только магического огня зажигать нельзя. От агрессии пчёл не поможет, а магическая бестия, сразу почувствует ману и нападёт.

Сидхе отвёл меня от пещеры и заставил собрать несколько охапок хвороста-сушняка и аккуратно разложить у входа в расселину. Потом приготовил большие факелы, намотав сухие нити древесного мха на обломки толстых сучьев и высек на них огонь.

Прижимаясь к стенкам быстро расширяющегося входа, мы осторожно осветили каменный грот. Лами, упреждающим жестом, держал меня на пару шагов за собой. Я же старалась не перекрывать ему путь к отступлению.

— Мало ли что может быть в темноте!

Только то, что я увидела, мне будет сниться в кошмарах. До конца жизни.

Под потолком пещеры, на чём-то очень похожем на паутину, раскачивался человеческий труп. Точнее сказать, то, что когда-то это был человек, сидхе, можно было поверить с трудом. Раздутое тело давно разорвало одежду. Ключья, когда-то ладного охотничьего костюма, висели на остатках плоти. Что странно, никакого трупного запаха! Скорее лёгкий, действительно похожий на медовый, аромат. Но растянувшаяся кожа, истончённая почти до прозрачности, показывала какое-то шевеление внутри. И этот тихий гул. И равномерное раскачивание...

Крикнуть сидхе не успел. Только судорожно махнул в сторону выхода. И в этот момент кокон взорвался.

— Мияги! — заорал сидхе? и лицо его перекосилось от отвращения.

Не сговариваясь, мы бросились наружу. В глазах стояло мерзкое зрелище. Шебуршащийся коврик, плотно сбившихся маленьких тел, похожих на недоношенных младенчиков без рук и ног, с едва оформившимися рудиментарными конечностями, шустро ползущие за нами по каменному крошеву пола. Глаза блеклые, слепые, шевелящиеся носики, и жадное чавканье, совсем даже не беззубых ртов. Кровавая слизь, остающаяся на полу.

Выскочив из пещеры, сидхе придал мне ускорения, толчком в спину. Ногой сдвинул к входу в расселину хворост и сунул туда факел. Огонь вспыхнул и взревел. Я почувствовала как Лами добавил огню сил, плеснув в него ману. Но, видимо, он не привык к нашей увеличившейся мощи, которая, к слову, не пропала после того, как мы покинули Трясину. Разве только стала чуть менее острой.

Пламя рванулось вверх и подожгло кустарник на холме. Я, отбежав в сторону, приостановилась, надеясь всё же, что моя помощь мужчине не понадобится. Но лесной пожар в наши планы не входил и я, не заставляя сидхе испытывать боль, резко меняя стихию магии, сама потушила загоревшийся сухостой, пока огонь не пополз по лесной подстилке.

В пещере, наполнившейся густым дымом, нарастал визг, переходящий в вой. Сидхе схватил меня за руку и повлёк от пещеры. Мы бежали, пока я не стала задыхаться. Дорогу преградила большая проталина, наполненная ледяной водой. Лами легко подхватил меня на руки и поднимая тучи брызг, впивавшихся в кожу холодом, перебежал на другую сторону и только там бережно опустил меня на землю. Меня трясло и по телу пробегали судорожные рвотные позывы.

Мужчина осторожно обхватил меня руками и прижал к себе. Я втиснулась лицом в его грудь, привычно пахнущую травами и кожей и, чувствуя его крепкое объятие, тяжёлое дыхание и жар, исходящий от тела, стала успокаиваться. Ещё чуть такой идиллии и в моей голове зашевелились совсем другие мысли.

Тело расслабилось и я, непроизвольно, чуть теснее обхватила Лами и потёрлась щекой о его рубашу. Она была чуть влажной. Запах мужчины от быстрого бега стал чуть острее и я судорожно вдохнула его. Он наклонился и прикоснулся губами к волосам на макушке. Я застыла, но не отстранилась, и сидхе, как будто получив разрешение, опустил руку мне на затылок и нежно прошёлся по волосам сплетённым в косу, до самого её конца, на ладонь ниже поясницы, не прикасаясь к телу. Потом, как будто решившись на что-то, обнял моё лицо ладонями и приподнял. Я закрыла глаза, чтоб не увидеть в его лиловых глазах чего-нибудь такого, что испугает или смутит меня и почувствовала прикосновение к губам.

Первое, едва ощутимое, оно было мягким и просительным. Потом лёгкий вдох и его губы требовательнее попробовали меня на вкус. Не видя сопротивления, он сделал поцелуй глубже и, проникая вовнутрь, чуть застонал и, запрокинув моё лицо вверх, пил меня, как жаждущий воду. Поцелуй был сладким. Таким сладким, что я задрожала в его руках и сама потянулась навстречу, чтоб у него не появилось желания прервать эту сладость, которая стекала вниз по телу, оставляя томление и ноющую боль в груди, животе, ногах.

Я прижалась к нему бёдрами и он, не давая мне отстраниться, одной рукой придержал мою голову, обхватив крепкой ладонью шею, а другой мягко и настойчиво опустил по позвоночнику, ещё сильнее притиснув мои бёдра к себе, и я почувствовала как дрогнула и

сильно напряглась его плоть.

В этот момент мне стало страшно. Сейчас я должна буду, или довериться этому мужчине полностью или остановить его, пока всё не зашло слишком далеко. Для полного доверия оснований у меня не было. Он лгал мне. И, прежде чем показать свои чувства, даже не попытался оправдаться или объяснить. Я окаменела. Он, мгновенно почувствовал перемену во мне и с трудом отстранился.

Я опустила глаза и отступила на шаг.

Он молчал и я тоже. Потом положил мне одну руку на плечо, а второй приподнял голову за подбородок и заглянул в глаза. Я прямо посмотрела на него и он не выдержал прямого взгляда. Я вывернулась из его рук и, повернувшись к нему спиной, хотела уйти.

— Ли, — позвал он, — не уходи... пожалуйста. Я хочу сказать тебе кое-что. Это может тебе не понравиться, но я должен.

Я остановилась. Уходить совсем не хотелось. И не только потому, что меня беспокоила его тайна. У меня не было желания снова пережить разочарование. Этот мужчина был нежным. Моё тело тянулось к нему. А теперь душа хотела получить право на доверие.

Он подошёл ко мне сзади. Взял за плечи и прижался с такой страстью, что я испугалась. Сейчас всё продолжится и я уже не смогу остановиться. Но он сам прервал объятие и повернув меня к себе, как ребёнка поднял под мышки и усадил на поваленное дерево, упирающееся на обломанные толстые ветви кроны.

Я сидела на такой высоте, что моё лицо оказалось точно на уровне его лица. Глаза в глаза. Он осторожно положил руки на мои сжатые коленки и прислонился к ним животом.

— В первый раз я увидел тебя в Ковене, — начал он, — и твоё лицо поразило меня не только своей необычностью, но и детской незащищённостью, которую ты так безуспешно пыталась скрыть за холодностью и отстранённостью. Тогда я хотел только увидеть ту, предсказание о которой явилось моему деду. Наверное, я должен сначала сказать тебе о том, почему он стал проводить этот, опасный для его возраста, ритуал.

Мои родители погибли тогда, когда тебя ещё не было на свете. Это было двадцать лет назад. Нас троих, меня, брата и сестру взял к себе дед. Этот год был странным. Весна пришла очень рано. Шли тёплые дожди и урожай зерна был огромным. Фермеры радовались такому счастливому году. Но дальше произошло страшное. Обмолоченное зерно засыпали в амбары, а солому сложили в огромные стога, радуясь, что даже если следующая зима окажется суровой и долгой, будет много корма для стад кудумов.

Только мы не догадывались, что этот изобильный год, изобилует не только для нас, но и для миллионов расплодившихся в стогах грызунов. Тогда они лавиной полезли на фермы, заполняя амбары, покрывая шевелящейся массой домашнюю скотину, выгрызая в их телах раны по живому телу, от чего животные бесились и, разнося деревянные перегородки, бились о стены.

Фермеры бросились спасать скот, распахивая двери сараев и выпуская бедную животину в тундру. Но оттуда живым ковром вытекали мириады маленьких тел. Иногда слой грызунов покрывал ноги до середины икр. Отец и мама посадили нас на вожака кудумов и направили стадо в сторону дома деда. Видно, тогда они тоже получили укусы.

Вообще сидхе живут очень долго и болеют редко. Особенно заразными болезнями. Но в этот раз болезнь была особенной, заболело очень много людей. А, так как наша раса почти не болела, лекарей у нас не много. Наши люди очень выносливые. Даже женщины, рожая дитя в одиночку в тундре, омывают его в снегу и забросив за тунику, к телу, идут на лыжах к

своей ферме за несколько десятков километров.

Эпидемия застала нас врасплох. Некому было лечить и ухаживать за больными. Мама была не такой сильной. Она всё же наполовину хомо. Ну, а отец, он задержался дольше, но оставшись совершенно один, видно, просто перестал бороться и ушёл вслед за мамой.

Дед учил меня и брата своему ремеслу. Но случившееся отразилось на нас обоих. Я захотел стать лекарем, а брат стал послушником в храме Саота, а потом и жрецом. Он выбрал Тёмного, потому что, как обычно на Чесмене, всё самое плохое случается в годы Тёмной луны, Жестокие годы. Эпидемия не стала исключением из правила.

Как я сейчас понимаю, после нашего посещения истинного места силы Тёмного бога, храмы Саота, которые строят наши жрецы, никакой связи с ним не имеют. Метаморфы и лилу, большая часть которых являются его поклонниками, не понимают сути этого бога. Но очень многие из жрецов Саота, стремятся быть рядом с Артефактом. Они считают Саота властным и жестоким богом.

В здании Веледа, построенном ещё Предтечами, хранится множество древних знаний. А знания это власть. И сам Велед имеет влияние на судьбу королевской семьи. Брат попал туда, будучи истово верящим, и, как и я, в своей области, старался добиться наибольшего. Он верил, что сможет повлиять на то, чтоб события, подобные тем, которые привели к гибели наших родителей, не повторились. Ведь и я для этого же старался стать лучшим из наших лекарей. И не только наших. Я учился у врачей всех рас Чесмена. И закончил курс в Ковене, за несколько лет до того, как ты поступила туда.

Из всех детей, я старший. И, на момент гибели родителей, мне было почти шестнадцать. Для вас это почти совершеннолетие, а для сидхе, я был ещё совсем ребёнком. Но мне пришлось повзрослеть до срока. Я много времени отдавал учёбе, но, чтоб между нами не оставалось недосказанного, скажу, что женщины у меня были. На меня обращали внимание. Сидхе привлекательны, почти для всех рас Чесмена. Кроме, разве что, цвергов. В Ковене девушки ходили за мной толпами. Но ни одна не затронула моего сердца. Даже не отвлекла меня достаточно надолго от моего увлечения лекарским искусством.

Я помотала головой, желая сказать, что у меня нет никакого права ни на его внимание, ни, тем более, на его верность, ведь он ещё ничего не обещал мне. Но сидхе прижал ледяную руку к моим губам и не дал мне произнести ни слова.

— Я ещё не закончил, — вздохнул он, — в год предписанного сватовства твоего отца, я был в районе Веледа со своими изысканиями и решил провести брата. Он вышел ко мне на пару минут. Общение с кем либо, даже с роднёй, у служителей Веледа не поощряется. Брат был рад увидеть меня. Мы ведь были очень близки. Все трое. Дед всегда был строг и суров. И мы находили нежность и утешение друг в друге. Наша сестра, а она младше нас обоих, была совсем малышкой, когда погибли родители. Ей было чуть больше двух. Радость брата заключалась не только во встрече со мной.

Я понял это тогда, когда он обнимая меня на прощанье, тихо прошептал: "Я не должен говорить этого, потому что нельзя разглашать решения Веледа, пока оно не объявлено официально. Но я хочу порадовать тебя. Наша Лантаниель станет королевой. Велед избрал её. Наша кровь должна соединиться с кровью избранной семьи королевского дома хомо."

Когда результат был объявлен официально, я очень удивился. Потому что королевой называли дочь главного жреца Веледа. Сначала я думал, что он просто ошибся. И обрадовался, что сказал об откровениях брата только деду. Я не знал как отнесётся к династическому браку сестра. Рада ли она будет выйти за вдовца с ребёнком... Девушкой, чуть помладше её

самой. И поэтому сказал об этом тому, кто воспитывал нас. Более умудрённому опытом. Тому, кто имел любовь и счастливую семью. Мои короткие связи с женщинами давали мне опыт в запросах тела, но в вопросах любви, я, пожалуй, так же неопытен, как и ты.

Я потупилась и покраснела. А потом мои мысли вернулись к тому, что он сказал о своей сестре и моём отце.

— И, что же, ты выяснил у брата? Это была ошибка? — нетерпеливо спросила я.

— Через неделю после свадьбы твоего отца, нам сообщили, что мой брат Кирениэль умер от неизвестной болезни. Сгорел за один день. И похоронен в Храмовой часовне. Как все жрецы Веледа. Я не могу даже убедиться в причине его смерти.

И тогда дед решил провести ритуал прорицания. Но, из-за его возраста, результат вышел коротким и не слишком ясным. Мне только было сказано, что в определённый день, я должен отправиться за тобой. Проследить от самого Ковена. И присоединится к тебе тогда, когда нужда в моей помощи будет наиболее актуальна. Только тогда Судьба, предсказанная Веледом, осуществится и кровь наших семей объединится, а те, кто виновны в преступном сговоре и смерти моего брата будут наказаны.

Только это произойдёт, через какое-то время, после рождения королевского наследника. А вот срок зависит от моих поступков. Только какими они должны быть я не знаю. Предсказание прервалось и дед едва не погиб. Так что, любое моё слово может изменить судьбу. Поэтому я молчал. Но ты... Я не знаю, сможешь ли ты почувствовать ко мне то же, что и я. Но я не хочу, чтоб между нами осталось что-то, что может этому помешать. Мой дед, он был против, чтоб я говорил что-нибудь тебе, хотя бы до рождения наследника. Но сейчас я понял, что не смогу потерять то, что только зарождается между нами из-за собственной глупости и лжи.

Я посмотрела ему прямо в лицо. Теперь он не отвёл взгляда. Искры блестели в его аметистовых глазах. Полуоткрытые губы чуть подрагивали. Я наклонилась и поцеловала уголок его рта. Облизнула пересохшие губы. И сцепила на затылке ладошки. Лёгкие светлые волосы рассыпались по моим рукам и щекотали кожу, шевелясь от лёгкого ветерка. Золотистые кончики ресниц поблёскивали на солнце.

— Ну, чтож, давай попробуем. Только не торопись, пожалуйста. Раз уж мы оба такие неумёхи в любви.

И потянулась к нему губами. Он сильнее прижался к моим коленям твёрдым животом. Лицо его изменилось. Глаза, как будто ещё больше пошли трещинками. Рука опустилась вниз, туда, где к поясу был прикреплён широкий нож.

— Биргеннен, — прошипел он и сбросил меня со ствола дерева себе под ноги.

Свалившись с лесины вниз, я извернулась и глянула назад. С тихим ворчанием, в шагах двадцати, сжалась в комок для нападения большая тварь. Чуть похожая на бурую, с едва проступающими пятнами, кошку. Только вдоль хребта, от точки между глаз и до кончика хвоста, шел низкий костяной гребень. Чудовище скалило длинные клыки, чуть не с половину ножа сидхе длиной.

А нож его, уже был зажат в руке. И Лами, и зверь, оба сжатые как тугие пружины, пытались выдержать предварительную войну взглядов. Наконец биргиннен, так, кажется, сидхе назвал зверя, принял вызов и взлетел в длинном прыжке.

Хищник явно был голоден. Я видела как, перед нападением, он хлестал хвостом по впалым бокам. Может он стар и не может поймать молоденького кудума, которых в тундре сейчас тысячи? Лесные звери не становятся людоедами при таком обилии дичи..

Но стар он или нет, а огромные лапы, вытянутые в прыжке, с выпущенными острыми когтями, да не маленькие зубищи... Моему сидхе не поздоровится. За те мгновенья, пока громадное тело, которое в холке достало бы мне до бедра, долетело до Лами и получило удар от, резко выброшенного вперед, ножа, я тоже не валялась, скованная страхом.

Небольшой охотничий арбалет уже был у меня в руках и я устанавливала в ложе болт, приправленный перчиком в виде чистой маны. К несчастью, нож, глубоко вошедший в тело биргиннена, застрял, и Лами, сбитый с ног ударом мощного тела, полетел на землю вместе с ним. Одну руку он так и не снял с рукоятки ножа, усиливая боль, от впившегося в плечевую кость, железа, а другой вцепился под подбородок зверя, не давая страшным клыкам приблизиться к своему телу.

Я видела, что одна из задних ног зверя, пропахала когтями от низа живота рядом с пахом по передней поверхности бедра сидхе. Штанина сразу покраснела. Я испугалась так, что побелела. Только бы он не порвал бедренную жилу! Заговорить кровь, в принципе, может даже деревенская пигалица, у которой магии с мелкий шиш. Заклинание простейшее, и учат ему одним из первых, наряду с бытовой магией.

Кому из нас не приходится пораниться так или иначе? Но вот порви тварь крупную кровяную жилу, и даже я, будучи рядом, могу не успеть. Истечёт мой защитник кровью. Поэтому, не долго думая я кинулась прямо к дерущимся и с близкого расстояния всадила болт прямо в затылок кошаку.

Почувствовав, что сопротивление уменьшилось, сидхе сразу постарался отбросить от себя зверя, чтоб не добавилось новых ран от конвульсивных движений мощных задних конечностей. А я уже присела рядом и быстро резала уже и так разодранную штанину, всё больше напитывающуюся кровью. Рванув нижние полотняные штаны с громким треском растягивая тонкую ткань в стороны, я опустила ладони на рану, стараясь накрыть самую глубокую её часть на коже и зашептала заговор.

— Руда стой, как лёд стоит, так из раны кровь не бежит.

Заговор был и не очень нужен, чистая магия справилась бы и сама, но такие старые, как мир, наивные слова, почему-то ускоряли действие. Правда от волнения я забыла, что и Лами искупался в источнике Саота и через пару секунд я держала ладошки у самого паха мужчины, на практически сросшейся ране.

Она затянулась быстрее, чем он перестал чувствовать боль. И теперь, ещё чуть морщась

от остаточных её отзвуков, он уже почти улыбался.

— Я согласен ещё на несколько ран, — тихо сказал он, — только руки не отпускай.

Моё лицо вспыхнуло. Я чувствовала ладонями его кожу совсем рядом с тем местом... Обнажённая нога с высокими голенью и бедром, и мускулистый живот полностью оголённый из-за разорванных до завязки нижних полотняных штанов. Я быстро убрала руки и, как нашкодивший ребёнок, спрятала их за спину. Отчего видно стало ещё больше открытого тела. Я таращилась и заливалась краской до корней волос.

— Какой дурак дразнил меня рыбой? Вот посмотрел бы он сейчас, как резко скрутил меня спазм внизу живота, от одного вида обнажённого мужского тела. Господи, о чём я думаю? Вместо того, чтоб о ране... которой, впрочем, не осталось и следа..

Сидхе забавляла моя растерянность. Но пользоваться ей он не стал. Быстро опёрся на руку и сел, притянув меня за плечи. Я, стоя у его бедра на коленках, задрожала от его короткого объятья. А он уже заглядывал мне в глаза и убирал всё время падающую на лицо, выбившуюся из косы прядь.

— Испугалась? — спросил он, целуя мои мокрые от слёз щёки.

— Когда это я успела расплакаться?

Через пару минут, Лами заботливо поднял меня с холодной земли и мы оба подошли посмотреть на нежданную добычу. Взять с него особо было и нечего. Разве только клыки да когти. Шкура уже начала линять и зимний густой подшёрсток оставался в руках клочьями. Мясо биргиннена отдавало горечью. Так что трофей нас не слишком отяжелил. Мы обнаружили, что довело зверя до нападения на человека. В передней подушечке торчала огромная заноза, которая сильно нагноилась. Так что догнать резвых малышей кудума было зверю не по силам. А взрослый, если и бегать от него не станет, мог и рогами достать так, что мало не покажется.

Штанину мы перевязали, просто, чтоб не мешала ходить. Перевязочный материал, да и всё нужное, чтоб обработать рану, берёт в лес любой охотник, а Лами ещё и лекарь. Мы охотится не собирались. Но лес есть лес. Ведь собратся поохотится всегда может и кто-то другой. Да и простая случайность не исключена. Шёл, упал, ногу пропорол, или сломал, того хуже.

На молочай наткнулись уже на обратном пути. Мы сделали крюк, вокруг жилища мастера. Ещё один каменистый холм, почти ничем не отличающийся от того, где в пещере мы обнаружили кокон куколок, порадовал нас пологим солнечным склоном, заросшим целыми колониями молочая.

Мы разошлись выкапывать корни. Лами только предупредил, чтоб я взяла палку и время от времени постукивала по камням погромче. На таких осыпях любят греться змеи. А почувствовав удары о камень, они просто уползут с дороги. А ещё сказал, поберечься от млечного сока. Он не сильно, но ядовит. Не зная моей реакции на незнакомый яд, сидхе предупредил, что от попадания его на кожу, могут быть неприятные последствия. Вплоть до потери сознания.

Седых кустиков с толстым оранжевым корнем, глубоко уходящим в землю, мы накопили целую охапку. Сидхе сам обернул их тонкой кожей и сунул в отдельный, специально приготовленный для них, мешок.

По дороге домой, я как малыш-кудумчик убегала вперёд, подпрыгивала и кружилась под порывами ветра, колышущего волны разноцветных цветов, тянувшихся по равнине от опушки леса до самого горизонта. Я была счастлива. Только целоваться с Лами боялась. Боялась, что

не смогу остановиться и произойдёт то, к чему я ещё не была готова.

Пару раз он пытался, будто играя, догнать меня. И даже один раз повалил в тихо шелестящие заросли малиновых цветов, которые качались и лезли ко мне в лицо своими пахучими чашечками. И даже попытался, прижав к земле, поцеловать. Но я вывернулась и унеслась вперёд, как будто у меня за спиной выросли маленькие весёлые вигоньи крылышки.

Лами смотрел мне вслед и вздыхал. Может вспоминал мою просьбу, не торопить события..

Дома нас встретили, сильно недовольные друг другом, Магдариель и Труми. Плакальщик умудрился проредить и наши запасы, и запасы старого мастера. Задурить ему голову пустыми разговорами. Но и у него ничего не выпросил. Теперь за съеденные до последнего свежие яйца домашней птицы, плакальщик был усажен отрабатывать, растирая комочки серы в ступке из твёрдого красного дерева, таким же чуть более тёмным пестом.

Выглядело это красиво. Ярко жёлтая сера в глубокой густо-красной чаше. Только Труми от работы совсем не выглядел счастливым. Завидев нас, он вскочил, чуть не перевернув ступку. Получив вслед гневную тираду от старого мастера, бросился было совать нос в сумки, но заметив окровавленную штанину Лами, встревоженно затрепал. Магдариель тоже взволнованно бросился к внуку.

Так что, пришлось, отставив все дела, рассказывать о наших сегодняшних приключениях. Конечно, наши поцелуи в версию для деда не входили. Но Труми выковырял из моих воспоминаний все пикантные подробности. Решать за Лами, что он расскажет деду о собственных откровениях, я тоже не стала. Пусть они поговорят об этом сами. А мне, если будет совсем не вмоготу от любопытства, поможет колечко Саота. Подслушивать, конечно нехорошо. Но и обманывать не лучше. Вот, если пойму, что сидхе сказали мне всё... тогда и посмотрим.

Я ушла к себе рано. Сразу после того, как Магдариель, позвав с собой внука, отправился в мастерскую.

— Теперь, — заявил он, — у меня есть всё для того, чтоб начать работу над доспехом. И чудесно, что Лами сможет мне помочь. Вместе мы справимся быстрее.

Перед самым домом, возвращаясь из леса, я попросила сидхе познакомить меня с с его сестрой. Мне было интересно, кто она, та, что должна была стать моей мачехой, по справедливому выбору Веледа.

Предсказание Магдариеля было неясным. И, в свете того, что мне очень нравился Лами, мне хотелось понимать справедливое завершение пророчества немного иначе, чем рассчитывали дед и внук после его оглашения. Ведь там говорилось только о том, что кровь наших семей объединится.

Как бы не добилась своего положения мачеха, но они с отцом уже семья. И братик вот-вот родится. Так может предсказано было то, что нам с Лами суждено соединить кровь наших семей? И этим восстановить справедливость в глазах Веледа.

А сестра сидхе, судя по его словам, ещё совсем молода, а для их расы тем более. Не факт, что для неё так уж важно было сделаться королевой. И была бы она счастлива с папой? Но узнать её мне всё равно хотелось. А что, если она станет моей родственницей через Лами? Вот родится брат, как предупреждало пророчество, он и станет наследным принцем, а я смогу выбрать в любимые его — моего сидхе. Того, кого, кажется, уже начинаю любить. И привыкаю называть своим.

— Ведь это так бывает? Моё тело его не отвергает. Его поцелуи волнуют меня. Он заботлив, нежен, защищает меня. И очень, очень красив. И, кажется, тоже любит. Нужно ли что-то ещё, чтоб быть счастливой с этим мужчиной?

Интересно, — вдруг подумала я, — он признался деду, что открыл мне правду? Я понимаю, что дед заменил ему родителей, но всё же, он слишком сильно зависит от его мнения. Я ведь тоже люблю папу. Но позволить ему управлять своей жизнью не могу. Конечно, если всё повернётся так, что династический брак станет неизбежным, то только судьба всего государства сможет заставить меня выполнить долг. Но не отец. Хотя я и в этом случае ещё поборюсь.

Вон, жрецы Артефакта обманули Веледа и подсунули папе другую невесту. Если, конечно, сидхе правы, и всё это не цепочка ошибок и случайностей. Но они поженились. И ничего не случилось. Так может пора изменить эту глупую традицию?

Наступила ночь. А в мастерской всё ещё шла работа. Я видела искривлённый четырёхугольник света на земле, глядя из своего окошка наверху. Плотно поужинавший Труми, снова крепко спал. Ужин я готовила сама. И отнесла мужчинам поесть в мастерскую.

Меня туда не пригласили. Что ж, каждый мастер имеет право на профессиональные секреты. Я не возразила. Хотя Лами и бросал на меня виноватые взгляды. Наверное, ему хотелось, чтоб суровый старик был ко мне помягче. Что сказать. От него это тоже зависит. Интересно, он хотя бы защищает меня перед старым ворчуном? И я, смущённо улыбаясь, закусила губу и повертела на пальце колечко.

Ещё несколько минут, и я, крадучись, подбиралась к интересующему меня, помещению. Тишина, стоящая в доме, давала возможность свободно слышать все звуки, исходящие из

самой большой комнаты в доме. Она располагалась в левом крыле и далеко выступала за надстройку второго этажа.

Когда я приносила туда ужин, то разглядела в ней несколько больших ёмкостей из тёмного камня. Видно, в них замачивают кожи в разных растворах. Конечно, далеко не все из них требуют такой специфической обработки, как кожа саламандры. Но и обычному кожаному доспеху нужна немалая обработка.

Там и дубление, и пропитка желатином, и склейка в несколько слоёв. Всё это от простого оружия. А уж поверху магия, от зачарованного. Вообще, правильно намагиченный кожаный доспех, лучше всего защищает от нежити. Может только сказочный мифрил лучше. Только мне такие доспехи не попадались. А в обычных железках намаешься.

Притаившись за пузатым комодом, в котором вряд ли хранились какие-то вещи, ведь, нечего им делать у дверей мастерской, я наострила ушки. Кажется, я снова начинаю привыкать к подслушиванию.

— Лей, — услышала я, — так, чтоб покрыло всю кожу целиком.

Что-то полилось, потом звякнуло.

— Это последняя промывка и заливаем состав на сутки. Погоди, пусть полежит чуток, потом я помешаю и сольём, — командовал Магдариель.

Слушать пока было малоинтересно. Я вздохнула. Мне было стыдно за своё любопытство. Какое-то время раздавалось тихое хлюпанье и никаких разговоров. Я уже собралась вернуться в спальню. Наверное, они уже успели поговорить обо всём. И тут я услышала как отодвинулся стул и раздалось кряхтение старого мастера. Потом послышался голос Лами.

— Посиди, дед, ты устал за сегодня. Полдня провозились. Не думал, что эта проклятая кожа требует столько работы.

— Когда я делал доспех для её отца, ты был слишком мал, чтоб мне помогать.

— Ты делал доспех для её отца? И знал его лично? А почему ты мне ничего не сказал?

— А что это меняет? Я и тогда был лучшим мастером среди северного клана. Тогда он был молоденьким, чуть старше, чем она сейчас. И ещё не женат. Был весь поглощён своей "великой целью".. Наивный, как все юные.

— Как жалко, что я таким своего папу не знала, — пронеслось в моей голове.

— Красавчик был, наверное, и сейчас не хуже. Может и лучше. Из птенца стал мужчиной. Лантаниель бы понравился точно. И королевой наша девочка была бы хорошей. Вот только Жрецы Артефакта отобрали у неё этот шанс. И мальчика нашего забрали. Ему бы ещё жить и жить. Всегда был против его выбора. Этот Тёмный бог, мог бы защитить своего жреца. Так уж он в него верил..

— Дед, я же говорил тебе что думаю. Нынешние жрецы Саота не имеют никакой связи с ним. Одна болтовня без понятия. В тех местах, где мы обнаружили родники, места силы богов. Там, мне кажется, и вправду человек может достучаться до них со своими проблемами. Только решать их, я думаю, он всё равно должен сам. Если ты посвящаешь себя богу, это значит только то, что ты поддерживаешь его виденье мира. И он даст тебе поддержку сам, без всяких просьб, если твоих сил не достаточно для того, чтоб воплотить в жизнь его планы.

Боги знают о мире больше, чем мы. Потому и не стоит роптать, если нам не всегда понятны выкрутасы наших судеб.

— Знаешь, Лами, твоя девчонка скорее поспорит с богом, чем ты. Может поэтому он ей

благоволит. Уж больно старческое какое-то у тебя смирение. А вот захочет он у тебя её отобрать, для исполнения каких-то своих планов... Тоже роптать не станешь?

— Не трави душу, дед. Когда я вижу это кольцо на её руке, у меня сердце переворачивается. Я хотел бы, чтоб там было моё.

— Ревнуешь? К богу? — насмешливо спросил Магдариель.

— Может и ревную. А ещё боюсь, что те, кто провернул эту идею с подменой воли Веледа, слишком рвётся к власти, чтоб моя девочка могла чувствовать себя в безопасности.

— Я, его девочка, — в моей душе шевельнулась тёплая волна.

— Ну, пока-то они добились своего. Протолкнули свою девку поближе к власти. Теперь ждут появления наследника. Появись он и дело сделано. Отец её ещё молод, вполне сможет, под чутким влиянием жёнушки, дожждаться передачи власти сыну. Без скандалов и потрясений. А женщина, если она не глупа, всегда от мужика своего добьётся. На то она и шея, чтоб голову вертеть.

А не управится, так не только твой брат заболеть может. И станет доченька главного жреца регентшей при наследнике. Только это большую бурю спровоцировать может. Если принцесса Лиира в политику не суётся, то это не значит, что её не станут толкать на трон, в случае безвременной смерти короля, какая-нибудь из политических групп, стоявших за ним. За королевой маячат жрецы и, что-то мне говорит, что и она сейчас не бездействует во дворце. Наверняка вербует сторонников. Но, до рождения принца, я не жду от заговорщиков никаких действий. Ничего твоей Лиире не угрожает, пока всё идёт по их планам.

— Просто боюсь не уберечь её. Они ведь, наверняка, следили за ней и в Ковене. И мальчишка сидхе, если и действовал не по своей воле, то послужил слепым орудием для кого-то другого, кто хотел подпортить репутацию принцессы. Я думаю они потеряли её, когда она так неожиданно сбежала в ту ночь после бала. И не успели связаться с кем-нибудь, кто мог бы проследить куда она направилась.

Хотя своими насмешками и подначками её умело направляли на этот необдуманный поход в Трясину. Их планы, вполне возможно, предполагали, что она сама благополучно отправится к богам. Считали её слишком неопытным воином. И магом.

Только, видно, их шпионы, её соученички, слишком любили поспать. А она ещё до зари ежедневно тренировалась на плацу. И изучала магию, пока они шлялись с метаморфами по кабакам.

Вот тут краска стыда прилила к моим щекам. Я вспомнила и кабака, и собственную встречу с метаморфом, а так же то, что постыдно расслабилась рядом с Лами. Ударилась в недоступную прежде романтику и забросила ежедневные тренировки. Так нравилось чувствовать себя чьей-то девочкой... Нет, это как раз надо исправить.

Отец учил меня всем тонкостям боя на мечах. Он говорил, что, хотя у меня, элементарно, не хватит мышечной силы противостоять прямому удару меча против мужчины-воина, но знание техники и мои природные женские качества — гибкость, ловкость, быстрота реакции не только тела, но и мозга, помогут мне предугадать направление ударов, уходить от них и вовремя определять момент, когда мой собственный удар достигнет цели.

Человек существо хрупкое, против железа. И нужно совсем немного, чтоб лишить его жизни. Особенно, если это не маг, а простой воин, а у тебя есть ещё и несколько ускоренных плетений, всегда висящих в заготовке на кончиках пальцев. Вот с нежитью сражаться хитрости побольше. Хотя, если в Ковене не чепухой заниматься, а повадки всяких тварей

изучать, так чтоб знания от зубов отскакивали, так и простыми средствами, без всякой магии, порой, справиться можно.

Этому, кстати, я и стала свидетельницей, когда мы с Лами наткнулись на миазмы. Он, видно, предполагал с чем мы можем встретиться в пещере. И подготовился заранее. Сунься я туда одна, трудно угадать как завершилось бы это приключение. Хотя что-то о куколках я читала сама, в Ковене мы ещё этого не проходили. Но, на практике, это зрелище настолько неожиданно отвратительное, что незнающего человека могло ввести в ступор.

И ещё, хоть мы и не обсуждали этого с Лами, я, как хороший менталист, подспудно почувствовала гипнотическое воздействие от того гула и мерного покачивания, готового разорваться кокона. Видно, миазмы, таким образом, по возможности, отвлекают или, возможно, даже завораживают и обездвиживают жертву, которая послужит первой добычей для вылупившихся личинок.

Тут ведь происходит ещё одна нетипичная вещь. Пожирая плоть кокона, куколки бестелесной нежити обретают физическое тело и превращаются в нелюдь. Пусть не слишком умную, но зачатки разума в них присутствуют.

Задумавшись об этом, я чуть не пропустила момент, когда Лами, который, очевидно, не прерывая разговора, продолжал манипуляции с кожей, пока дед отдыхал и контролировал процесс, закончил этот этап обработки. И, вздохнув, тоже довольно устало, предложил деду закончить на сегодня. Не знаю от чего он устал, от работы или от волнения за мою шкурку, но засобирались они быстро, и я едва успела оставить свой укромный уголок.

Кольцо я повернула перед дверью и обрадовалась, что не сделала этого в комнате, как хотела раньше. Потому что Труми не спал. Он возмущённо возрился на меня, быстренько закопошившись со своими нетерпеливыми вопросами у меня в голове, и нытьём, почему я не взяла его с собой и он из-за этого пропускает всегда всё самое интересное.

— Мог бы и сам узнать хоть что-нибудь у старика, пока нас тут не было. Вместо того, чтоб раздражать его, обжираясь яйцами.

— Узнаешь у него, как же. В его голове мне не порыться. Чую я у него та же защита, что и у твоего любовничка. Наверное сам дед и ставил.

— Никакой он мне не любовничек, — возмутилась я, краснея от стыда и злости на беспардонного белобрысого нелюдя, будешь говорить гадости, закроюсь от тебя тоже. И жди тогда, пока я твой язык выучу.

Я и вправду не оставила этой идеи. И в те моменты, когда у нас появлялось время, я занималась с Труми. Да и у Лами спрашивала в лесу, как называются те или иные предметы на языке малыша.

Когда он спросил меня зачем мне это, я не стала скрывать от него, что выяснила такую интересную и полезную вещь, как то, что язык у плакальчиков и саламандр один и тот же. Сидхе с интересом глянул на меня, но, поскольку я ничего больше уточнять не стала, то любопытствовать у меня, как мне удалось это выяснить, тоже не попытался. Боялся, что узнала это не у Труми, а у самого владыки саламандр?

После того, как я вечером продемонстрировала ему найденный чёрный алмаз, обнаружить который, на таком расстоянии от Цверговых гор, было и так неслыханной удачей, а утром проснулась уже окольцованной, сидхе, видно подозревал, что я постоянно общаюсь с Саотом. Ревнует... Его любимая девушка, кажется, каждую ночь к богу на свиданки бежит. Хорошо хоть, хоть претензии не высказывает. Надолго ли? Мужчины такие собственники. А я? Разве не стала бы ревновать его к другой?

Покачала головой, думая, что зря оделила этим чувством одних мужчин.

— Всё, надо укладываться.

Я твёрдо решила, что снова начну вставать с рассветом и продолжу тренировки. Расслабилась. Если будешь ждать пока тебе твой мужчина спину прикроет, другие тебе юбку на голове завяжут.

Свои обещания надо выполнять. Поэтому рассвет я встречала, уже вдосталь натанцевавшись, на заднем дворе с воображаемым противником.

Тонкая, свободная, полотняная туника стала влажной от пота и липла к телу. Все таки форму я слегка подрастеряла. Хорошо ещё догадалась плотно прибинтовать грудь, как всегда поступала в Ковене. Грудь у меня небольшая и не слишком мешает при учебном бое. Но мужская туника это не платье с плотным корсетом, и, без подобного ухищрения, да ещё во влажной от пота рубаше, я выглядела бы чуть ли не хуже, чем голой.

Я немедленно порадовалась своей предусмотрительности, когда наткнулась на внимательный взгляд Магдариеля, шедшего из дома по направлению к хозяйственным постройкам. Остановившись, вежливо пожелала сидхе доброго утра. И пошла расставлять поленца рядом на бревно для вечерних посиделок. Хотела пострелять в цель. Отсюда, с брёвнышка у стены дома, был чудесный вид. Частично на лес, частично на цветущую тундру.

Потянулась к арбалету, и замерла, зацепившись глазами за яркую, чисто-белую точку в небе. Старик проследил за моим взглядом и торопливо бросился в дом. Ещё несколько мгновений и во двор выбежал Лами. И даже Труми, о котором я думала, что поднять его, пока в доме не запахнет чем-то съедобным, не удастся даже с помощью заклинания левитации.

Очень быстро белая точка превратилась в пятнышко, потом в прекрасного, свободно машущего широкими крыльями, вигоня-альбиноса. Вот он, порывами ветра, от бьющихся мощных крыльев, поднимает в воздух клочья сухой травы и щепочки от колотых дров. Потом скидывает голову и радостным клёкотом приветствует Лами и его деда, подхватывающих на руки, весело смеющуюся, высокую девушку, которая тут же начинает обнимать то одного, то другого.

Я разглядывала её с радостным восхищением.

— Не просто красивая. Удивительно милая. И светится неподдельной радостью от встречи с семьёй. Чем-то схожая с Лами, но с удивительно светлой, нежной кожей, сквозь которую кровь просвечивает розовым, как лепесток миндального цвета. И глаза чуть светлее, чем у брата, но такие же яркие и чистые. А ресницы почти полностью золотые, как и волосы. Только у корня тёмным ободком обводят глаза.

В общении Лантаниель оказалась простой и естественной. И я подумала, действительно, жаль, что она не стала моей мачехой. Папе бы она точно понравилась. И мы бы с ней подружились. Впрочем, ничего не мешало мне подружиться с Лани и сейчас.

Они были такие славные. Лами и Лани. Особенно, когда сидели за столом и беззлобно подтрунивали друг над дружкой, бросая замороженные ягодки кислицы в напиток, стоило кому-то из них отвернуться.

Всю неделю, пока мастер работал над обработкой кожи и кройкой доспеха, мы провели вместе. Я увидела все любимые места брата и сестры. С трепетом в душе, раззнакомилась с вигонем Лани. Девочку-альбиноса, окраски крайне редкой у птицеящеров, звали Белли. В ней не было строгости Витре. По характеру она, скорее, походила на свою хозяйку. Весёлая и игривая, она очень расположилась к Труми.

Мы вместе летали к стаду и возили припасы пастухам, которые с ног сбивались, следя за новорожденными кудумами. В это время вокруг стад, как никогда, много хищников. И

стоит малышу отбиться от самки, как появляется карг или биргиннен, который рад полакомиться молоденьким телёночком.

Мы практически не оставались с Лами наедине. Я только случайно ловила мельком его ищущий взгляд. Да пару раз заметила, как тепло, и внимательно поглядывает на наши переглядки сестра.

Я всё время думала, а что же будет дальше. Ещё день-другой и я получу доспех вместе со специальным составом для склейки. Он используется один раз, поскольку подогнан и проклеен должен быть без единой щёлочки. Я уже познакомилась с особенностями яда саламандр. Он ни в коем случае не должен попасть на тело. Мы договорились, что Магдариель скроит и небольшой щит в который встроит артефакт, с возобновляющимся прикрывающим полем. По крайней мере, я не должна буду следить за протаиванием магической плёнки и её постоянным обновлением.

Артефакт мне сделал Лами. Из зубов и когтей убитого нами биргиннена. Каждый зуб или коготь усиленный металлической полукоронкой с петлёй, содержал одно заготовленное плетение. А в петельки были продеты шнурки из обрезков кожи саламандры разной длины. Они, полукруглой бахромой, свисали вокруг маски зверя, расположенной в центре щита и отчеканенной из того же металла, что и коронки.

Я не спрашивала Лами о его планах. Когда родится брат, мне придётся вернуться во дворец. А после в Ковен, чтоб закончить обучение. Наши отношения ещё не оформились во что-то серьёзное. И я не могла просить сидхе бросить все свои дела и привязать его к себе на верёвочку.

Когда он наблюдал за мной в Ковене, то это было его семейным делом. А я должна была ещё решить для себя, могу ли я, не имея достаточных доказательств, рассказать отцу о подозрениях сидхе, о возможном заговоре жрецов, что может разрушить его новую семью. А я хотела, чтоб папа был счастлив.

— Что мне делать, Труми? — спросила я плакальщика в один из вечеров, когда мы, после целого дня путешествий по лесу, так и не встретили никого из его соплеменников.

— В смысле? — малыш был озабочен собственной неудачей. Хотя плакальщики одиночки, но иногда они всё же общаются, встречаясь в путешествиях. А Труми довольно долго был совсем один. Здесь тоже не так легко встретить того, кто привык прятаться за мороками. Если бы маленький плакальщик был один, без нашей шумной компании, у него было бы гораздо больше возможностей встретиться со своими нелюдимыми родственниками. Мы просто продемонстрировали себя в лесу. Если поблизости кто-то из них есть, он сам может найти Труми.

— Я говорю, как ты думаешь, должна ли я говорить о заговоре отцу?

— Думаю, да... Он король. И мужчина. Ты не имеешь права скрывать такое. И вообще. Ты ведь была близка с отцом. Я считаю, что ты должна рассказать ему всё. Не скрывая. Ты же хотела, чтоб он принял твою взрослость и независимость. Сама-то ты ложь не очень жалуешь. А в твоей жизни произошли такие изменения, о которых отец вправе знать.

— А Лами?

— А что Лами? Он тоже мужчина. И решит за себя сам. Ты и не должна ни о чём его просить. Я ведь правильно понимаю, что тебя волнует именно это? Не торопи события. Когда придёт время отъезда, он вряд ли отпустит тебя. Без серьёзного разговора, по крайней мере. У тебя есть своя жизнь. У него тоже. И, если он захочет как-то объединить их, то спросит твоего желания.

— А ты, Труми? Останешься здесь или пойдёшь со мной? Тебе может быть непросто среди людей, дружок.

— Ну, вот, ты сама всё и сказала. Если я твой дружок, то не расстанусь со своей подружкой. И потом, с тобой интересно. А я любознательный.

— Скорее уж любопытный, — и на душе стало тепло. Я пощекотала малыша между ушами.

— Лучше рыбки..- промямлил он, хитро поглядывая исподлобья, и устраиваясь в своей любимой позе столбиком.

Выдузив у своей размякшей хозяйки солёную жирненькую спинку, быстро заснул, посасывая её, как младенец соску из сладкой древесной смолки.

— Как у него получается быть вне возраста? — умилялась я, глядя на трогательную позу спящего плакальщика.

А утром удивилась, не найдя Труми в комнате. Ещё плёлся предрассветный туман и я, поёживаясь от прохлады вышла на задний двор. Похлопала себя по предплечьям и решила сначала пробежаться, чтоб разогреть мышцы. Пристроила перевязь с мечом за спину и потрусилась сначала тихонько по тропинке со двора, а потом, разогнав лёгкие, весело помчалась напрямик в тундру. С головок цветов на брюки липла прохладная роса.

Пробежав почти до опушки леса, увидела две маленькие тени, смешно подпрыгивающие в траве. Немножко нелепый, странно ритмичный танец-ритуал. Я остановилась и присела в траву, узнав Труми и ещё одного незнакомого плакальщика. Или плакальщицу? Больше всего я боялась напугать малышей и прервать их общение. Но они вдруг повернули в мою сторону и устроили что-то вроде весёлых догонялок. И я повернула колечко и повесила ментальный блок.

Мне было очень неудобно, что пришлось наблюдать, ненароком, такое интимное зрелище. Я покраснела, как будто вошла в чужую спальню и стою за занавеской. А Труми остановился и приник к своей подружке, ласково поглаживая её плечики и тихонько урча. Я закрыла глаза. И очень долго боялась открыть их снова. В голове было совершенно пусто. Ныли затёкшие ноги.

Наконец, я приподняла веки, но посмотрела сначала в сторону дома. Во двор опускался ещё один незнакомый вигонь. Осторожно глянув туда, где резвились плакальщики, я никого не обнаружила. Поэтому повернула кольцо, поднялась, и побежала к дому. Пока добралась до тропинки, увидела, как в седло садится незнакомый парнишка. Совсем молоденький. И на вигоне почтовый знак.

Служба на королевскую почту приравнивалась к армейской и оплачивалась очень хорошо. Не удивительно, что молодёжь из семей, которые не могли позволить себе купить для подростка вигоня, с удовольствием отработывала несколько лет в почтовой службе, отдавая год для выездки птенца, ещё год для обучения под руководством опытных наездников, а после ещё четыре-пять лет, в зависимости от величины первого взноса, выкупая птицу в своё пользование. Некоторые за такое время привыкали к работе и оставались насовсем почтарями.

Это случалось часто, ещё и потому, что вигонь допускал к управлению только людей с проснувшимся даром. Он мог быть совсем небольшим, но птицевещер, каким-то образом подтягивал ментальную магию до нужного ему уровня. А поскольку, как правило, это были небогатые молодые люди, то, выкупив вигоня, кто-то хотел заработать на обучение в Ковене, кто-то, чей уровень был не слишком высок, собирал на выкуп за невесту. У сидхе этот

обычай всё ещё практиковался. Как и у цвергов.

Правда цверги имели к вигоням совершенно определённое отношение. Они добывали птенцов. Но никогда не летали сами. Вообще, летать на птицеящерах, из всех рас, позволяли себе только сидхе и хомо.

Когда я вбежала в калитку, то мне осталось только проводить взглядом улетающего молодого вигоня, очень тёмного окраса, с чёрными подпалинами на кончиках перьев. В сарае за домом клекотали и волновались Белли и Витре. Наверное, им тоже хотелось полетать.

На бревне, сложив руки на коленях, сидел Лами. Он как-то нелепо горбился и болезненно щурил сонные глаза. Я с разбегу шлёпнулась рядом, так, что оказалась очень близко к нему. Наши плечи соприкасались и я почувствовала тепло его тела. Он был ещё слегка растрёпанный со сна и такой незащищённый, что хотелось прижаться к нему и погладить, рассыпавшиеся по спине золотые пряди. А ещё лучше проснуться рядом, головой на его плече и лежать, тесно прижимаясь к бедру, пока он не потянется к тебе, и не обнимет крепко и требовательно.

— Какие новости? — отвлекла я себя от таких притягательных мыслей, полагая, что уж, если почтовый вигонь опускался у дома Магдариеля, значит новости точно есть.

— У королевы родился сын, — убитым голосом, и с каким-то перекошенным оскалом, ответил Лами.

— И... почему у тебя такой странный вид? Чем тебя так уж расстроила эта новость?

Я, на самом деле не понимала. Для меня, рождение наследника, пожалуй, даже облегчение и надежда на свободу.

— Он родился стерильным, слепым и шестипалым. Это наказание Веледа за обман. И в народе поползли слухи. Ты должна вернуться во дворец и поговорить с отцом. Этот младенец и есть прямое доказательство заговора. Но я не отпущу тебя одну. Жрецы не знают, что информация вышла за пределы Храма. Но, если увидят нас вместе, могут заподозрить такое развитие событий. И тебе будет грозить опасность. Поэтому я доставлю тебя как можно ближе ко дворцу, но появляться нам вместе, пока ситуация как-то не определится, опасно.

Ты знаешь какое-то место неподалёку, где мы могли бы встречаться? Я ждал бы тебя там каждый день после заката. Я с ума сойду, если буду в неведении о том, что с тобой происходит!

— В любом дворце есть подземные выходы. Я покажу тебе где, когда прилетим. А я отправлюсь во дворец открыто. Начни я прятаться, вызову подозрение сразу же.

— Они тебя потеряли из вида. Но могут ждать возле дворца. Мы же не знаем, что они задумали.

— Вот не думаю, что королеву сейчас устроит ещё один скандал с покушением на принцессу. Ей бы погасить слухи, связанные с наследником. А ждут меня, скорее всего, прямо во дворце. Ты не представляешь сколько там всегда крутится народа. Особенно после женитьбы отца. Проследить не связаны ли они со жрецами, подкуплены ли, являются ли шпионами, очень трудно..

За безопасность в отцовском окружении отвечает барон Кимат Зар. Я думаю, отец его всё равно введёт в курс дела. А вот как он поступит с мачехой я не знаю.

Она метаморф. И просто нечеловечески красива. А, если у неё ещё и способности к сексу, как у всех нидлов, то поведение мужчины, даже если он мой отец, я предугадать не

смогу.

В лесу, недалеко от двери в замаскированный ход, ведущий в дворцовые подземелья, мы с Лами в первый раз серьёзно разругались.

— Может быть я теперь его никогда не увижу.

От этой мысли, на глаза наворачивались слёзы, но я, упрямо стискивая зубы, шла в сторону ближайшей ко дворцу деревни, отгородившись от бухтевшего, как слишком полный котелок под крышкой, Труми. Может быть я была слишком резкой с Лами. Но стоит ли пытаться выйти из под любящей отцовской опеки, чтоб попасть, пусть под такую же любящую, руку своего мужчины?

Началось всё с того, что я решила, прежде чем идти во дворец, послушать о чём судачат люди, в связи с рождением такого наследника в королевской семье. Может ли быть для этой цели более подходящее место, чем придорожная таверна? Никто не спорит, что публика там не отличается благородными манерами и не слишком безопасна, порой, для любой девушки. В том числе и королевских кровей.

В близлежащих деревнях, членов королевской семьи видели, на открытых церемониях, все желающие их посетить. Но принцесса в церемониальном наряде, и девчонка в дорожном костюме, не слишком похожи, для глаза простолюдина, видевшего её с расстояния, прилично разделяющего толпу крестьян и дворцовую публику.

А, если говорить о завсегдатаях питейных заведений, так они, в эти самые праздники, чаще толкуются у бочек с дармовой выпивкой, чем глазеют на аристократов.

Я понимала страх Лами за любимую женщину. Нежелание подвергать её любой опасности. И он рвался сам узнать обо всех людских сплетнях, а меня спешил побыстрее отправить под охрану королевской гвардии.

Но я желала не только послушать кабацкую болтовню, но специально нарваться на небольшой, управляемый скандалчик. Мне нужно было поддержать репутацию королевской семьи. Напомнить, что есть в ней кто-то, блюдущий традиции и достойный звания избранной.

— Пойми, — убеждала я Лами, — королевская семья и так пережила сильный удар по репутации из-за смерти мамы и наследника престола мужского пола. А теперь, следующий наследник рождается с такими физическими недостатками. Я должна заставить людей говорить о принцессе, добывшей доспех из кожи саламандры. А для этого мне просто придётся обратить на себя внимание.

— Для тебя так важна политика и твоё право на королевский трон, что ты готова повергнуть опасности свою жизнь и честь? — горячился сидхе.

И тут я разозлилась.

— Ты сам познакомился со мной только из-за того, что твоя семья пожелала поддержать систему выделения магов, как аристократии, вообще, и королевскую семью, в частности, в иерархической системе изначальных избранных.

Ты не можешь не понимать, что я не просто рвусь поддержать аристократическое чванство и привилегии рождения, а воспитана в ответственности, которая всегда предполагала предпочтение развития магических способностей, как лучший шанс выживания колонистов в мире Чесмена, где технологии Предтеч стали бесполезны.

Ты думаешь я, как и многие поколения моих предков, в восторге от династических

браков? Что мне важнее быть на троне, чем любить того, с кем мне придётся ежедневно просыпаться в одной постели? Хорошо ты обо мне думаешь! И что для тебя важнее, чтоб не пострадала моя жизнь или моя честь?

Когда я увидела его лицо, после моего последнего вопроса, то поняла, что перегнула палку. Но злость и стремление к независимости помешали мне извиниться. Я упрямо дулась и молча собирала свои нехитрые пожитки. И Лами молчал. И не остановил меня, когда я, коротко попрощавшись, пошла в сторону деревни.

Теперь вот, глотала слёзы и ругала Лами за то, что он не остановил, не обнял, не поцеловал. За последние дни нашего пути, мы очень сблизились и я, просто физически, чувствовала себя обделённой. Ведь меня отпустили без того, чтоб я смогла вдохнуть запах любимого и почувствовать его губы на своих губах.

Даже злобно сравнивала Лами с Саотом. Хотя уж богам-то не приходится страдать от комплексов, связанных со статусом их избранниц.

Вот в таком взвинченном состоянии, прекрасно подходящим для скандала, я и зашла в Хромого Таймаха. Такое имечко старый придорожный кабак, ничем, особо, от подобных заведений не отличающийся, получил только за то, что отец, совсем молоденьким, возвращаясь из Ковена, заменил здесь захромавшего таймаха. Ничего героического. Он не добыл тогда ещё своего доспеха. Но, для такого заведения, любое упоминание об именитом посетителе, лишняя заработанная монетка. Особенно, если с крыши от старости уже труха сыпется. И, если бы не магическая поддержка подрастающего сынка хозяина, которому деньги больше нужны на Ковен, чем на ремонт крыши, она уж давно свалилась бы на головы посетителям.

Ходили слухи, что к рождению этого первого и единственного в семье отпрыска, в котором проснулись магические таланты, не трактирщик руку приложил. Точнее не руку, а что-то другое, как ржали проходящие наёмники, обсуждая, под винными парами, эту тему и поглядывая на ещё молодую и аппетитную хозяйку, самолично выносившую снедь наиболее важным гостям.

Конечно, эти разговоры хорошего настроения трактирщику не добавляли. Но сынок со способностями, ещё и, если поспособствуют боги, Ковен закончит, может семье и статус аристократов принести.

На Чесмене, аристократическая иерархия никак не мешала семье продолжать заниматься ремесленничеством и фермерством, как было, кстати, и в семье Лами, где дед был знаменитым мастером, а родители разводили стада кудумов. Это говорило только о том, что в семье есть маг. И давало возможность за столбить за собой участок земли, который сможешь завоевать и удержать. Не от соседей — от нечисти.

Дверь за мной громко хлопнула. Неторопливо я прошла к свободному столу. День ещё был в самом разгаре. Потому и народу в трактире было немного. Однако несколько молодых наёмников, слегка навеселе, каких можно встретить в каждом придорожном заведении, вольготно развалились у пары, сдвинутых для их компании, столов.

Самое то для моей цели.

Ко мне шустро подбежала крепкая деваха в цветастой юбке чуть ниже колен. Растрёпаная косица соломенных волос и быстрый хитроватый взгляд. Россыпь весёлых веснушек, ничуть её не портящих. Стрельнув глазами в Труми, сползающего с моего плеча и соорившего ей рожицу, девчонка хихикнула.

— Вина?! — бойко крикнула она, ещё за несколько шагов до стола.

— Взвару, — спокойно ответила я, сняла и поставила котомку, висящую поверх наспинных ножен, — и, увидев недовольную мордуленцию плакальщика, сняла блок и добавила, — и солёной рыбки.

На передней части вещевого мешка, который я почти опустошила, оставив только свои носильные вещи, завёрнутый в чистое полотно и крестом перевязанный крепкой верёвкой, был приторочен мой новёхонький щит. Сам доспех, свёрнутый скаткой, и тоже бережно укутанный, мы пристроили под низ груза. Садясь, меч я оставила за спиной. Мне он совсем не мешал. Перевязь плотно прилегала к телу. Рукоять на уровне шеи. Меч у меня не длинный. Пожалуй, на ладонь длиннее кинжала одного из самых рослых парней из наёмников. Ведь я и сама не велика.

Он, пожалуй, ворген. Кожа цвета тёмной меди, с прозеленью в складках. Ржаво-рыжие сальные волосы и тёмно-медовые блудливые глаза. Безрукавка из кожи пятнистого таймаха на голое тело. Штаны чёрные, та же кожа. Круглая шапочка с чёрным хвостом. И он таймаший. Точно ворген. Только они в степи на таймахах и ездят, и жрут их же мясо, и шьют из них одежду. И сами такие же мосластые, с крупными зубами на квадратных челюстях.

Их чистокровные женщины, обычно, тоже высокие и мускулистые. Если не затесалась, уводом взятая, стройненькая малышка, как раз моего типа. Они таких любят. И, хоть частенько берут против воли, но потом всю жизнь берегут и на руках носят. Только во хмелю воргены наглые и вспыльчивые. А потому пьют только в кабаках, где мужчине есть об кого кулаки почесать.

Мой отказ от спиртного должен был спровоцировать подвыпившего жеребчика. Хоть попросить взвару в такую жару, какая стояла уже с утра, было, пожалуй, логичнее. Напиток этот пили по всему Чесмену. Потому как кислица росла в любом климате. Только плодоносила в разное время. Хранили её круглый год. На юге сушили, на севере морозили. Сама ягода, по свежачку, страшно кислая, почти не съедобная. А после сушки или заморозки, во взваре, становилась приятной, кисло-сладкой. Добавляли во взвар только травы. Разные, в зависимости от местности. Зимой его пили горячим, летом — ледяным.

Как я и думала, без внимания нас с Труми не оставили. Уж больно провокационная компания. Особенно, когда я котомку сняла, которая, со скаткой, до подола туники всю спину закрывала. А теперь там меч, да косища.

Ворген, как увидел, что я её через плечо перекинула, чтоб не усесться на волосы, аж присвистнул.

— Малышка, — рявкнул он, как будто я не тут же, за столом, а в соседнем стойбище присела, — тебе зачем эта железка рядом с такой красотой? Если подержаться не за что, так у меня есть, куда как лучше. Друзья заржали, как табун таймахов на случке.

Я даже не шевельнулась. Как будто уши воском залиты. А Труми, слезая со стола на лавку, демонстративно повернулся к компании тощим задиком.

— Какой-то кавалер у тебя мелкий. И где у него мужская доблесть прячется?

Труми оскорбился и создал морок такого размера, что, если бы мне не стало так смешно, я бы, от краски на щеках, год не отмылась.

За соседним столом грохнуло. Наёмники даже икать начали. А ворген, заведённый этим издевательским зрелищем и моим ледяным молчанием, пошатываясь, направился ко мне.

— Что-то тут ни в чём размеры не совпадают, — игриво заворковал он, — меч у тебя махонький, а оружие у кавалера здоровое. То ли выпил я лишнего, то ли глазами болею.

— Так что ты раньше потрогать хочешь, — сделав глоток взвара, громко

поинтересовалась я, — меч или орудие?

После моего вопроса от хохота согнулся даже, привычный ко всему, трактирщик. А ворген вспылел.

— Уж больно ты дерзкая, малышка! А если я тебе сейчас твою игрушку двумя пальцами переломлю, а потом с настоящим орудием познакомлю?!

И он ухватился за рукоять моего меча. Не будь наёмник так пьян, сообразил бы, что простые девчонки в одиночку по дорогам не шатаются. А оружие, от чужих рук, даже не у магов, бывает зачаровано.

На мой меч цверги защиту ставили. Он хоть и невелик, и не разукрашен камнями, ни к чему это боевому оружию, а сделан был хорошим мастером. Сам Орм Генгист ковал. И заклятие наложил магистр Телоний Эссельд. Большой друг отца. А я ещё и на своей первой крови зачаровала. Нет заговора сильнее. Первая девичья кровь самое слабое колдовство на уровень архимагов выводит.

Так что шарахнуло воргена так, что на задку до своего стола ехал. Психанул наёмник знатно. Вскочил и с кинжалом на меня кинулся. Я тоже, не будь дура, на стол прыгнула, чтоб ростом со здоровяком сравняться, и котомкой со щитом прикрылась.

Конечно, я могла и магический щит поднять. Силищи дурной у меня после Трясины было немеряно. А простой щит — заклинание плёвое. В нём сколько маны, столько мощи. Это от магии защита хитрая нужна. Причём, от каждой своя. Да ещё и различи её на лету.

Только сейчас у меня задача была другая. Кожу саламандры продемонстрировать.

Кинжал у воргена заточен как надо. И полотно, и верёвки, как масло на булке, разрезал. И показался мой новенький щит во всей красе. Чёрный, с алой сеткой трещин, как на остывающей лаве. По центру чёрного металла морда биргиннена. И весёленькая навесочка из его когтей и зубов.

Двое наёмников, которые заулюлюкали, когда здоровый воин против малявки за кинжал схватился, сидеть не остались. Повисли у вспылчивого дружка на плечах. А трактирщик, уже при первых признаках ссоры, в зачарованный свисток дунул. Буйные клиенты этого свиста не слышат, зато стража, которая всегда у трактира ошивается, будет на месте безобразия, не успеешь моргнуть да охнуть.

А за что им хозяин ячменного пива наливает?

А вот и сапоги по всходу загрохотали. Пяток королевских стражников и, ба, старый капитан Гюнтер с ними. В ближайших ко дворцу деревнях, всегда есть дежурные из казарм. Вместо занятий на плацу, побродить вокруг деревенского трактира, пива попить, кулаки почесать — почти увольнительная.

Рычащего воргена друзья уже волокли к столу. И я по быстрому на пол спрыгнула. Я же не Гюнтера провоцировать собралась. А то, чего доброго, воргену моя подставка боком выйдет.

А кожу саламандры на щите, самый пьяный наёмник без труда узнает.

Гюнтер, увидев меня, резво опустился на колени.

— Принцесса Лиира?! Я смотрю, вас можно поздравить с прекрасной добычей! Разрешите лично сопроводить вас во дворец к батюшке?

Я, милой пай-девочкой, кивнула. Допила взвар. И закинула мешок на плечо. А Труми схватил щит и победно потряс над головой на вытянутой тоненькой лапке.

Гюнтер оставил своих подчинённых навести порядок в таверне. Сомневаюсь, что это было так уж необходимо. Компания наёмников уже сбилась в кучку у своего стола и жарко обсуждала в полголоса неожиданное развитие событий. Даже ворген, которому по дороге надавали тычков под рёбра собственные собутыльники, почему-то, после этого, унялся. И даже, с неопределённой улыбкой, проводил меня взглядом.

Было понятно, что процесс усмирения превратится в совместное распитие холодного пива.

Гюнтер легко вскочил на своего таймаха, и кивнул мне на одного из принадлежащих патрулю.

— Я бы прокатил тебя на своём, как в детстве, девочка. Но ты выросла, и даже добыла свой законный королевский трофей. Поэтому, принимая тебя, как воина и наследную принцессу, даже не рискну посадить тебя в седло.

— Не спеши, Гюнтер, с моим наследством. Теперь у меня есть брат. И я ещё не слышала от отца утверждения своего статуса.

— Он вряд ли станет престолонаследником, принцесса. Ты же не можешь этого не понимать?

Гюнтер был давним другом отца, так же как и его глава безопасности. Они были неразлучной тройкой ещё с Ковена. Только лилу Кимат Зар был его однокурсником, а Гюнтер поступил на два года позднее. Если лилу уже был баронетом, то Гюнтер обычным сыном фермера.

С титулами у лилу было определённое различие, по сравнению с другими чесменскими расами. Если хомо могли претендовать на свободные территории, то лилу пренебрегали этой привилегией. Их поселения компактно располагались в подземных городах под Холмами и их титулы были связаны не с владением землями, а с управленческой иерархией. В семье Зар магической силой обладали все. Привычная для лилу ментальная магия.

Впрочем, в Ковене он развил ещё и одно из направлений стихийной. А именно — магию земли. Тогда звание барона носил его отец. Он же был баронетом. У лилу очень долгий срок жизни. Но детей рождается мало. И чаще всего в смешанных браках. Зар был единственным сыном Санора Зара и чистокровным лилу. Но, что большая редкость для представителя этой расы, не вернулся домой, в родные Холмы. А остался служить у своего друга. И титул барона получил от отца. Хотя от пожалованных земель отказался.

У Гюнтера история была банальной донельзя. Первый представитель семьи хомо с проснувшейся стихийной магией. Стихия — огонь. Без обучения — самая спонтанная. Желая заработать на учёбу, служил простым наёмником. Магия играла с ним опасные шутки. И только строжайшая самодисциплина воина, помогала справляться с этим диким зверем внутри. В моменты сильного душевного волнения или яростного боя, неуправляемый огонь мог вырваться наружу. Спасало Гюнтера то, что такие сильные эмоции возникали только в кругу врагов. Среди друзей, он не давал им хода.

Когда Гюнтер всё же накопил деньги на поступление в Ковен, то нарвался на такую же стаю подонков, какая донимала и меня. Те же, по большей части, свежее испечённые, аристократы, дёргали биргиннена за усы, пытаясь спровоцировать простолюдина на несанкционированное использование боевой магии в Ковене. Что грозило парню

исключением и большими неприятностями в дальнейшем. Потому что именно огненная магия требует педантичного и канонического обуздания. Что лучше всего делать под руководством опытных учителей.

Отец и Зар случайно оказались в эпицентре одной подобной провокации и стали на сторону Гюнтера. Наследный принц, а также злопамятный, и изобретательный в своей злопамятности, лилу, оградили прямодушного и верного Гюнтера от обидчиков. Когда друзья закончили учёбу, он уже в состоянии был постоять за себя и защитить таких же нуждающихся, каким он сам был когда-то. И, хотя настолько близких друзей, как отец и Зар, он больше не приобрёл, но некоторые приятели из небогатых семей, не имеющих возможность отвоёвывать земли, отправились вместе с ним на королевскую службу.

Многие могут сказать, что такая юная вольница могла сбиться в отряд и очистить земли для общего владения. Но такая попытка была бы противозаконной. Так как владеть земельным наделом и отвечать за порядок на нём, должен был один хозяин. Иной путь мог породить образования, которые со временем скатывались в подобие бандитских шаяк.

Друзья отца оставались с ним все эти годы, хотя многие из тех первых, пришедших на службу с Гюнтером, так или иначе изменили свою жизнь. Я росла рядом с ними. И Гюнтер, гораздо чаще, чем отец, занимался со мной и техникой боя и выездкой.

Я могла понять его радость и гордость сейчас. Я была для него почти как собственная дочь. Как-то получилось, что оба отцовских друга так и не нашли пар.

Я собиралась по дороге похвастать капитану королевской гвардии всеми своими подвигами. Познакомила с Труми. Поделилась буквально всем, что касалось меня. Но о Лами упомянула только как о романтической привязанности, и то, посомневалась, имеет ли она будущее. Всё, что касалось семейных тайн, я предпочла предоставить решению отца. Только его право решать, кому из своих людей он захочет открыть такую информацию.

Разговор о новорождённом брате тоже имел продолжение.

— Ты знаешь, что мачеха метаморф, — напомнила я Гюнтеру, — и многое может зависеть от того, в какую из рас пошёл наследник. Тела нидлов нестабильны до определённого возраста. Ты не знаешь что они в состоянии исправить и изменить. Неужели ты не видел какие странные физические формы принимают зачастую метаморфы. И мы не слышали ещё полного заключения врачей.

Может всё ещё не так страшно? Я, знаешь ли, очень боюсь за папу. Он пережил уже одно очень большое горе. И я бы не хотела, чтоб малыш доставил ему огорчение, вместо радости. И мачеха, наверное, очень страдает.

Гюнтер скорчил недоверчивую гримасу. Он не любил новую королеву не меньше меня. Но, так же как и я, смирял свою неприязнь, чтоб не расстраивать отца.

Своё появление во дворце я не собиралась делать триумфальным. Наоборот, афиширование того, что я уже сейчас исполнила одно из традиционных испытаний наследника престола, могло совсем не порадовать мою мачеху. И подстегнуть заговорщиков, стоящих за ней. Если заговор, конечно, не плод нашего воображения. Доспех, после демонстрации отцу, я, на всякий случай, намеревалась припрятать в собственной тайной комнате. Я называла её сокровищницей. Правда, до сих пор, все её сокровища представляли ценность только для меня.

Слишком много самостоятельности и одиночества в детстве, дали мне возможность изучить такие уголки дворца, о которых не знал и отец. Насчёт Кимата Зара не уверена. Но, моя тайная комната, была прикрыта одним из защитных заклинаний, завязанных на мою

первую кровь. Моя сокровищница, моё оружие и моя спальная комната.

После того, как я стала девушкой, без моего дозволения, туда не мог войти никто. Даже отец.

Встреча с папой получилась тяжёлой. Он выглядел, как в худшие дни своего одиночества. Небольшая щетина делала лицо уставшим. Ещё и глаза. Красные, как от нескольких бессонных ночей. И лёгкий запах вина. Я слишком часто видела его таким в первое время после маминой смерти.

Я увела его в сад. Наше любимое место, у пруда, ещё не претерпело тех изменений, какие я заметила во дворце. Тут я чувствовала себя как прежде. Даже, на ветке старого дерева, висели качели, которые сделал мне Гюнтер.

Я усадила отца у воды и мы какое-то время посидели молча. Каждый, как мне показалось, вспоминал что-то своё. Свежий воздух немного привёл отца в чувство. Казалось из него уходит отравы, переполнявшая его лёгкие, и мешающая ему вдыхать воздух полной грудью.

Когда я наконец начала рассказывать правду обо всех своих приключениях, то начала с Ковена. Просто вспомнился разговор с Гюнтером, и то с каким тёплым чувством он вспомнил свою молодость и время, когда они подружились с отцом в студенчестве.

Это и правда сделало глаза отца более живыми. Папа услышал всю историю полностью. Даже про колечко Саота я сказала всё не скрывая. И о своих чувствах к Лами. И в самом конце о предполагаемом заговоре. Отец мрачнел всё больше. Но с этой мрачностью в нём всё больше проступал не горюющий мужчина, а король.

К моему удивлению, он не стал говорить об отсутствии доказательств и случайных совпадениях. Мне показалось, у него были какие-то свои наблюдения и резоны. Ведь я очень долго отсутствовала во дворце. И какие-то события, не известные мне, могли подтвердить или опровергнуть мои собственные суждения и версии.

— Я должен подумать, дочка. Даже вероятность такого заговора подрывает нашу систему. Со своими людьми я поговорю сам. А тебе, пожалуй, сейчас будет, и правда, в Ковене безопаснее, чем во дворце. Но, чтоб снизить эту опасность, я, пожалуй воспользуюсь твоими соображениями. О возможностях метаморфов. Честно говоря, первый шок мешал думать. Я, как отец, чувствовал свою вину в произошедшем. Ты, со своей маленькой и по настоящему королевской интригой, по восстановлению репутации нашей семьи, предположила не только ту болтовню, что может поползти за стенами дворца, но и озвучила мои собственные сомнения и страхи.

Я думал о том, что во мне вина за гибель первого твоего брата и рождение второго, искалеченного из-за моей мужской несостоятельности.

— Пап, а почему ты не поверил бабушке, когда она твердила, что иары должны рожать в море? Я не хочу добавлять к твоим переживаниям ещё и эту вину, но смерть мамы мне не кажется связанной с какими-то твоими физиологическими недостатками, а скорее с тем, что этот обычай исполнен не был.

— Я думал об этом, Ли, и никак не мог согласиться. Я считал это именно обычаем, а не необходимостью. Ведь ты же родилась живой и нормальной.

— А-а-а... — я замялась и непонимающе воззрилась на него, — разве бабушка не сказала тебе, что меня мама рожала в море?

Отец смотрел на меня с недоумением.

— Я оставил маму у родни на седьмом месяце беременности, — чётко, даже как-то

разделяя слова сказал он, — с непременным условием, что она не будет входить в эти бурные воды в таком положении. Твоя мать обещала, что просто проведёт время с семьёй, в родных с детства местах. А к родам вернётся во дворец. Ты просто родилась преждевременно.

— Понятно..- сгрустью подумала я, — мама не хотела возражать мужу и сделала всё по своему при первой беременности. Она у иаров всегда тяжелей последующих... А во второй раз, надеялась, что всё пройдет легче..

Я почему-то подумала о Лами. Мужчины в своих заботах зачастую только делают хуже, не доверяя суждениям и, даже, просто интуиции женщин. Ведь это чувство мне всегда казалось проявлением женской магии. Даже в тех техномирах, откуда по легендам явились наши предки.

Вечер я провела с Труми. Показывая ему дворец. Но с братиком, не смотря на вновь проснувшуюся боль в глазах отца, познакомилась.

Малыш играл на руках молодой кормилицы. Девушка, видно, быстро привыкшая к отличительным особенностям малыша, забавляла его, как любого другого ребёнка. Братик не показался мне монстром. А ведь в некоторых местах, где мы останавливались по дороге вместе с Лами, пытаюсь определиться в настроениях людей, слышались и такие определения.

Ну подумаешь, ручки с шестью пальчиками. Блекло-голубые бессмысленные глазёнки. Так младенцы и так не сразу обретают осмысленный взгляд. А то, что он стерилен и в мошонке отсутствуют яички, этого я разглядывать и не собиралась.

А так, на первый взгляд, малыша можно даже назвать очень красивым ребёнком. Слепые глазки не видели, но внешне никак портили личика. Лишние пальчики лекари могли и удалить. А про стерильность мне объяснил Лами. Немного смущаясь, он всё же пытался говорить со мной, как лекарь, и пояснил, что яички могут ещё опуститься на место и сами, через некоторое время. Если этого не произойдёт до года, можно попробовать сделать операцию. Только нужен очень сильный маг-целитель. Сам он не взялся бы. И с этим лучше поторопиться.

Я спросила, может ли быть такое, что тестикулы не сформировались при беременности вообще.

— Возможно, что они просто атрофировались на ранней стадии беременности, — ответил Лами, — это изменит его тело, в процессе взросления. Но на умственных способностях может никак не сказаться.

Так что братик, хотя и имел проблемы со здоровьем, выглядел, внешне, приятно и имеет все шансы к нормальному общению. Надо только дать ему подрасти и он, как любой малыш, в возрасте когда они начинают общаться, растопит людские сердца.

Всё это я и высказала отцу. И, кажется, это подтолкнуло его к действию и даже убрало обречённую покорность из выражения глаз. Я не понимала, почему отец не развил бурную деятельность в этом направлении раньше. Ведь, даже в состоянии наибольшего горя, он не оставлял своих королевских обязанностей на самотёк. Разве что, мне уделял внимания меньше. Но ответственным и решительным в действиях был всегда.

К несчастью, мне недолго пришлось ждать, чтоб получить объяснение. Всего до начала ночи.

С мачехой мы так и не встретились. Не могу сказать, что меня это расстроило. А вот из-за размолвки с Лами я по-настоящему страдала. Мы договорились, что он будет ждать меня ежедневно после полуночи. На том же месте, где мы расстались.

Добираться туда по подземному ходу было не близко. Я не знала как мне помириться со своим, не в меру заботливым, другом. Хотя понимала, что была с ним жестока, но, по сути, чувствовала себя правой. Только не видеть его даже день, было слишком больно. Конечно, если он не захочет продолжать наши отношения, мне придётся к этому привыкнуть. Но, вот, сегодня, я просто должна посмотреть на него, хоть одним глазочком.

Я ушла в свою спальню рано. Труми, естественно, остался со мной. Я устроила ему уютное местечко среди своих детских игрушек. Он так мило смотрелся рядышком с ними, что если бы в мою спальню мог забраться чужой, то спокойно принял бы его за одну из них.

И в игровую, и в мою гардеробную можно было войти только через спальню. Эти две комнаты других выходов не имели. По крайней мере, я о них не знала. Любой дворец в состоянии удивить своих хозяев. Так как является жилищем не для одного поколения. Я и сама очень удивилась, когда обнаружила свою сокровищницу. Ход в неё оказался за мозаичным панно, где, очень предсказуемо, один из моих предков сражался с гигантской маткой саламандр.

Героические сценки не могли не притягивать внимание одинокой девочки, тогда мечтавшей о завоевании своего права назваться наследной принцессой. Я подолгу пялилась на чёрно-алое чудище и рыцаря в доспехе тех же цветов. Казалось огромное страшилище забавляется с игрушкой похожей на его маленькую копию. Почему нет? Ведь девчачьи куклы тоже похожи на человеческих девочек.

А огромная саламандра во время сражения поднялась на задние лапы и пыталась поймать левитирующего рыцаря. Казалось, будто она сама подбросила его в воздух, а теперь хочет подхватить обратно. Такая игра нравилась и отцу, и Гюнтеру. Да и мне, когда я, хохоча и брыкаясь, взлетала и снова падала в их протянутые руки. После неё мне чаще всего доставались отцовские поцелуи. А ещё, во время таких игр, меня учили левитации.

И не зря я просила у Магдариеля сделать мне щит. Что-то подобное я видела на этой старинной мозаике. Там тоже в руке принца-рыцаря был щит, от которого расходилось марево защитного заклинания. И в центре щита был явно артефакт. Но не такой как у меня. А обычный драгоценный лал ярко-алого цвета.

Конечно, артефактом являлся камень на настоящем щите, но и потрогать этот, на мозаике, мне тоже хотелось. А вдруг он тоже умеет творить какие-то заклинания. Тогда у меня никаких собственных артефактов не было. Только маленькое серебристое колечко с заклинанием привязки. Чтоб не потерялась. У родителей были такие же.

До той поры, когда мне пришла в голову идея поковырять камешек, левитация у меня получалась так себе. Но, как говорят, захочешь удачу за хвост поймать, то и не поглядишь к кому он приделан. До камешка я добралась, хоть и находился он в самой высокой части композиции. Но, вот, когда стена с мозаикой поползла в сторону, открывая тёмный проход, чуть было не сверзилась с высоты добрых двух мужских ростов.

Мозаичное панно оказалось тоненьким и камешек с другой стороны можно было так же легко нажать, как и с этой. Резонно предположив, что он и предназначен, чтоб вновь

открыть проход, если дверь за мной закроется, я бесшабашно влетела в него и спешно опустилась на пол, пока задвигалась панель. Запоздало подумав, что там может быть темно.

Только, пока я сплетала, ещё плохо дающееся мне, заклинание светящегося шара, обнаружила, что с этой стороны мозаичное панно просвечивается насквозь. И из-за него можно наблюдать комнату, из которой я вошла.

— Магия! — обрадовалась я, — и какая удобная! Ни по чём случайно не откроешь двери, если кто-то есть в комнате. Всё же видно. А заодно и начало тайного хода освещается. Я отошла от входа подальше и всё таки завершила упрямое плетение. Шарик правда получился корявый. И всё время менял форму, так ни разу и не став идеальным шаром.

Зато обследовала я ходы, полностью учтя, недавно усвоенное от Гюнтера, правило. В лабиринтах, подземных ходах и пещерах, нужно все время держаться одной стены, поворачивая постоянно в ту же самую сторону. Тогда не потеряешься и вернуться назад будет просто.

Да, старая история. Сейчас я, закрыв Труми в игровой, и сделав вид, что улеглась спать, погладила колечко Саота. Я взяла с собой доспех и поэтому шла, не прибегая к чарам невидимости. Дойдя до комнаты с батальной сценкой, огляделась. Убедившись, что сохранности моей тайны никто не угрожает, поднялась в воздух и открыла дверь. Удобно устроив в моей Сокровищнице, которая теперь, наконец, начала оправдывать своё гордое название, драгоценную добычу, быстро отправилась назад. Но покинула скрытые коридоры через другой выход.

Тогда, в детстве, я обследовала все ходы, ведущие к тайной комнате. Нашла ещё два прозрачных панно. Но окрыть их не смогла, сколько не искала ключик. Подглядывать через них было можно. И слышимость оказалась прекрасной. Одно находилось в парадной столовой. Другое в зале совета. В ту благословенную пору меня не интересовала политика государства. Но вот за зваными обедами, куда маленькую принцессу не приглашали, или, чаще всего, демонстрировали гостям и выпроваживали в детскую, я иногда умудрялась подсматривать.

Взрослые бывают забавными. Особенно, когда выпьют.

Второй выход я обнаружила в нижнем этаже. Поблизости от спуска в подземелья. Он находился в комнате, где играли в шары. Там стоял большой, обтянутый сукном стол. Небольшая открытая стойка для игровых приспособлений. Коробки с шарами, мелкие, треугольник для установки пирамиды. Ещё были две стойки для киев и рестов. И полочка для забитых шаров, чтоб удобнее было вести счёт. Это была старинная игра, пришедшая от Предтеч.

Чаще всего отец играл с Заром. Гюнтер эту забаву не любил. Слишком долго ему пришлось контролировать свой огонь. И после того, как смог обуздать, радовался открытому и яркому проявлению эмоций. А игра в шары требовала сдержанности и спокойствия. И Зар в этом был наилучшим.

Только на игры времени у них сейчас было гораздо меньше, чем тогда, когда отец был молод и почти беззаботен.

Вот и сейчас здесь было пусто и темно. И всё равно, я повернула перстень, едва закрыла за собой проход. Глянула на мозаику, где архимаг с ритуальным посохом уничтожал нежить. Его классическое навершие с золотистым топазом служило ключом в этой эпической композиции.

Стараясь ступать бесшумно, невидимость не избавляла от сопутствующих звуков, я

вышла из комнаты, повернула направо и начала спускаться вниз по лестнице. Вдруг явственно услышала, что кто-то поднимается мне навстречу.

— На ступеньках не разойдётся, — мгновенно сообразила я и повернула назад.

Но, юркнув обратно в игровой зал, услышала шаги с другой стороны. Ничего не оставалось, как забиться за кресла у маленького столика, в которых иногда отец с Заром отдыхали и закусывали фруктами, в перерывах между поединками.

Почему-то я даже не слишком удивилась, когда в зал вошла мачеха. Буквально, в этот же момент, дёрнувшись тяжёлая штора и вошёл тот, от встречи с которым я едва уклонилась на лестнице.

Это был, не знакомый мне, высокий метаморф. Не красивый, а соблазнительный, с лукавыми проблесками в тёмно-карих глазах. Но улыбка его, казалась приклеенной к лицу чуть кривовато, как раз под тоненькими, как будто нарисованными, усиками. Очень резкие чувственные губы. Смуглая кожа и гладко прилизанная, даже, кажется, намазанная каким-то составом, иссиня-чёрная грива волос, забранная в хвост. Вся одежда облегалась ему так, что расстёгнутые на груди пуговицы, казались оторванными из-за вырывающегося из одежды тела.

Гладкая кожа обрисовывала рельефные мышцы. И мачеха, которая быстро подошла к нему вплотную, жадно бегала глазами по открытому треугольнику груди.

— Лора, — без титулов и предисловий мурлыкнул этот прирождённый совратитель, — ты мне грудь сожжёшь..

— Какой ты чувствительный, Гариб, — слегка язвительно ответила мачеха.

— Я чувственный, — поправил ночной гость бархатным баритоном, — но, к делу, дорогая. Зачем ты звала меня?

— Моя падчерица во дворце. А вы проморгали такой удачный момент избавиться от девчонки. Она вернулась с доспехом из кожи саламандры. Понимаешь, что это значит?

— Девочка умудрилась выполнить одно из требований к наследнику престола..

— И не только. Вы могли безнаказанно убить её в Трясине. Кто бы стал разбираться, погибла она, сражаясь с саламандрой или её придушили твои идиоты. Меня не так бы волновало жива она или мертва, родись у меня нормальный ребёнок, а не этот урод.

Она брезгливо искривила губы, как будто говорила не о собственном ребёнке, которого девять месяцев носила под грудью, а о куколке мияги.

— Я предложила своему благородному муженьку объявить его мёртворождённым. И даже не предлагала уничтожить этого монстра, зная его глупую щепетильность. Вся родня моей няньки и повитухи, держит семейный Дом Услад. Они бы доростили урод до того возраста, когда его можно было бы продавать любителям маленьких мальчиков. У него столько достоинств для такой работы!

Слепой, значит не станет слишком страдать от вида некоторых посетителей. А чуть подрос бы, так зрелые сластолюбивцы были довольны его стерильностью.

Слышал бы ты как возмущался мой мужёк. А отчего спрашивается? Знает ведь, что у нашей расы эта профессия не считается недостойной. Мы возвели любовь в искусство.

Мне стало понятно о чём мог думать отец, когда я озвучивала подозрения по поводу мачехи. Я была уверена, что если заговор был, то она о нём знала.

— А теперь пойдут гулять разговоры среди простолюдинов, — между тем, продолжила она, — ты смотри, Гариб, чтоб твои люди не провалили всё и тут. В народе не должны даже помыслить, что в этом есть хоть толика моей вины. Всё должны приписать мужской

несостоятельности короля. Припомните его мёртвого ребёнка. И поверните молву куда нужно. А там можно и снова попробовать родить. Только теперь я найду для этого любовника.

— Почему не меня? Нам было хорошо вместе, дорогая..

— Не хватало мне родить жгучего брюнета. Нет уж. Попрошу няньку поискать блондинистого мальчонку пожарче. А ты, Гариб, — она шаловливо пощекотала кончиками пальцев ложбинку на его груди, — тоже в накладе не останешься. Нам и вправду было хорошо. Только вот рожать от тебя я не стану.

И она бесстыдно потёрлась бёдрами о его бёдра, обхватив мужчину за талию и чуть откинувшись назад. Тот наклонился и пошарил губами в её декольте.

— Щекотно, твои усики, — противно захихикала мачеха, и я почувствовала ещё один рвотный позыв, которые подкатывали во всё время этого мерзкого разговора.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мужчина подтянул вверх подол её платья и начал гладить ноги и ягодицы мачехи.

— Твой муж не станет искать тебя в спальне? — с пробившейся в голосе хрипотцой спросил он, торопливо и грубовато освобождая из корсета грудь мачехи и жадно обхватывая губами её сосок.

Она застонала и проворковала.

— Мой благородный муж изволил наказать меня за недостойное предложение и не посещает мою спальню уже несколько дней. А мне нужна ласка.

Любовник быстро подхватил её под ягодицы и посадил на стол, торопливо задирая юбку. Потом он повозился у пояса и я, едва удерживаясь от негодования, увидела как она обхватила его бёдра ногами и откинулась, упершись руками в стол. Мужчина резко толкнул бёдра вперёд и мачеха сладко застонала. Он задвигался, то и дело меняя ритм, и я слышала все их вздохи и стоны, пока всё не завершилось наконец рычанием мужчины и сдавленным выкриком мачехи.

Ещё через минуту, она, с его помощью, соскочила со стола и, как ни в чём не бывало, одёрнула юбку и толкнула мужчину в сторону выхода.

— Я сообщу тебе, если будет подходящий случай решить проблему моей падчерицы.

— А какая у неё проблема? Может с девственностью? Я бы порешал... — гаденько пошутил Гариб.

— Это у меня с ней проблема. И нешуточная. Если сможешь её прикончить так, чтоб ничто не указывало на нас, то её девственность меня мало волнует. Повеселитесь хоть всей командой. А то, если она вернётся в Ковен, вам её не достать. Даже, если сможете купить какого-то мальчишку, типа того красавчика сидхе, так, или он по неопытности своей обделается, или, скорее, нас подставит. Да ещё и скрыть ничего не сможет, как только к нему менталист подойдёт. А там их хватает.

Хорошо ещё девчонка такая же благородная, как папочка. Хотя говорят вся в него в ментальной магии. У мальчишки в голове не шарил. Не этично... И отец такой же дурак. Только я всё равно амулет под кожу вшила. Только не блокирующий, а искажающий. Отец дал, — она снова пихнула собеседника в спину, — всё. Иди.

И, не оглядываясь, мачеха пошла вглубь дворцовых покоев. А мужчина, покопавшись в поясе своих облегающих брюк, заправил выбившуюся рубашу и застегнул широкий ремень.

Он шёл к лестнице и даже тихонько насвистывал. И не заметил как от стены подземного хода отделилась тень и скользнула ему за спину. Короткий удар и Кимат Зар

подхватил обмякшее тело Гариба и поволок в сторону тюремных камер. Я едва сдержала крик. Прижалась к стене, как будто глава безопасности мог меня увидеть.

Ну, чтож, я рада, что желающий порешать мои проблемы, нарвался на свои в лице Зара. Интересно, тот просто ждал его на обратном пути или стал свидетелем той мерзопакостной сцены, которую так не повезло лицезреть мне. Как-то не так мне хотелось познакомиться с тем, что происходит между мужчиной и женщиной. Если он слышал их беседу, то, наверняка, обеспокоится узнать, где разместились, упомянутая любовниками, команда... Ну, не мне учить старших, как любовью заниматься. Зар и сам знает все тонкости своего дела.

Как только он скрылся за ближайшим поворотом подземных катакомб, я понеслась к выходу из туннеля.

— К Тёмному все наши ссоры, мне сейчас нужен сидхе. Моя душа как будто вываляна в Трясине..

И тут же устыдилась.

— Что за дурная привычка поминать Саота в подобных ситуациях? Пусть это делают те, кто не знает его, а я не должна.

Я бежала пока не вырвалась в объятия ночного леса. Свежий ветерок гулял между деревьев. Оглядев окрестности, я не нашла Лами нигде. Кусая губы, я почти плакала.

— Неужели он улетел? Обиделся и не стал дожидаться, пока я надумаюсь попросить прощения за свою резкость?

Я остановилась и почти решила повернуть назад, когда услышала за спиной тихий клёкот Витре.

Я увидела тёмный силуэт вигоня на фоне ночного неба. У его ног, привалившись спиной к стволу дерева, неподвижно сидел Лами. Голова свесилась вниз, упираясь в грудь подбородком, рука беспомощно лежала на траве.

— Что это? — внутренне охнула я, — он... умер? Неужели этот проклятый метаморф наткнулся на него у входа в подземелья и убил? Или это его люди?

Я испуганно оглянулась и губы мои задрожали. Вигонь не видел меня, но почувствовал моё присутствие и громче заклекотал. Лами вдруг вскинулся и торопливо вскочил на ноги. Я судорожно вздохнула и ком внутри отпустило, как будто разжалась рука, которая стискивала сердце до острой боли.

Прижавшись к дереву, которое нас разделяло, я повернула кольцо и шагнула навстречу сидхе. И упёрлась прямо в него. И пребольно стукнулась лбом в его подбородок. Только ему, видно, всё же досталось больше. Потому, что он охнул, и даже зубы клацнули так, что я это отчётливо услышала.

— Прости, — жалобно залепетала я.

— За что? — сморщившись от боли и, одновременно, пытаясь улыбнуться, спросил он.

— За всё, — покаянно сказала я и, обхватив его руками, изо всех сил прижалась щекой к груди.

Он неопределённо хмыкнул, обнял меня и задышал в волосы. Какое-то время мы оба, молча, вдыхали запах друг друга.

— Я думал ты не придёшь. Ждал, ждал, а потом незаметно уснул.

— А я сначала решила, что ты улетел, обиделся на меня... А потом нашла и... испугалась... думала тебя убили..

Кто? — с непониманием в голосе спросил Лами, — почему меня должны были убить?

— Ну, я шла к тебе... — и быстро, без лишних деталей, о которых вообще не знала как говорить, рассказала сидхе и о Гарибе, и о мачехе, и о Заре. А потом, поведав конец истории, без всякой логики перешла к началу и пересказала всё, что случилось с того момента, как мы расстались.

Сидхе, в принципе не слишком говорливый, слушать умел безупречно. Он не перебивал, не раздражался, когда я, увлекаясь, перескакивала с одной мысли на другую, только иногда, чувствуя мои эмоции, сжимал тихонько мою ладонь, поднося её к губам.

— Ну, что ж, — в конце концов, пожал плечами он, теперь нам не нужно искать доказательства заговора.

— Но, при мне они ничего о заговоре не говорили. То, что она обманывает отца, даже то, что собиралась родить от любовника, говорит только о том, что она слишком распущена... и то, по нашим понятиям. Но для метаморфа это почти нормально. Даже то, что нам дико и странно слышать — её планы по отношению к собственному ребёнку, для её расы не такая уж и дикость. Разве ты не слышал, какие ходят слухи о том, как они поступают с подростками, когда их вторая сущность приходит во время Тёмной луны?

— Я слышал только то, что они впадают в безумие и это может оставить отпечаток на их внешнем виде в период окостенения.

— И это так, но большинство таких несчастных, а многих из них можно с большей уверенностью назвать уродами, чем моего маленького братишку, так вот, говорят, что есть

специальные Дома Услады, куда семьи таких продают за большие деньги. И не только среди метаморфов попадаются клиенты, падкие на всякие отклонения во внешнем виде. За таких даже платят больше.

Когда-то, года три-четыре назад, я слышала разговор между гвардейцами и наёмниками, которые патрулировали Приболотье на границе с нидлами. Мужчины, нанимались на год и не собирались всё это время обходиться без женщин. Сам знаешь, у метаморфов в каждом посёлке есть Дом Услад. Вот в одном из них они в такой уродский и попали.

Нет, на самом деле они не все страшные. Просто странные, необычные. Так, во всяком случае, разъясняли наёмники. Только они описать это, как следует не могли. Говорили, это надо видеть. И ощущения, видимо, тоже сильные. Я так поняла, что некоторых людей возбуждает ощущение запретного.

Выдав эту глубокомысленную фразу, которая мало вязалась с моей неопытностью в вопросах любви, я почувствовала сильное смущение. И покраснела до кончиков ушей.

Но Лами, или сделал вид, что моего смущения не заметил, или смутился сам, но эту тему обсуждать дальше не стал.

— Знаешь, Ли, поскольку Гарибом занялся ваш глава безопасности, скорее всего, что твой отец успел с ним переговорить. Если даже нет, и он трезвее твоего отца оценил сущность его жены, и просто подловил её на измене, то король всё равно об этом узнает. И к вопросам о неверности добавятся более серьёзные.

Пусть жена считает его благородным дураком, но, по моему мнению, благородство и глупость находятся совсем в разных категориях. Я не думаю, что король бросится к жене с разборками по поводу её шашней на стороне, когда речь идёт о попытке сломать, по крайней мере, одну колонну на которой держится крыша государства.

О том, что Гариб попал в руки Зара, твоей мачехе неизвестно. О том, что он вряд ли здесь один, тоже догадаться не трудно, даже если Зар не присутствовал при их... разговоре.

С трудом отыскав последнее определение, явно, чтоб не смущать меня, Лами, видимо, сбился с мысли.

— Я тоже молчать не стану, — набычилась я, — и расскажу отцу всё, что видела.

— Не стоит, Ли, — сидхе явно, не очень хотел опять вторгаться с нравоучениями в мои семейные разборки. Наша ссора тоже произошла на этой же почве. Но на этот раз я решила послушать его соображения. Всё таки он, как и отец, мужчина и гораздо старше меня.

— Почему? — коротко спросила я.

— Потому, что мужчине, сам факт того, что его жена принадлежала другому, причиняет немалую боль. А то, что свидетелем этого стал не просто кто-то, а дочь, для которой и так его второй брак, в какой-то мере, предательство по отношению к умершей матери... ну ты же понимаешь... Ты умная девочка... Как ему выслушивать это от тебя. Зар выпотрошит Гариба, как сосун саламандру. До капельки. Если я вообще что-то понимаю в людях этой профессии.

— Наверное, ты прав, — поразмыслив, согласилась я.

— А обо мне ты сказала отцу? — как-то неуверенно поинтересовался сидхе.

— Сказала, — потупилась я, с затаённым страхом ожидая, дальнейшего развития темы.

Он помялся, явно надеясь, что я продолжу. Но я молчала. И он не спросил. Гордый... Но я и вправду не знала что ему сказать. Я озвучила отцу все свои чувства и сомнения. Но он не торопился высказывать мне свои советы.

— Девочка, — только и сказал он, — тебе надо учиться, ваши отношения в самом

начале, и время ещё может всё изменить. А, потом, ты всё знаешь о долге. Не возможно бороться за соблюдение законов, если сам отказываешься их исполнять. Пока что, я ещё молод, но боги могут изменить наши планы. Ты, со своей юной верой, что всё должно быть хорошо, дала мне надежду на возможность метаморфозы роста нидлов. И, может быть, наш мальчик и вправду вылечит себя сам. У двусущих, если он пошёл в мать, это становится видно очень быстро.

Я не стану тебе мешать. Даже если тебе придётся исполнить долг, то ты вправе узнать что такое любовь. В конце концов, надежда, что предсказание деда твоего сидхе о том, что кровь наших родов должна соединится, и это может касаться вас двоих, тоже не вполне беспочвенна. А пока, мне будет спокойнее, если он побережёт тебя. Пусть проводит до Ковена. А дальше время покажет.

Только вот богов в ваши отношения не вмешивай. У них свои резоны. Не проси у них о любви. Всё равно они в ней не властны. И к чужому счастьем ревнивы.

Я понимаю почему отец говорил так. Он не простил маму ни её Гуангуну, ни богу хомо Езусу. Только разве Саот такой?

Наверное, я молчала слишком долго. И сидхе отстранился и сдержано сказал.

— Тебе надо поспать. Я буду здесь каждую ночь, как договорились. И обязательно буду присматривать, чтоб не было других гостей. Теперь я буду настороже. И днём поброжу по округе. Может кто-то заметил чужих людей.

— Вот этого не надо. Если за дело взялся Зар, да, наверняка, и Гюнтер будет в курсе, то скорее тебя в кругу чужих загребнут, чем ты кого-то найдёшь. Неужели ты думаешь у главы безопасности для этого людей не хватит? Наоборот, найди тихий постоянный двор и отдыхай днём, не привлекая лишнего внимания. Возможно, люди жрецов Веледа и тебя ищут.

Если твоего брата убили за то, что он что-то узнал, как думаешь они воспримут то, что ты крутишься в окрестностях дворца? Даже не зная о том, что мы знакомы. По их понятиям, ты можешь хотеть отомстить за брата, нарушив их планы. Ведь вы встречались и говорили..

Лучшей помощью, от тебя, будет, доставить меня в Ковен невредимой. Когда я объявлю, что возвращаюсь на учёбу, кто-то во дворце может передать это людям Гариба. Ведь мачеха за ним не сама бегала. И не факт, что здесь только одна такая группа. Насколько я помню, Зар на любое задание готовил не меньше двух групп. Не зависимых и, часто, даже не знающих друг о друге. Так что, если из метаморфа о его людях сведенья вытрясут, то другие тоже могут быть. Помнишь ведь, целая сеть должна была формировать, выгодные жрецам, слухи.

Так что я назову дату отъезда, а сама вечером выйду к тебе и мы улетим на Витре. А Гюнтер и Зар вполне на морока засаду могут устроить. Отец менталист, Зар тоже. Что им стоит создать достоверный фантом принцессы Лири и направить её с отрядом в Ковен? Они будут готовы к нападению. И таких, как солдаты Гюнтера и разведчики-тени Зара, голыми руками не взять. Они хорошо пощипают заговорщиков, и только рады будут выманить их на ментальную приманку.

Лами проводил меня до самого выхода из подземелья. Его нежный прощальный поцелуй успокоил меня и от боли нашей размолвки ничего не осталось.

— Побереги себя, — шепнула я, убегая.

В начале подземного хода, я ещё была вся в продолжении беседы с Лами. И даже забыла о кольце. Но на том месте, где коридор раздваивался, и я разошлась с Заром, в голову пришла мысль, что время, когда я обычно засыпала давно прошло. Спать не хотелось совсем. А завтра ничего особенного, кроме официальной встречи с мачехой, назначено не было. Как я буду смотреть ей в глаза, я не знала. Поэтому очень хотелось это событие оттянуть подальше.

Может повернуть колечко и посетить подземную темницу? Не так долго мы пробыли с Лами. Может я ещё услышу что-нибудь важное. Нарваться на неприятное зрелище какой-нибудь пытки я не боялась. Зару хватит его уровня ментальной магии, чтоб разговорить пленника.

Но, к моему удивлению допрос даже не начался. В большом подземном зале обстановка была аскетичной. Посредине громадный, грубо отёсанный, каменный валун в виде прямоугольного постамента. В него, магическим способом, вделаны кольца с наручниками. Это был единственный предмет, который напоминал настоящую пыточную из древних легенд. Наручники, естественно, тоже были зачарованы. Ключей от них не имелось. Нужно было знать специальное заклинание, чтоб открыть их. Без этого, освободить пленника можно было, только отрезав ему кисти и ступни.

Остальная немногочисленная мебель состояла из трёх, грубо сколоченных табуретов и стола. На столе стоял глиняный кувшин с водой. И пыльная бутылка вина, которую, видимо, принесли из винного погреба, находящегося совсем не далеко отсюда. А также, два, несколько неуместных здесь, изящных бокала. Наверное, их захватили в погребе. Там, кажется есть посуда, для дегустации вин.

— Почему он не поддаётся ментальной магии, — слышала я голос отца, ещё как следует не разглядев всего помещения. Огонёк, магический шарик, тускло-зелёного света, бросал на лица отсвет, благодаря которому присутствующие были похожи на мертвецов.

Я приблизительно прикинула время, которое отец и Зар могли потратить на допрос. Пока глава безопасности оттащил сюда бесчувственного Гариба, пока приковал, для чего надо было взгромоздить на возвышение бесчувственное тело. Потом должен был сходить за отцом. Привести его сюда. Вполне возможно, даже поднять его из постели.

Наверное, они попробовали разговорить пленника сразу. Но что-то пошло не так. Если им захотелось притащить из погребов бутылку вина. Два недопитых бокала на столе, и табуреты возле, говорили о том, что какое-то время они обдумывали и обсуждали создавшуюся загвоздку.

— Не знаю, я обыскал его на предмет блокирующих артефактов сразу. И мы вдвоём искали свежие швы.

— Если он привязанный с детства, что вполне возможно, — задумчиво рассудил отец, — то амулет могли вшить давно, ещё когда он был ребёнком. Привязанные не могут солгать хозяину, под страхом немедленной смерти. А остальным их мысли слышать не полагается. Детские шрамы рассасываются хорошо, особенно, если свежему порезу помочь магией, то и следа не останется. С него надо кожу содрать, чтоб обнаружить амулет.

— Что, мерзавец, содрать с тебя кожу? — Зар нарочито оскалился и наклонился над Гарибом. Магический огонёк метнулся пониже, к самому телу пленника, которое оба

мужчины снова стали внимательно разглядывать. Только теперь я, наконец, увидела, что пленник полностью обнажён.

— Даже, если мы найдём амулет, привязанный может быть зачарован на смерть, если разорвать связь с амулетом. Слишком много тайн хозяина ему может быть известно. Неужели придётся пытать его по-настоящему? Уж больно это мерзко. И никаких гарантий, что он не постарается солгать и пустить нас по ложному следу. Наверное, всё же придётся рискнуть и поискать амулет. Что-то долго не возвращается Нокий. Ты ведь уже довольно давно послал его за Оком. Пусть оно показывает только чёрную магию, но проверить всё же стоит.

Зар выпрямился и на его лбу пролегла глубокая складка.

— Ты прав, я отвлёкся и не обратил внимания сколько времени прошло. Я отправил его ещё тогда, когда пошёл за вином. Больше часа прошло. Побудь здесь. Я должен проверить кое что.

Зар, почти бегом, бросился в сторону дворцовых покоев. А отец склонился над Гарибом. Лицо его выражало боль, которую он скрывал в присутствии друга.

— Я не соврал, когда сказал, что не люблю пыток. Особенно долгих, — не знакомым и очень зловещим голосом, как будто нарочно затягивая слова, проговорил он, — но ведь нам не понадобится много времени, не правда ли? Все знают, где у метаморфа самое слабое место.

И он, с протяжным металлическим взвизгом, потянул из ножен кинжал. Гариб, как-то судорожно заёрзал по камню.

— Может сделаем тебя девочкой? Чтоб не тянуло на чужих жён... И проблемы с девственностью принцессы тебя волновать перестанут..

Отец положил на живот нидла кинжал плашмя, острым краем направив к паху. Потом медленно-медленно начал опускать его вниз. Метаморф захрипел и извиваясь, начал сдвигаться к краю, стараясь подтянуть колени, пока руки в кольцах наручников не побелели, напряжённо вытянувшись.

— Ты можешь меня убить, король, — прошипел он, пытаясь скрыть предательскую дрожь в голосе, — всё равно я умер уже в тот момент, когда твой цепной пёс поймал меня. Если я попытаюсь сказать тебе хоть что-то недозволенное, всё равно сдохну. На мне печать молчания. Ты же знаешь что это?

Отец кивнул. Даже я знала, что это такое. Печать молчания — чёрное подчиняющее заклинание.

— Ну, что же, — если ты мне бесполезен, я, по крайней мере, смогу принести жертву своей оплётанной чести. Пойдёшь к своему Тёмному богу. Моя девочка пыталась меня убедить, что он не жесток, а справедлив. Вот пусть он тебя и судит.

Я хотела повернуть кольцо на пальце и сказать отцу, что не стоит уподобляться людям, которые считают, что если кожа у Саота чёрная и живёт он на Чёрной Луне, то можно посвящать ему всю мерзость и темноту, что накопилась в душах. Что они не знают, что значит служить Богу по-настоящему. И, что, даже не зная мест для Храмов, в которых можно донести свои слова до Саота, однажды можно и вывести бога из себя, и заставить его показать всем свои настоящие лица, как случается с двусущими, попавшими в окостенение в Жестокие годы.

Я думала, что на Чесмене уже есть племя саламандр с полным соответствием душевной сути и внешнего вида. Но, помня слова Лами, я так и не решилась подвергнуть отца такому

унижению. Ведь не даром он позволил себе обнажить чувство оскорблённого мужчины только тогда, когда его друг оставил его наедине с пленником.

Я не боялась, что отец исполнит свою угрозу. Он никогда не стал бы решать вопросы чести со связанным противником. Это была чисто психологическая атака. Сейчас он король, а не мужчина. Он должен добраться до корней заговора.

В этот момент вернулся Зар. Он выглядел взбешённым и... виноватым. Отец подошёл к нему и они вместе вышли в коридор, где у самой решётки пряталась в тёмном уголке я.

— Нокий бежал, — прошептал глава безопасности отцу, — и королева с ним. Прости, друг, я виноват. Это был мой человек. А я не рассмотрел в нём предателя.

И он скрипнул зубами от злости.

— Я уже дал распоряжение своим людям. Но, если у Нокия поблизости был вигонь, то нам их не догнать. Радуйся, что эта гадина развязала тебе руки.

— Не уверен. Сейчас и так народ гудит о моей вине в рождении больного ребёнка. А, если они ещё и пустят слух, что я убил свою жену, дочь верховного жреца Саота и Хранителя Храма Веледа... Ведь теперь я не смогу предъявить им Лору живой. А доказательств подлога выбора Веледа у меня нет. Принцесса удивительно вовремя добыла свой доспех. Может случится так, что мне придётся отказаться от власти в её пользу.

Я внутренне застонала.

— Не хочу! Я должна добыть эти проклятые доказательства или мне придётся просить помощи у Саота. Пусть он покажет чего стоит тот, кто называет себя его верховным жрецом.

— Ты мне нравишься, маленькая принцесса, — прозвучал в голове знакомый и чуть печальный голос, — только правило для общения богов и смертных нерушимо — просишь чего-то, будь готов заплатить цену. Хотя бы попробуй сначала справиться сама.

Теперь у меня стало ещё больше сомнений, стоит ли обнаруживать своё присутствие здесь. А ещё больше удивляло, почему и отец, и, более того, Зар, ментальный дар у которых очень сильный, а у главы безопасности, в силу профессии, ещё и раскачанный, до сих пор не пробили мои ментальные блоки и не обнаружили моего присутствия.

Хотя Зар, приблизившись к моему убежищу, для оглашения неприятных новостей, слегка принюхался и нахмурился. Лилу, ранее питающиеся кровью, сохранили несколько более сильное обоняние, чем остальные расы. Об этой способности, давно забытой людьми, узнали недавно, когда некоторые из них стали возвращаться к старым привычкам и начали множить трупы. Их ловили, как обычных убийц, извращенцев, для которых убийство — способ удовлетворения порочных инстинктов. И допросы выявляли связь между возвращением к диким инстинктам со звериными повадками. Но Зар, как и сказал Гарибу отец, кровь не употреблял. А потому, видимо, этим лёгким инстинктивным беспокойством и ограничился.

— Надо сыграть на опережение, — сделав паузу для размышлений, сказал глава безопасности. Слухи, явление обоюдоострое, и если мы опередим известие о смерти королевы, известием о её побеге, а значит косвенное признание каких-то коварных планов, то их запоздавшая новость превратится в попытку оправдания. А это всегда вызывает недоверие. Если кто-то пустил слух, что у тебя по ночам глаза светятся синим, и все в это успели поверить, то потом доказывай, что ты не скальная нежить.

Сейчас же, я составлю специальный королевский указ, где будет назначена награда, за поимку Лоры, с указанием, чтоб доставили её непременно живой и невредимой. Не станем заранее очернять королеву, и дадим ей лазейку, которой она сможет попробовать воспользоваться, если её загонят в угол. И предпочтёт сдаться "благородному дурачку мужу", надеясь оправдаться и покаяться. А ещё отработать свои вины в постели... Ты же сам знаешь, метаморфы не в состоянии понять, что для других рас, секс может и не являться основополагающим способом существования. Мы не будем озвучивать версии, где не имеем достоверных доказательств. Скажем, что возможен вариант похищения королевы. Так как во дворце обнаружен лазутчик, а так же пропал ещё один из моих подчинённых, которого так же надлежит доставить живым... по возможности, так как, даже если он не участвовал в чём-то злонамеренном, то явно допустил профессиональную несостоятельность. Она, безусловно, знает о условиях привязки Гариба и уверена, что самых страшных тайн он не выдаст. Их встреча, по большей части, встреча любовников. Да, в ней звучали амбициозные претензии на правление, но... о заговоре не было ни слова.

Этого, — он махнул головой в сторону Гариба, — надо сохранить целым и невредимым тоже. Сможем выставить его к позорному столбу и создать видимость, что мы ничего не скрываем от народа. Устроим публичный допрос. Если он подохнет на глазах у всех, будет ясно, что мы его не замучили тайно, стремясь скрыть какие-то секреты, а попали на привязку, которая сама по себе, суть, чёрная магия. И предполагает дурные намерения, которые хозяин привязанного предпочитает не предавать огласке.

Ты хотел пока побережь принцессу от интенсивных попыток покушений. Хотя, она сама притянула внимание на себя, своей храброй, но неосторожной выходкой в трактире. Я не спорю, что она нам на руку, и пока будет медленно расползаться, как слух, девочка успеет

вернуться в Ковен. Но, если какая-то провокация жрецов удачно сыграет против нас, мы будем вынуждены включить её в политическую игру. В конце концов, она будущая правительница. Извини, но у меня гораздо меньше надежд, связанных с твоим сыном, чем у тебя или самой принцессы.

Если бы у нас только были малейшие доказательства, даже просто обоснованные сомнения, чтоб арестовать Хранителя Артефакта, или хотя бы устроить проверку, не был ли Выбор Веледа подтасовкой... Но ведь ни в одном законе не сказано, что этот выбор не может пасть на родственников служителей Артефакта. Свидетельства сидхе, который будет утверждать, что королевой должна была стать его сестра, сам понимаешь, свидетельства лица заинтересованного. Выказать недоверие жрецам и провести другую процедуру выбора, тем более признать твой брак недействительным, всё это возможно только при наличии очень серьёзных резонов.

Так что, в ближайший час, я принесу тебе готовый указ на подпись, подниму всех магов с малейшим даром, чтоб побыстрее размножить его и подниму всю вигонью почту, чтоб он разлетелся по стране моментально. А разговор, с уточнением всех сопутствующих мелочей, продолжим, когда главное дело будет сделано. Сейчас время просто обязано работать на нас. Иначе оно станет работать против. И Зар исчез. Иногда он пользовался порталами, хотя очень этого не любил. Это была его главная и единственная фобия. О которой я тоже благополучно подслушала.

— Саот! — мысленно вздохнула я и в очередной раз стыдливо потупилась, — кажется, правда, что боги видят нашу сущность лучше нас. Ты подарил мне вещь, которая наиболее подходит к моему самому распространённому времяпрепровождению — подслушиванию чужих тайн. Интересно, если бы ты, по обыкновению, решил показать людям мою истинную суть, то сделал бы мне огромные уши?

Мне показалось, что я услышала в голове весёлый и раскатистый смех бога. В нашем ночном разговоре, я слышала такой смех всего пару раз. И уже тогда удивилась, как меняется его резкое и суровое лицо, когда он так искренне веселится. И каким красивым и обаятельным оно становится. Если бы кто-то его видел таким, разве стал бы упоминать его имя при всяком не приятном событии и неудачном происшествии?..

Однако, я ведь тоже должна подумать. Я ещё не решила, что я сама могу предпринять в этой ситуации. Мои планы, по крайней мере, пока, не предполагают резкого перемещения моего сидалища на королевский трон. И я собираюсь всеми силами помешать этому, оставив на этом завидном местечке папочкину задницу. Пусть сидит, пока сам к богам не запросится. А я ещё пожить хочу. Если удастся, конечно. Я, ведь, в самоубийцы тоже не спешу. Хочу любить, целоваться, путешествовать с Лами по Чесмену. Ну, и доучится не мешало бы.

Хотя я всё таки нашла возможную причину нечувствительности двух хороших менталистов к моему присутствию. Источник. Я не приобрела умений, дающихся каноническим образованием, но в меня впили столько дурной силы, что её, вполне возможно, для такой цели вполне достаточно.

И я, воспользовавшись тем, что Зар исчез, а отец вернулся к Гарибу и уселся за стол, хмуро поглядывая в его сторону, и грубо ухватив в ладонь хрупкий изящный бокал, тихонечко отступила из своего укрытия. А потом резво помчалась в свою спальню. Мне надо было подумать. Может послушать в голове язвительные возражения Труми, который, точно, жутко обидится, что его лишили личного лицезрения таких интересных и важных событий.

Его грубоватые шуточки помогали мне думать. Это как второе я в твоей голове, которое ещё и мыслит не по твоим стандартам. Чем не помощник?

Труми восседал на моей постели, статуей немого укора. И, когда я появилась в спальне, с видом маленького, несправедливо наказанного малыша, ткнул мне в лицо, обожжённый сторожевым заклинанием, ноготок указательного пальца.

— И что? — я тоже умела играть в оскорблённую невинность, — я предупреждала, что на двери стоит заклинание. Нечего было пальцы совать.

— Ну-у-у.- ещё более обиженно, протянул плакальщик, — во-первых ты сказала, что в спальню никто не войдёт... а я хотел выйти..

— А во-вторых, из-за бессонницы, тебе вдруг срочно стало необходимо наносить ночные визиты обитателям дворца? Или у тебя начался голодный обморок, после бочки еды, которую ты упихал в себя на ужин и ты решил проведать кухню? Или..

— Ну, вот какая же ты злая... — перебил меня Труми, — правильно с тобой Лами поругался.

— Это не он со мной поругался, а я с ним, — сердито заявила я, а потом добавила злорадно, — и вообще то, мы с ним уже помирились.

— Ну и какой же ты мне дружочек после этого? — запыхтел от обиды плакальщик.

— Каким бы дружочком ты мне не был, в изголовье брачной постели я тебя не поставлю.

— У-у-у! — хитро воскликнул плакальщик, — уже до этого дошло?

— С чего ты взял!? — Я замахнулась на него полотенцем, которое уже взяла в руки, намереваясь пойти ополоснуться, после пыльного подземелья. И... тут же представила как двусмысленно прозвучала со стороны моя последняя фраза.

Плакальщик противно захихикал. После чего, полотенцем я его всё таки приголубила.

— Вот за своё ехидство, сиди и жди, пока я отмоюсь. А уж потом решу рассказать тебе всё, что было или нет.

— Бе-бе-бе, — высунул тоненький длинный язычок Труми, — можно подумать ты бы взяла меня с собой в ванну, будь я примером дворцового этикета в сочетании с рабской покорностью.

Я хмыкнула и демонстративно щёлкнула за собой задвижкой. Потом набрала полную ванну воды и бросила в неё огонёк заклинания. Полупрозрачные бортики из оникса засветились мягким жёлтым светом. Очень скоро вода приобрела приятное тепло и огонёк поднялся и завис над поверхностью воды.

Я влила туда жидкость с лёгким оттенком запаха моих любимых сиреневых глиоцений и, сняв пропылённую одежду, со вздохом удовольствия опустилась в воду с головой. Полежала, задержав дыхание и, широко раскрытыми глазами, глядя на тёплый шарик света из-под воды, подумала, что не сразу обратила внимание на сколько меньше времени и усилий понадобилось мне, чтоб согреть воды для купания.

Я вынырнула и сняла ментальный блок полностью. И тут же услышала целый рой недовольных мыслей плакальщика, который в нетерпении отирался у дверей ванны.

— Я и тебя стала слышать дальше, — без всяких оправданий и язвительных перешучиваний заявила я плакальщику.

К слову, я уже выучила довольно много слов на языке саламандр. И, если строить предложения и говорить мне было ещё очень трудно, то понимала я уже довольно много. Странно, но некоторые слова из их языка присутствовали в обиходе метаморфов и лилу.

Когда я это обнаружила, в моей голове, с участием Труми, конечно, сложилась ещё одна мозаика. И этим я собиралась воспользоваться в своих планах. Наравне со всей другой информацией по древней истории Чесмена и его Первобогов, которую я узнала в своём походе в Трясину. Но всё равно словарный запас был ещё маловат и в обычном разговоре я добавляла немножко ментальных картиной и эмоциональных реакций.

Мы обсуждали события с плакальщиком всё время, пока я нежилась в купальне, одевалась и расчёсывала свою длинную гриву. Когда я влезла в постель, план действий в общем был набросан. Не нужно говорить, что в истории с мачехой, для Труми, по совершенно определённым причинам, пробелов не оказалось. И я очень удивилась, будучи готовой к граду скабрёзных шуточек со стороны нахального плакальщика, когда он, увидев моими глазами любовную сцену между Лорой и Гарибом, тихонько и сочувственно погладил меня по руке.

Я ещё продолжала какие-то стратегические построения, когда, незаметно для самой себя, провалилась в глубокий сон. Труми приблизился ко мне, прислушался к моему ровному дыханию и легонько потёр пальчиком с обгоревшим ногтем чёрное алмазное колечко на моей руке.

В спальне раздался лёгкий вздох и появилась полупрозрачная фигура высокого темнокожего атлета, которая склонилась над спящей принцессой и долго-долго разглядывала с нежностью её умиротворённое, немножко детское личико.

Утро, точнее рассвет, ворвался в комнату со звонкой заливистой трелью птички бон. Сменяя друг дружку, поколение за поколением, эти маленькие не броские, но очень голосистые птицы селились на ветвях дерева под окошком моей спальни. Я спала совсем недолго, но выспалась и чувствовала в теле такой покой, как будто вчера вечером меня укладывала спать мама. Даже ощущение было, что пока я спала, кто-то гладил меня по голове тёплой ладонью.

Я сняла охранное заклинание с окна и распахнула его створки. Свежий утренний воздух ворвался в комнату, а пение стало громче. Когда поёт птичка бон, чувствуешь себя счастливым. И сама певунья, не слыша ничего кругом, свешивает головку на бок и как будто впадает в транс.

Добыча была так мала, что охотников на неё практически не было. Когда-то птицеловы просто влазили на деревья и снимали серенькие комочки с дерева голыми руками, чтоб селить их в золочёных клеточках любителей сладких трелей. Но потом обнаружили, что в клетке они поют редко и быстро теряют охоту к жизни. Зато, если поселить птичку в сад, где у неё не будет конкурентов, любящих ароматный цветочный нектар, то её потомки будут селиться в этом саду постоянно, радуя хозяев утренними руладами.

Но, к сожалению, я слышала не только птичье пенье. Во дворе дворца было мало от умиротворённой атмосферы сада. Какая-то суматоха, громкие возгласы, стуки и лязганье. такое ощущение, что ночью во дворце и не ложились.

Мне не нужно было объяснять что происходит. Что бы не случилось, я была готова. Своё поведение я хорошо обдумала. Жалко только, что у меня не было возможности обсудить свои планы с Лами. Боюсь, что, реагировать на ситуацию придётся быстро, а решения в политике бывают порой небезопасны. Даже самых больших приверженцев осторожности, обстоятельства вынуждают иногда идти на риск. Те кто любят, от этого страдают больше всех. Но их судьба, либо плечом к плечу сражаться со страхом потерять близких, либо терять без всякой борьбы.

Чувство покоя сменялось, уже привычным в последнее время, напряжением. Я захлопнула окно и восстановила защиту. Потом пошла в купальню, а, вернувшись, очень тщательно подобрала наряд. Плотное облегающее чёрное платье. Очень закрытое, с воротником стойкой и разрезами по бокам до колена. И черная с белым кантом куртка из кожи морского таймаха. Блестящая, как воронённая сталь. Чёрные, выше колен сапоги на белой толстой подошве с высоким, но устойчивым каблуком. Из украшений только матушкин амулет с акваарином. И маленький церемониальный кинжал с россыпью мелких чёрных бриллиантов на ножнах, очень подходящих к колечку Саота.

Я смотрела на себя в зеркало и поймала одобрительный взгляд Труми из-за спины. Плакальщик тоже не спал оказывается и уже что-то там в своей головёшке прокручивает. Ложась спать я закрылась. Мне не хотелось, чтоб противная любовная сцена вызвала какую либо из откровенных реакций организма на потеху маленькому насмешнику. К счастью не снилось ничего. Ни кошмаров, ни сладких грёз и томлений.

— Спасибо Саоту за отсутствие снов, — эту фразу я обронила машинально, снимая защиту, чтоб поздороваться и поболтать с Труми и совершенно не поняла хитроулыбки растянувшейся до ушей зубастую пасть плакальщика.

Встретиться с отцом было необходимо, ведь я должна была скрыть, что всё случившееся за ночь для меня не тайна. Но ещё слишком рано. Может переменить подготовленный наряд и пойти потренироваться до завтрака? Но тут же в дверь постучали. Я подошла и открыла. За дверью стоял отец. По его виду стало понятно, что он точно не прилёт ни на секунду. Я молча отошла в сторону и пропустила его вовнутрь.

— Ты рано, и уже одета, — он тоже одобрительно и несколько озадачено осмотрел мой наряд. Моя подчёркнуто брутальная стилистика его озадачила, но не покорила. Скорее всего он размышлял оказался ли настолько подходящий выбор только следствием женской интуиции. Ведь он единственный был осведомлён о возможностях кольца Саота. И точно, взгляд отца быстро и настороженно скользнул по моей руке. Но вопросов он задавать не стал. Может не хотел откровенных ответов?

Я позволила ему ознакомить меня с удобной для него версией событий. Вчера к общему столу королева не выходила. Объяснялось её отсутствие плохим самочувствием после родов. Слабость и дурнота..

— Ну, да, ну, да. Видела вчера я её истинную слабость. А дурнота... Дурь скорее.

А сегодня после завтрака мне предлагалось навестить больную. Да, отец был гораздо менее откровенен со мной. Что это было? Стыд? Недоверие? Скорее первое, исходя из рассуждений Лами. И, наверное, то, что он от меня скрыл. О планах мачехи по отношению к судьбе брата. Отец, безусловно, был уверен в моём детском максимализме. Подозревал, что нежелание общаться с женой, я посчитала бы не достаточным наказанием. И в этом он был прав. Даже со скидкой на ментальность метаморфа.

Мне сообщили об отмене встречи и о причинах. Я ждала, что отец скроет факт измены. Но на сей раз, я получила почти полную версию событий. Без интимных подробностей, правда. Я не очень оптимистично восприняла эти откровения. Подумала, что отец не исключил возможности моей полной осведомлённости. Судя по вниманию к колечку. И поэтому я не посвятила его в свои планы. Мои соображения касаются только меня. И я несу за них ответственность. То, что я не желаю власти, не меняет того, что я обязана уметь принимать собственные решения.

— Я выросла, папа. Не уверена, что ты воспринял этот факт всерьёз.

Эта фраза сможет позволить мне сказать отцу, что я его предупредила. И пусть понимает её, как посчитает нужным. Все свои сомнения я озвучила ему предельно полно ещё вчера. Правда, вчера у меня ещё не было никаких, не то что готовых решений, но даже неясных задумок. Теперь, кое в чём, я уже определилась.

— Что там за суета? — кивнула я за окно, — неужели думаете уже сегодня порадовать народ хлебом и зрелищами?

— Пока только зрелищами, — не принял шутку отец, — и скорее всего малоприятными. Зар считает что скорость реакции сыграет на нас.

Я пожала плечами, скорее соглашаясь с этим мнением.

— В полдень, на площади у дворца, показательный суд. Ты обязана присутствовать. Как будто я возражала. Кивнула.

— От меня что-то требуется? — спросила я сухо. Всё таки меня обидела неискренность отца. Значит пора привыкать.

Отец болезненно поморщился и прикрыв глаза, устало потёр лоб.

— Надеюсь, ничего, — неопределённо сказал он, не желая озвучивать свои страхи.

Мне стало его жалко.

— Бедный папа... Столько горя на твою голову. Жаль, что дочери не те женщины, с которыми мужчины согласны делиться бедами, — с жалостью подумала я.

— Завтракайте сами. У меня ещё много дел.

Он наклонился и отстранённо поцеловал меня в лоб. Его уже здесь не было.

— Кто же это повернулся и вышел?

— Король...- тихонько прошелестел в моей голове Труми.

— Он меня слышал... а папа нет... Странно..

— Я тоже был у Источника. Ты забыла, что ли?

Площадь, к моему удивлению, была битком забита народом. Стоял гул многих голосов. Меня удивляла такая активность. Лето. Самая занятая пора для деревенских жителей. Когда день за три. Лето зиму кормит.

Но... слухи и необычное обилие событий распалили любопытство. Всё долгое время, со смерти мамы, наш дворец напоминал сонное царство. А тут такая возможность посудачить, поахать, потоптаться на чужих свежих ранах. Люди есть люди. Даже, если они нелюди. Вон, Труми, тоже не захотел оставаться во дворце.

Я не сильно старалась обратить внимание на свою персону. Наоборот, шла за отцом темной маленькой тенью, пока мы поднимались на помост, где собрались, кроме отца и члены совета. Ну, по крайней мере так мне казалось. Ещё и Труми влез мне на руки, хотя я, честно говоря, вышла из себя от злости. Весь мой суровый вид катился к чёрту. Я стала похожа на девочку, которая пытается выглядеть взрослой, тиская в руках любимую меховую игрушку. О чём не замедлила сообщить плакальщику.

— А ты бы хотела выглядеть легендарной королевой Ринарой? — вроде бы, без всяких насмешек поинтересовался мой волосатый дружок, и стоило мне согласиться, — гад проклятый... нахал невоспитанный! Он заявил мне, что для этого мне надо было бы отрастить бюст размера на три побольше!

Моё злобное шипение вызвало такие недоуменные переглядывания, что я заткнулась и сцепила зубы, надеясь страшно отомстить обжоре, самой страшной местью. Пусть забудет про рыбку, на ближайшую неделю, как минимум.

Ментальный возмущённый писк, вызвал у меня широкую блаженную улыбку. И ещё несколько удивлённых взглядов.

— Нет, надо учиться держать себя в руках, а то скоро советники решат, что и дочь у короля неадекватная.

Гариб уже стоял у позорного столба. Брюки ему вернули. Но верхняя половина тела была обнажена. Как по мне, с точки зрения женщины, это была ошибка. Деревенские девицы так явно пускали слюну на мощный торс метаморфа, что будь он даже убийцей королевы, ему бы посочувствовала, по крайней мере, голодная часть женского населения от семнадцати до семидесяти.

Метаморфа никто не пытал и не мучал. И физически он был в полном порядке. Но, он понимал, что допрос, фактически, профанация и спасти свою жизнь ему не удастся.

Я боялась только одного, не захочет ли Гариб унижить отца при его подданных сообщив, что королева была его любовницей. Ведь так и так ему умирать. Была слабая надежда, что хозяином привязки мог быть Верховный жрец и он мог обезопасить дочь от подобных высказываний, если строил на её счёт крупные планы по захвату власти.

Слушала допрос я не слишком внимательно. Да и слушать пока было особенно нечего. Умирать Гариб не торопился, поэтому упрямо молчал. Народ распалялся всё больше. Стали

слышны выкрики, что король, видимо, не слишком хочет найти королеву, или недостаточно твёрд для пытки. Зар наклонился и что-то прошептал отцу.

— Проследите за крикунами, — услышала я едва слышный ответ. Я согласилась с приказом отца. Шпионам жрецов выгодна смерть метаморфа. Кто знает, не найдут ли всё таки какого-то обходного способа разговорить привязанного, если он не умрёт, а вернётся в подвалы дворца. Но отцу уже стоило действительно всерьёз взяться за Гариба. Иначе спектакль принесёт больше вреда, чем пользы. И он махнул рукой палачу. Гримаса недовольствия пробежала по его лицу.

Гариб не успел подготовиться, да и не видел действий палача, стоящего за его спиной. Рука короля ещё не успела опуститься. Плюгавый человечек, со лбом покрытым обильно стекающим потом, как от полуденного солнца, так и от ярко горящей жаровни, в которой лежали раскалённые прутья, сунулся к ним рукой в толстой перчатке. Ярко-алый прут, свистнул от быстрого движения, вспыхнул сильнее, брызгая искрами и впечатался в кожу на спине метаморфа. Кожа зашипела и, кажется даже запузырилась, а пленник закричал так, что перешёл на какой-то жуткий визг.

Если бы он успел поймать момент начала пытки, то, скорее всего, не стал бы ждать.

— Где королева Лорана? — выкрикнул палач.

Гариб, желал только одного, больше не допустить боли.

— Ваш король слабак, а королева шлю... — голос прервался на середине слова и метаморф задёргался в судорогах. По ногам потекла струйка тёмно-жёлтой мочи..

Над площадью висело зловещее молчание. Король ступил на шаг вперед.

— Я мог бы сказать, что суд богов свершился, — тихо сказал он.

И именно из-за того, что отец не повысил голоса, тишина сохранилась. Потому, что пару голосов, которые прорвались, были прерваны тычками соседей. Все хотели слышать, что скажет король.

— Но я не стану сваливать на плечи богов, то, что и людям под силу. Боги ясно назвали человеческие пороки. Только не дали нам свершить справедливый суд. Вы сами видели, лазутчик погиб по собственной воле. Пытка едва началась, как он прервал её сам. И мне очень не приятно, что мерзкое упоминание о королеве запустило смертельное заклинание. Она моя законная жена, хотя все знают, что выбор за королем делает Велед. Но, поскольку с именем королевы оказался связан чёрный магический ритуал привязки и подчинения, ещё важнее найти её и узнать кто стоит за этой историей, чего добиваются эти люди. Не хочется думать об этом, но королева тоже может быть под чужим влиянием.

Я имею множество возможностей для достижения этой цели, но и ваша помощь будет для меня бесценной. Вам может нравиться или не нравиться ваш король, но историю Чесмена знает каждый ребёнок. Предтечи привели наших предков в этот мир. Место для жизни оказалось прекрасно, они видели это, изучили заранее. Но, они пришли сюда из миров, где магия, если и существовала, то не являлась основным условием выживания. Знания Предтеч были велики, но они не могли помочь выжить нам в условиях нового мира. И покинуть его мы не могли.

Всем известно, что первыми ощутили магию изначальные семьи. В семи родах разных рас появились те, в ком ожила энергия этого мира. Может не до всех дошли подробности тех давних событий, но изначальные семьи хранят их очень бережно. Предтечи сеяли жизнь в разных мирах. И основным способом выживания для поселенцев являлась возможность Предтеч приспособить свои создания к условиям жизни в новом мире, изменив их.

Но эта возможность касалась физических качеств. То, что делали Предтечи, возможно, сейчас показалось бы нам чистой магией, но это было то, что являлось основой миров исхода — техника. Работать с магической энергией наши создатели не умели. Может быть, когда-нибудь знания помогли бы им найти истоки магии и обуздать её. Но этот мир уничтожил их в сражениях против существ, для которых магические возможности были родными.

Появление среди нас тех, кого можно было бы назвать избранниками богов этого мира, давало нам путь к спасению и проникновению в него. Мы должны были прорасти в этой земле или погибнуть. Предтечи создали нам то, что мы называем Артефактом. На самом деле Велед не магическое создание. Но он помог и продолжает помогать изначальным развить и распространить способности, которыми наделила изначальных земля Чесмена. Поэтому мы вынуждены ставить впереди чувства долг. И каждый, претендующий на власть, должен доказать, что способен его исполнить.

Вы знаете, что есть условия, которые должны быть для этого выполнены. Когда-то я выполнил их, значит считаю себя в своём праве, как король.

— Но твой сын не сможет наследовать это право, — вдруг вышел из-за спины отца один из членов совета.

Слова Зигота Вара прозвучали неожиданно для меня. Но отец не удивился. Сначала я испугалась, что глава совета связан с заговорщиками и не поняла, почему он решился открыто высказать претензии к отцу. Но быстро пришла к выводу, что разговорчики дворянских сынков в Ковене, только повторение того, что они слышат в своих домах.

Власть всегда привлекала. Правда, в основном, наличием привилегий, а не обязательств. Толчком к переделу власти, даже без всяких заговоров, могло послужить рождение недееспособного наследника. А разговоры о свободном испытании за право наследования королевского престола, вполне открыто, шли уже давно.

Сыночки дворян открыто намекали мне, что наследной принцессой мне не бывать. Что королевская власть, да и боевая магия, вообще, не для девиц. Да из этого противостояния и выросли ноги для моего похода в Трясину. Все уже давно забыли, что когда-то королевство грудью прикрывали не только короли, но и королева Ринара. И неважно на сколько её грудь была больше моей. Правда, я не уверена, что хочу продолжить её славный путь, выйдя на бой против Саламандры. Королева Ринара не знала того, что знаю я. И у неё не было сомнений против кого она сражается. А у меня были. И хотелось дать детям Саота ещё один шанс стать людьми.

Вот только насколько я осчастливию подданных отца такими желаниями? Люди вправе это знать. Да и нынешних "жрецов Саота" мне хотелось вернуть к реальности. Познакомить их с Богом лично. Вот в этом и состоял мой план. Но пока я ещё размышляла, как мне привести его в действие, не ставя в унижительное положение отца, мне помогли.

— Это ещё не факт, — только и успел сказать король, — мой сын несёт в себе кровь метаморфа. А они могут изменить себя до момента взросления. Я ещё тоже не собираюсь умирать.

— Есть ещё принцесса, — услышала я выкрик и посмотрела в толпу, — она добыла кожу саламандры!

В группе здоровенных наёмников стоял и нагло улыбался рыжий ворген.

— Чушь! — советник скорчил кислую и недоверчивую мину. Я подняла брови. Неужели папа так боялся за мою безопасность, что даже членов совета не поставил в известность о моей победе? Или просто не до того было?

— Пусть сама скажет! — не унимался рыжий, — что, что, а язык у неё работает как надо.

— Ты-то свой побереги! На кого рот раззеваешь? — Гюнтер вышел из строя гвардейцев, стоявших вокруг помоста.

Фразочка и впрямь прозвучала двусмысленно и не слишком уважительно. Кое-где в толпе заржали. Я разозлилась. И сделала большой шаг вперёд, ловко обогнув, дёрнувшегося наперерез Зара.

— Дурак неотёсанный! Неужели не чувствует разницы между кабаком и дворцовой площадью? Или такая мелкая мужская месть? — подумала я.

Ворген мне показался вспыльчивым, а не злопамятным. И сейчас он широко улыбнулся и подмигнул.

— Да, нет, — догадалась я, — такой нарочитой грубостью, наёмники, которые лыбились уже всей компанией, хотели скрыть свою явную симпатию ко мне. Не зря они устроились впереди крестьянской толпы. Прямо под помостом. Напротив Гюнтера с гвардейцами. Тот перестал хмуриться. Также почувствовал воинскую солидарность?

Я сделала очень строгое и мрачное лицо.

— Так я не сама добыла, а с помощником, — сказала я на полном серьёзе и приподняла Труми, чтоб продемонстрировать толпе. Тот скорчил самую милую мордашку, а потом выхватил из ножен мой церемониальный кинжальчик и грозно потряс им над головой. Вид у моего спутника был настолько комично-героическим, что толпа грохнула от смеха. Заулыбалась и я. Дала людям вволю отсмеяться и подняла руку, требуя тишины.

— Хватит, пожалуй веселья, — решила я, — пора уже показать, что я не ярмарочный шут, а наследница престола.

Пока толпа поняла, что ей интересно продолжение, я погладила Труми по головке, легко отобрала у него оружие, погрозила пальчиком и посадила на широкие перила. Плакальщику можно было платить за талантливое актёрское партнёрство. Он послушным столбиком застыл и, кажется, стал даже ростом меньше.

— Я шла в Трясину и у меня была цель — стать не менее достойной, чем была моя дальняя родственница, королева Ринара. И добилась той маленькой цели, которую себе поставила. На этом я собиралась остановиться, не зависимо от того, что приготовила мне судьба. Хотела просто учиться дальше. Ведь у меня должен был родиться брат.

Но боги дали мне увидеть больше, чем я хотела. Судьба привела меня в храм Саота. Настоящий Храм. Место, где я узнала о Чесмене то, что происходило здесь до нашего появления. Я хочу вам рассказать, что такое воля Богов. Что такое справедливость Богов. И попросить у вас совета.

Слушали мою историю с интересом. При чём не только народ, битком забивший площадь. За моей спиной, среди отцовских советников, людей гораздо более циничных и недоверчивых, тишина стояла ничуть не меньшая. Конечно, я не собиралась говорить всего. Если честно, я уже пожалела, что не подправила событий и для отца. Но, что сделано, то сделано.

В данном случае, я собиралась сказать только самое необходимое для моих целей. В расчёте на то, что этот рассказ могут услышать и заговорщики. Даже самые обычные люди, узнай они о божественных плюшках, в виде волшебных вод Источников, и в Трясину начнётся паломничество. Люди, соблазнённые выгодой, почему-то забывают, что на саван карманов не нашивают.

— Давным-давно, — как заправский сказочник продолжила я, — на Чесмен пришли два бога. Природа щедро одарила этот мир жизнью. И два брата — Светлый бог и Тёмный бог, с восторгом смотрели на творения природы, населяющие эту землю. Тогда, планета имела две Луны. Чёрную и Белую. А на планете жили дикие существа. Одни имели светлую кожу, другие тёмную. Такое разделение показалось братьям забавным. Они заронили искру разума в два этих племени. Каждый взял под опеку одно из них.

Боги тоже не чужды чувств. И братья любили друг друга тепло и искренне. Но Боги, эти существа слишком самодостаточные и требуют большего уединения, чем люди. Каждый из братьев выбрал своим домом один из спутников Чесмена. Но оказалось, что Белая луна вращается не далеко от планеты, а Чёрная — блуждающий спутник, и покидает Чесмен надолго, не возвращаясь, порой, столетие.

Тёмный бог не мог следить за своими подопечными постоянно, и он нашёл существа, которые, даже получив разум, не могли бы стать народом из-за своей любви к одиночеству. Тёмный наделил их искрой ума и пообещал, что они будут жить так долго, сколько будут служить ему привязкой, якорем, к которому может притягивать его астральное тело, когда он находится вдали от планеты.

Боги дают своим детям цели, но не вмешиваются в выбор, которым эти цели достигают. Иначе нарушается Великое Равновесие. Разум должен сам искать свой путь и развиваться. Иначе не достигнет уровня Творца. Но люди, хотя и должны стремиться к совершенству, не обладают им изначально. Они страдают всеми пороками, от которых предостерегают их Боги.

Тёмный народ терзала зависть. Они считали, что светлым благоволит Мундру, а их Бог — Саот, надолго бросает своих детей на произвол судьбы. Между двумя народами постоянно вспыхивали войны. И зачинщиками, почти всегда, были тёмные. Особенно поначалу. Но, когда в бою появляется первый убитый, месть начинает расти, как грязный навозный шар, в лапах жука-уборщика.

Кончилось противостояние тем, что светлый народ был истреблён полностью. В последний момент, к ним спустился их Бог, желая остановить кровопролитие и не дать равновесию нарушиться. Но в пылу битвы, приняв свою победу, как благоволение Тёмного Бога, подопечные Саота убили его брата Мундру. И тот не успел вернуться вовремя. Но и победители не остались без заслуженного возмездия.

Саот — Тёмный бог, но это не значит, что в нём сосредоточены самые плохие стороны души. Более того, у каждого бога есть особенности, позволяющие награждать или наказывать определённым образом. Саот справедлив. Ему подвластно привести в полное соответствие духовное и физическое тело.

— Ваши лица отразят ваши души! — вскричал он, забирая тело брата, и превратил свой народ в саламандр.

Я замолчала, давая людям возможность осмыслить сказанное.

— Я не знаю сколько времени длится их наказание. Но, когда увидела картины истории в Храме Саота, то пошатнулась уверенность в том, что я хочу продолжать сражаться с бывшими разумными существами, как со взбесившимися животными. Не дав им возможности снова попробовать превратиться в людей. Раньше у меня была только одна мечта. Избавить свой народ от необходимости защищаться от разъярённых чудовищ в Жесткие годы. Только теперь я хочу торжества жизни, а не смерти.

Чесмен принял нас. Светлый бог Мундру наградил магией. Он продолжает покровительствовать нашему дому. Вы же знаете, боги не умирают полностью. Их эфирное тело сохраняется в месте их смерти. Белая магия Мундру, как и его жилище — белая луна, распались на спектр из семи составляющих. Теперь у Чесмена семь лун Мундру и блуждающая луна Саота. Опять таки, общеизвестно, что весь спектр магии доступен только изначальным семьям. Но, не только моя коротенькая жизнь, но и история всей нашей династии, научили меня, что, чем больше дают тебе боги, тем больше требуют взамен.

И теперь я прошу у вас совета. Если я найду возможность вернуть разум племени саламандр, сможем ли мы, люди, получившие эту землю от богов вместо её бывших владельцев, показать им, что можно жить рядом многим народам, уважая законы друг друга, а не уничтожая себе подобных?

Площадь молчала. Потом слышались шепотки, сливающиеся в ропот толпы. Я засомневалась. Смогла ли я убедить трусоватых и эгоистичных крестьян, которые всегда жили по принципу "наше дело землю драть, нам и богу неча дать"?

И тут снова раздался шальной говорок воргена.

— Я Степной Ворг из стойбища Хотху! Пойдёшь славы искать, зови нас с друзьями!

Конечно, я не ждала, что толпа на площади будет скандировать "Слава принцессе!". Но и того, что расходиться люди будут в почти полной тишине, тоже. А лица у всех были задумчивыми. А потом поняла ещё одно, над площадью висит ментальный щит. Нет, никакого принуждения, просто лёгкий нормализатор эмоций. Такая себе ложка успокоительного отвара для каждого.

— Это кто так мило работает? — присмотрелась я.

Оказалось всё ожидаемо. Зар и его люди. Отец не участвовал. И вообще, его аура... сама требовала... лечения, что ли. Он выглядел настолько уставшим, постаревшим. И, кажется, отдохнуть ему не дадут.

— Мы требуем проведения совета, — заявил Зигот Вар с каменным лицом.

— Интересно, насколько серьёзно глава совета отнёсся к моему демаршу? Если сейчас настоит на моём присутствии, значит да. А если..

— Совет только в утверждённом составе, — высокомерно добавил он, глянув в мою сторону.

— Дурак, зашоренный и недалёковидный, — спокойно подумала я, — как же глупо выглядит высокомерие лорда, перед членом королевской семьи. Пусть я официально не называюсь титулом наследной принцессы. Но, неужели он и сейчас уверен в том, что его хамоватый громила сынок, Сенот Вар, мой главный обидчик в Ковене, имеет больше прав на королевский престол, чем я? Я — дочь короля, добывшая доспех из кожи саламандры.

Или отец вообще ничего ещё не сказал членам совета и они решили, что слова наёмников просто заготовка Зара? Или слепая вера простых вояк в распущенные людьми безопасника слухи? Может он думает, что таким образом отец и Зар пытаются уменьшить вред нанесённый рождением недееспособного наследника? Так хочется верить в мою полную никчемность?

А, если я предоставлю доспех? Кто, по его мнению, сбегал добыть его для меня? Или его сын собирался попробовать свои силы? На что-то подобное он намекал. Тогда я, пожалуй, попробую этого гада зауважать. Хоть и крови он мне попортил немало. Он ведь как раз выпускник. Если у их семьи были какие-то притязания, то после нашего пари и моего исчезновения из Ковена, самое время попробовать. Вместо выпускного экзамена. Емуть земель добывать не надо. Своих хватает. Зачем ему дальний пограничный надел, который придётся брать на себя и оберегать от нечисти? Он вполне может оставаться наследником собственный аллод.

Претензии же на трон куда как заманчивее. И до Трясины он вполне мог взять с собой мага-экзаменатора. И свидетель, и страховка. Вмешиваться маг не будет, а вытащить и подлечить — пожалуй. И условия не будут нарушены. Всё честно. Ведь мне в лечении тоже Лами помог.

— Эх! Жалко, что меня на совет не пригласили. Всё как в детстве, — и я опять почувствовала себя маленькой.

И тут же мысленно, чуть и в самом деле не проделав этого реально, плёпнула себя ладошкой по лбу.

— Как в детстве... конечно же... только в детстве меня ваши советы не интересовали. А сейчас я могу поприсутствовать среди вас, господа лорды, инкогнито. За мозаикой в зале

совета. Что там у нас? А, ну, да! Семь Предтеч. Входа в зал Совета оттуда нет, но наблюдать можно запросто.

И вдруг у меня появилось интересное сомнение. Я ведь, в сам зал Совета одна не ходила ни разу. Только с отцом. Ну и на некоторых тайных мероприятиях бывала. Где большого официоза не требуется. Скорее избранный круг. Он небольшой, для приёмов не годится. И панно я там исследовала только со стороны тайных ходов. А из самого зала никогда. А вдруг там проход тоже имеется. Только односторонний. И в парадной столовой тоже не стала искать. Почему-то решила, что если те два двусторонние, то и в этих, если нет выхода, то и входа не будет.

— Зря, зря! — попеняла я себе, — это дело надо исправить. Это я тогда маленькая была, а позже-то почему не подумала? Привычка сработала.

Тем временем, глянув как отец, пожав плечами вздохнул, я решила хлопот ему не добавлять. Побывать для разнообразия, послушной девочкой. Ведь, намного (накажи Саот их чванливые лордские светлости истинными лицами) приятнее подслушивать из-за панно, чем стоять перед советом и оправдываться, как дитя.

— О! — между прочим, подумала я, — как уместно придумалось новое поминание Саота! Если я уж так привыкла ляпать его имя где надо и не надо, то таким обращением, по крайней мере, любимого бога не обижу.

— И с каких пор ты величаешь любимым не своего сидхе? — раздалось очередное ехидное хихиканье.

Я совсем выпустила из головы, своего тихушника Труми. А он, хоть и сидел мягкой игрушкой на руке, и помалкивал, из моей головы и не убирался. И то, что я его "выпустила", совсем не значило, что он ушёл.

— Я не в том смысле, — почему-то поспешно завозражала я, а паразит опять захихикал, — вот оставлю тебя в спальне и не возьму с собой подслушивать!

Такая угроза заставила плакальщика заткнуться. На время. Пока я сухо раскланялась с членами совета и, мазнув взглядом по усталому лицу короля, не отправилась в сторону своих покоев. Правда, как только я скрылась из виду отцовской свиты, мгновенно переменила направление и быстрым шагом рванула к своему тайному ходу. Лицо при этом я сделала отстранённым и задумчивым. Чтоб никто из служанок, не имевших возможности, по занятости, улизнуть на площадь, не обратился, с привычной моему обычному поведению, вольностью, чтоб узнать последние новости.

Мой новый облик — вся в чёрном я, тоже не сильно способствовал прежнему панибратству. Труми тоже сидел милёночком, внимательно подмечая дорогу и страшно расстроился, когда понял, что без, недоступной ему, левитации, ход не откроет.

— Ничего, во дворце менталистов не так много. Отец, Зар, да его люди. И то не все. Обойдётся мороками, если подслушать без меня надумаешься. Прикинешься, вон, вазочкой от южных сидхе, например, — и я кивнула на напольную вазу с золотой и ярко-синей смальтой.

Из таких же кусочков разноцветной смальты была составлена и мозаика панно. Мы с плакальщиком быстро оказались в тёмном проходе и направились, теперь уже совсем бегом, к залу Совета. Я ничего не хотела упустить. Но, когда мы добрались до места, первые претензии уже были высказаны.

— Моя дочь прибыла только вчера днём. И доложила мне во всех подробностях, что ей было известно. Мы собирались в ближайшие дни собрать совет. Но были кое-какие важные

сведения, по которым нам хотелось иметь больше достоверной информации. Но, уже вчера вечером, случились известные вам события. Зар, которому, как главе безопасности я и дал все данные и поставил задачу, усилил меры безопасности, в результате чего и был обнаружен лазутчик.

Отец вздохнул. Я понимала, что вряд ли он собирается говорить на совете об измене королевы. Он не только мужчина, но и король. Мужчине мстить за измену женщине низко, королю — мелко. Выставлять же её напоказ, мужчине больно, королю — стыдно. Но королева изменила не только мужчине, но и королю. Вот эта, вторая измена, участие в заговоре, должна быть доказана и наказана.

— Моя служба охраны дала сбой, — вмешался Зар, — именно мой человек, который присутствовал при первом допросе, оказался предателем. И, если доказательства против королевы частичны, то его вина полностью доказана.

— Что вы называете неоспоримыми доказательствами? — подался вперёд Зигот Вар.

— Мы заметили признаки привязки почти сразу. Хотели использовать для обнаружения амулета-якоря Око Богов и послали за артефактом Нокия. Точных возможностей Ока он не знал. Мог предположить, что допрос закончится разоблачением. И бежал. Вместе с ним пропали и артефакт, и королева. Око не стоило такого риска. Несмотря на громкое название, это всего лишь способ отыскать следы чёрной магии. Так что потеря невелика и восстанавливаема. А вот с королевой не всё так ясно.

— Что же тут непонятного, бежишь — значит виновен? — безапелляционно заявил один из недавно избранных членов совета — молодой лорд Кеннет, очень сильный и талантливый артефактор. Отец считал, что у него большое будущее и держать такого человека при дворе очень выгодно и дальновидно. Поэтому он и получил место в совете, хотя был ещё слишком неопытен и порывист. Я почти не знала его. Ковен он закончил несколько лет назад. А по возрасту я для него была ещё совсем ребёнком и не представляла интереса. Можно будет спросить о нём Лами. Кажется они учились примерно в одно время.

Зигот Вар, более опытный придворный, уделял мне гораздо больше внимания. И я уверена, что его сын знал мои самые болезненные точки, в которые он и тыкал чем придётся, именно с подачи папеньки. И, что странно, он как раз молчал, не торопясь обвинять королеву.

Лорду Кеннету ответил Зар.

— Королева могла быть похищена. Могла находится под такой же привязкой, как погибший лазутчик.

— И всё это, — наконец высказался Вар, — приводит нас к тому, что есть кто-то, эти привязки осуществивший. То есть признаки скрытых намерений, направленных против королевской семьи?

За этой осторожной формулировкой можно было равно обнаружить и лояльную заинтересованность члена совета и желание противника узнать сколько известно о заговоре.

— У нас есть определённые сведения, которые мы хотели бы сначала подтвердить. Как я уже и сообщал совету. Это вы поспешили потребовать срочного сбора, — раздражённо ответил отец, поэтому я хочу услышать по пунктам, что конкретно заставило вас это сделать. Подтверждённую информацию я вам сообщу. Остальное, простите, позднее. Чем серьёзнее угроза, тем большей проверки требует.

— Ваша дочь, — впервые сорвался Вар, — и я переглянулась с Труми.

— Что его так злит? Неужели мои подозрения так близки к правде? Может с Сенотом

что-то случилось и папенька вне себя от волнения за наследника?

— Так... что с моей дочерью не так?

— Она распускает по кабакам глупые слухи о том, что, якобы, добыла кожу саламандры.

— Вы ведёте себя недостойно, — резко вмешался Гюнтер, — принцесса никаких слухов не распускала. Я сам присутствовал при упомянутом вами происшествии. И принцесса вела себя достаточно достойно, чтоб заслужить уважение наёмных воинов, согласных хоть сейчас стать её соратниками в любом походе. Это говорит только в её пользу. И кожу она добыла совсем не "якобы".

— Более того, — вмешался отец, — она сделала доспех у того же мастера, который делал его и для меня. И рекомендацию к нему получила от человека, которому тот доверял. Вы все знаете правила. Кожу саламандры в обработку не возьмёт ни один мастер, если не будет уверен, что делает доспех для добывшего её. И, если подумать для чего добывают доспех, то смешно предполагать, что с маткой саламандры решится сразиться тот, кто посылал наёмника против детёныша. Ведь вы на это пытаетесь так глупо намекать лорд Вар? Если вы заявляете, что у моей дочери нет чести, то я лично готов принять от вас вызов.

— Не смей! — остановил меня Труми и неожиданно укусил за руку своими острыми зубками.

Я опешила. Укус был не столько болезненным, сколько неожиданным. Я воспринимала Труми скорее, как человека, чем как зверушку. Поэтому впала в ступор.

— Ты с ума сошёл? — зашипела я на него.

— Это ты с ума сошла! — взвился в ответ плакальщик, — думаешь я не понял, что ты собралась просканировать главу совета? Что у тебя в голове? У членов совета блокирующие артефакты и, даже если у тебя, с дарёной силушкой, хватит здоровья их пробить, то есть ещё и следилки. Тебя моментально вычислят. Ты так психанула, что готова на обвинение в несанкционированном ментальном вторжении?

— Я только хотела узнать что он задумал, — виновато опустила голову я, — и не подумала..

Труми только рукой махнул и вперился в происходящее за панно.

Кимат Вар набычившись тарачился на отца, ноздри его раздувались. Но пару членов совета, сидевшие рядом с ним, схватили его за рукава и силой опустили на место. Покрасневшее от прилива крови лицо Вара, постепенно возвращалось в норму.

— Извини, — сказал ему сосед справа, — но я скажу. Ваше величество, лорд Вар всегда считал, что любой из высокородных имеет право пройти те же испытания, что королевские отпрыски, чтоб поспорить за трон. Его сын тоже отправился в Трясину. И сведений о нём пока нет. И слухи о добытой коже, а потом ещё и все эти разглагольствования принцессы о каком-то зачарованном народе... вывели его из себя. Вы же не принимаете эти сказки всерьёз?

— Моя дочь не привыкла лгать. Верю я в эту историю или нет, но она в неё верит. А Боги, если она действует по их плану, дадут ей знак, который убедит сомневающихся... В конце концов, появись сейчас новое племя, за Цверговыми горами достаточно пустых земель, чтоб ужиться без войн. И, давайте сейчас поступим как должно. Каждый займётся своими делами, а не своими нервами. Как только мы будем готовы к обсуждению сложившейся ситуации, мы соберём совет снова. А резкие необдуманные высказывания не для политиков. Хотя как отец... я могу вас понять.

И он, кивнув в сторону Вара, резко развернулся и пошел к выходу. Вар заворчал. Его

одёрнули снова. Когда отец и большая часть совета покинули зал, троица во главе с Кимат Варом поднялась тоже.

— Если бы мой сын сейчас был здесь и выполнил то, что должно, я бы заставил эту девчонку принять его магический вызов, — прорычал он.

— Ну и как бы это выглядело? Выпускник Ковена против первокурсницы? — сказал его недавний заступник.

— Ну, она же у нас большая девочка, раз кожу саламандры добыла, — ехидно прошипел он.

— А раз большая, то лучше бы добивались, чтоб она отправилась к Веледу. Ей вот-вот восемнадцать исполнится. Вполне годна в жёны. А Ковен для замужней женщины лишнее. А взбрыкнёт, значит в наследницы не годна.

— Эх, Синот, сынок, пусть боги даруют тебе удачу..

Мы с Труми не пошли в комнату. Уселись прямо на траве у озера. Ровно в том месте, где всё так же покачивались на ветру мои качели на толстых лубяных верёвках. Ветер сегодня был сильнее обычного, для этой поры года. По воде, то и дело, гуляла мелкая рябь, гоняя по поверхности бело-жёлтые пахучие цветы.

— Может слетаем ещё раз в Трясину? — неуверенно спросила я, — Сенот, конечно, гад, но как-то жалко, если он там сгинет.

— Думаешь Вара обрадует спасительница в твоём лице? Я бы на его месте предпочёл к богам, но с достоинством.

— Труми, что достойного в том, чтоб сгнить в болоте? — мне совсем не хотелось шутить по этому поводу.

— А возможность, что тебя женят, не беспокоит, значит? — хитренько перевёл на другую тему Труми.

— Да, ну, глупости. Не позволит отец делать выбор, пока не уверится, что там всё без подлога. Это мне он может твердить, что ему нужны доказательства. Так это для суда. А для моей женитьбы и сомнений достаточно.

— А Лами обрадует перспектива лететь спасать какого-то олуха, который тебя ещё и доставал весь год учёбы?

— А мы ему не скажем, что он олух.

— Тогда, боюсь, рано или поздно он почувствует олухом себя. И вообще, ты только второй день во дворце, а тебя уже тянет на приключения.

— Так меня всегда на них тянуло. Чего вот я тут не видела? Куда как лучше — на Витре и в дорогу!

И я вздохнула, провожая глазами одинокого вигоня, пролетавшего над дворцом.

— Почтовый, что ли? — подумала отстранённо. Уже вечерело.

Потом вскочила и уселась на качели. Раскачалась до опасного скрипа ветки и откинулась назад. Сзади раздалось деликатное покашливание.

— Король ждёт вас к ужину, ваше высочество, — незнакомый слуга, каких во дворце, с появлением новой хозяйки, заметно прибавилось, склонив голову, терпеливо ждал ответа.

Раньше дворцовая обслуга была менее манерная и не стеснялась побегать за принцессой по саду, повосхищаться её игрушками и почитать с ней книжки, а так же поднимать своими семейными проблемами. Я знала всех в лицо и не задумывалась чего от них можно ждать. А этот вышколенный и не живой как будто.

— Спина не затекла, приятель? — почему-то неприязненно подумала я, но моё плохое настроение не повод дразнить человека, который делает свою работу.

— Спасибо, я сейчас иду, — только и ответила я и чиркнула пятками по траве.

Слуга пошёл по дорожке, то и дело оборачиваясь, как будто боялся, что я заблужусь в собственном доме. Да ещё и недовольно хмурился. Это меня и толкнуло на глупую шутку.

— Труми, давай его напугаем? А то он мороженный какой-то. Пойдём за ним потихоньку, и спрячемся где-нибудь. Он нас не увидит и непременно сунется проверить куда мы пропали. А мы морок сваяем пострашнее.

И я скорчила жуткую рожу. Труми позабавиться не отказался. Похоже, перспектива лететь обратно в Трясину его никак не обрадовала. Сделав несколько шагов и убедившись,

что слуга, с неприятной удовлетворённой гримасой, нырнул в дверь, я ощутила весёлое нетерпение, пополам с лёгким стыдом. Хотелось безобидной шалостью снять стресс от последних событий, но смущала и мысль, что все свои усилия казаться взрослой, нарушаю своей выходкой. Первое победило.

На цыпочках вошли в цокольный этаж. Засели с Труми в тёмном коридорчике и прикрылись для начала безобидной иллюзией старинного секретера. Не хотелось, чтоб на нашу шуточку полюбовался кто-то другой. Кимат Вар, например. Вот уж не к месту будет. Надо сначала убедиться, что войдёт тот, кто нам нужен.

Прошло буквально несколько минут и раздались торопливые шаги. Обеспокоенный слуга выскочил в полутьму коридорчика. К нашей радости, на новоявленную мебель — ноль внимания. Новичок в доме. Побежал к дверям. Выглянул и ошарашенно застыл, не обнаружив никого на садовой дорожке... Вернулся назад и мы с удивлением услышали его тихий голос из соседней комнаты.

— Я не понимаю куда они делись... Только что шли за мной..

— Это он сам с собой разговаривает? — хихикнула я мысленно, — Труми, приготовься. Сейчас он назад побежит.

— Никуда они не денутся, здесь из сада один проход. Убирайся и не маячь здесь. Пусть тебя увидят в обеденном зале. А то раскроешься, идиот дёрганный.

Это был совсем другой голос. Грубее и злей.

— Вот тебе и пошутили. Это что засада на принцессу? Ваши планы, господа? Убить или похитить? И что теперь, играть в гляделки-перетерпыши? Заходить туда глупо. Где он прячется мы не знаем. Стрельнёт из арбалета между глаз или заготовленным заклинанием... Даже, если колечком воспользоваться, на двери тяжёлые бархатные портьеры. Не сдвинешь, не войдёшь.

Я задумалась, а Труми отполз от меня и прикрылся мороком шагена. Шагены — ласковая и милая домашняя зверушка. И очень полезная между прочим. Поедает любую мелкую пакость, что заводится в доме. Грызуны, насекомые, змеи. Поэтому держат их почти в любом жилище. Не исключая и дворец. При нашей кухне только, околачивается парочка. И в саду я видела одного, когда сидела у озера. Труми, видно, тоже его заметил. Потому что морок был точь-в-точь. Длинношёрстый пушистик дымчатого цвета с гордо торчащим хвостиком.

Повернула колечко и затаилась, прижавшись к стене, за портьерой, в щёлочку оглядывая комнату. Здесь горел один тусклый светильник, как и в коридоре. Второй, дальше на стене, то ли выключен, то ли сломан нарочно. На первый взгляд в комнате пусто. Вся привычная мебель на месте. Меня-то не обманешь. И спрятаться особо негде. И ничего похожего на иллюзию не видно.

— Ну, что, давай, Саотов любимчик.

Я потопала на месте, изображая шум шагов. Портьера дёрнулась и на уровне моей груди по центру двери пронёсся огненный шар. Морок шагена убедительно подпрыгнул, зашипел и чкурнул задорно подбрасывая задик. А я успела заметить движение в дальнем углу.

— Маскирующий плащ... Ну, конечно. Такие есть у дальней разведки. Дорогая штука. Редкий артефакт. Их только у лилу делают. Что ж ты Зар?.. Теперь уже напрямую к твоей родне хвост. Не только твой человек во дворце оказался предателем, но и артефакт из Холмов. Хорошая вещь. Если не двигаться, полностью сольёшься с обстановкой.

Только я уже видела где находился нападавший и вернула ему атаку. Правда не огнём, а

стазисом. И сразу метнулась к нему. Привыкла, что раньше, моего парализующего заклинания только на минуту хватало. Сорвала его собственный пояс и стянула руки за спиной. Я уж и проявилась и осмотрелась. И не одна минута прошла, а он так и лежал деревяшкой. Услышала, что кто-то бежит в нашу сторону и приготовила "новую порцию" обездвиживания.

Первым влетел Труми. Уже без всякого морока под шагена.

— Ишь ты, как во мне уверен! Даже не таится.

За ним Зар. Обеспокоенный, но собранный. Увидел меня и тело у моих ног. Плащик я с него уже стащила. Быстро оглядел комнату, оскалился. Даже клыки выдвинулись, так зол. А как же, какой урон престижу. Наёмные убийцы, лазутчики, предатели, любовники по дворцу шастают как по столичному променаду... Пора штрафовать нашего главу безопасности.

Заметил обгоревшее пятно на зелёном бархате. Глянул на моё невинное личико. Мне осталось только насвистывать в сторонку, ветошью прикидываться. А неудачный наёмный убийца до сих пор не шевелится. Спасибо, Мундру! Всё никак не привыкну к своей возросшей силе. На боевой магии придётся пободаться с дозировкой. А то у меня вместо пули, будет ядро получаться. Огненное. Или ледяное.

Зар, тем временем, обратил внимание на пленника. Я уже успела им налюбоваться. Лилу. Альбинос. Похоже недавно на древней диете. Глаза уже с красным ободком по веку. Только для наёмника это минус. Перейдёт на одну кровь, будет от солнечного света страдать.

— Надо будет поинтересоваться у Зара, — рассудила я, — неужели пристрастие к крови для лилу так притягательно? Что-то типа наркотической зависимости? Или просто природный атавизм?

Зар легко закинул родственничка на плечо и направился к первому же спуску в подвальный этаж.

— Зар, погоди, с ним ещё слуга был, — крикнула я ему вслед.

— Я предупредил, — ответил вместо него Труми, — его возьмут прямо в столовой.

Мы вошли в малый обеденный зал. Слуга стоял спиной к двери. Люди Зара ещё не появились.

— Митиньон, фигура вторая, — брякнула я ему прямо в ухо и создала морок биргиннена. Раз уж там не успела повеселиться, догонюсь тут. Вот, не нравится мне идея с покушениями на меня любимую.

Слуга обернулся. Мой морок оскалился. Труми рыкнул. Дядя ушёл в забытье.

— Ну, вот, — нагло сказала я ошавшему папе, усаживаясь к столу, — не вышло повеселиться, так хоть супчика здесь нальют?

Отец заломил бровь. Мой новый образ, начал обрастать прогрессивными иллюстрациями. Под этот прорезавшийся цинизм, мне осталось поковырять в зубах церемониальным кинжалом и, пожалуй, от моих обновлённых манер, король отправится в обморок следом. Его взгляд несколько ошарашенно вопрошал, что же ещё приготовила ему дочурка. Труми присел на грудь поверженного слуги и скалился во весь свой капкан.

— Пожалуй, пока что, не стоит ему приходить в себя, — констатировала я и в этот момент вошёл помощник Зара.

Лицо его осталось невозмутимым, хотя и не полностью безучастным.

— Ещё и Жестокие годы не настали, а вы уже здесь, — я отрабатывала до конца избранный образ крутого циника.

Труми ментально ухихатывался уже без всяких блоков. Папуля теперь тоже слышал наше пере-хи-хи и только качал головой.

Когда обморочного откачали и, в состоянии полной прострации, увели, он повернулся ко мне.

— Я конечно рад, что ты, как обычная придворная девица, не икаешь от страха, а развлекаешься, но не думаешь ли ты, что в Ковене тебе будет безопаснее. Мне что-то совсем не весело. Я уже прикупил подарочек на твоё совершеннолетие. И имею горячее желание, чтоб ты его получила.

— О! А мне казалось, это только на меня в Трясине ядом плюнули, — печально сказала я и сунула в рот ложку с горячим супом. И обожгла язык.

И тут отец засмеялся.

— Когда ты встречаешься со своим... спутником? — замялся он на один миг, но у меня заныло в груди.

— Неужели папа когда-нибудь всё таки захочет, чтоб я отправилась к этому бесчувственному Веледу и вышла оттуда с тем, кого совсем не знаю и, возможно, никогда не полюблю? А что, если я откажусь и боги накажут меня больным ребёнком? Но маму нашёл Велед, а мой брат умер не родившись..

Вопросы и сомнения роились в голове. Я мотнула ей из стороны в сторону, как будто разгоняя тяжёлые мысли.

— Сегодня, как стемнеет, — ответила я отцу, после несколько затянувшейся паузы.

— Я хочу увидеться с ним. И думаю, что уже сегодня ночью тебе лучше отправиться в путь. Пока мы тут не разберёмся со всей этой заварушкой. Может быть тебе и там не совсем безопасно, но уж точно будет лучше, чем здесь. Особенно, если ты не станешь расслабляться, а будешь внимательной и осторожной. Я соберу для тебя кое-что... из магической защиты... Может даже помолюсь твоему Саоту, девочка.

И он обнял меня и прижал к себе. Послышались новые шаги. Отец отстранился. В комнату вошёл Пени, старый дворецкий. Он принёс второе блюдо.

— Я сам послужу вам до конца ужина, — мягко сказал он.

Я топала к месту встречи с сидхе и отчаянно трусила. Мне не страшно было бы сразиться ещё с одной саламандрой или с целым десятком наёмных убийц, но... вдруг Лами не понравится папе... Или, хуже того, согласится с ним, что он должен будет когда-нибудь отступить и своими руками отдать меня избраннику Веледа. Вот возьмёт и произнесёт это вслух.

Когда я увидела его, тенью сидящего на той же полянке, под деревом, у меня внутри уже всё заледенело от страха. И, наверное, это видно было, даже при неясном свете луны, если он сразу забеспокоился.

— Что с тобой? — схватил меня за плечи и повернул моё лицо к свету просто впиваясь в него озабоченным взглядом.

Мне очень не хотелось озвучивать свои страхи, но я была уже в том состоянии, когда голова не просто не работала, а действовал только язык. И то на одних инстинктах.

— Да, так, — ляпнула я первое, что пришло в голову, — там, с одним убийцей разобралась.

Лами побледнел.

— Ты в порядке? Он тебе что-то сделал? — и сидхе начал вертеть и осматривать мою тушку, как будто собрался выставить на торги в Дом Усад. Нервно ощупал спину, руки, и даже опустил на колени и быстро провёл ладонями по ногам.

— Лекарь, — подумала я, помимо воли, растягивая губы в дурацкой счастливой улыбке, — беспокоится. Но по ногам, от осторожных касаний его рук, уже пробежала лёгкая волна дрожи. Как будто миллион иголок по всему телу. А он почувствовал, сразу, как, если бы его руки были продолжением моего тела и эти же иголочки переметнулись к нему и ладони застыли в самом чувствительном месте.

Он замер прямо в верхней части бедра, у самого паха, и, как только ощутил реакцию моего тела, прикосновение моментально стало иным. Его пальцы чуть дрогнули. Судорожно сжались. А я, ойкнула и уронила руки ему на плечи и тоже вцепилась изо всей силы, чувствуя как предательская слабость разливается в икрах и ноги отказываются держать. Он поднял голову, а я закрыла глаза, не в силах смотреть как затуманивается его взгляд. Он ткнулся головой мне в низ живота и потёрся лбом.

Мне показалось, что его пальцы обжигают меня через тоненькие шёлковые шаровары, которые я надела вместо платья, когда отправилась на встречу. Мы с папой проговорили весь вечер, пререкаясь, по поводу того, что я должна и чего не должна делать. И поэтому, когда я собралась бежать в подвалы дворца, думать на что сменить моё узкое платье и сапоги на высоких каблуках было уже некогда.

Я схватила тоненькие лиловые брючки с завязочками на щиколотках и густо фиолетовую тунику чуть выше колен, с золотой и чёрной вышивкой по низу и вскочила в лёгкие балеточки на плоской подошве. Чтоб совсем не замёрзнуть, ветер стал даже, кажется, сильнее, схватила коротенькую жилетку из меха клама. К руке тут же прилипли длинные шелковистые волоски, которые тянутся к живому телу, как будто его внутренняя энергия притягивает их. И, наверное, это так и есть. Потому, что у магов тяга наиболее заметна. Чёрный мех мгновенно обволакивает и прижимается к шее, там где заканчивается ворот туники, и мягко льнёт, согревая.

Этот странный момент, когда Лами вжался лбом в мой живот, стараясь, то ли выдавить из головы все мысли сразу, то ли задохнувшись от ощущений, волной хлынувших по телу, казалось, длился и длился. Потом рука его чуть шевельнулась на внутренней поверхности бедра и почти не сдвигаясь с места подарила такую робкую, но чувственную ласку, что всё тело свела судорога. Это было почти больно. Но так сладко больно, что мои ноги непроизвольно сжались. Тыльная сторона его ладони оказалась отделена почти эфемерно тонкой преградой от... Ещё никогда соприкосновение не было таким интимным.

Нет, мы, конечно, целовались до этого. И он гладил мои волосы, шею, спину, но его руки целомудренно останавливались и не опускались ниже. Если он касался моего бедра, то я чувствовала себя вазой из горного хрусталя, которую цверги так исчертили узорами, что в выемках осталась только тоненькая прозрачная корочка, толщиной как у первого льда на поверхности лужицы. А к груди он не дотронулся ни разу.

Я не сразу поняла, что мы застонали оба разом, как будто спели самую естественную в мире терцию мужчины и женщины, поглощённых желанием, которое не хочется ограничивать ничем. Чувство было таким оглушающим, что я начала оседать, теряя сознание.

Когда я пришла в себя, Лами по прежнему стоял на коленях и, придерживая мне голову, смачивал мои губы терпким и очень горько пахнущим настоем.

— Что это было? — более дурацкого вопроса я задать не могла, но сидхе ответил мне почти спокойно.

— Извини, Ли, я эмпат, сильный эмпат, ты же знаешь. А после Источника... если я теряю контроль над своими чувствами..

— Получается ядро вместо пули, — хихикнула я, — плавали, знаем..

Лами хмуро и удивлённо посмотрел на меня. Не как любимый, как строгий доктор. Отчего я захихикала ещё неистовее. Это уже походило на небольшую истерику. Просто испытанные ощущения были такими сильными, что опадали они с меня сейчас, как окалина с остывающего металла.

Лами ещё больше нахмурился, даже, кажется, чуть обиженно.

— Ничего, любимый, — чуть застенчиво, впервые я выговорила это слово, — я в порядке. Папа хотел увидеть тебя.

Если бы это было возможно, я бы сказала, что сидхе посерьёзней ещё больше, только слегка вздрогнув на моём ласковом обращении. И помог мне подняться.

— А что с этим убийцей, где он... на тебя напал?

— Мне показалось, или сидхе и вправду сначала хотел спросить что-то другое? Прозвучало так, вроде Лами интересовался осталось ли хоть пару кожаных ошмётков от нападавшего? Как-то мало льстит моей женской половинке... Может почувствовал своей эмпатской чуйкой и изменил вопрос, пока самого на тряпочки не нарвали? Или это мой предыдущий образ опять через розовую канитель проковыривается?

Я сделала вид ученицы, с трудом вспоминающей урок, который пробежала одним глазом на переменке.

— Где напал?.. Да там где-то... во дворце... Я его стазисом уколобелила и Зару подарила. Ленточки перевязать не было, так я его ремнём... без бантика совсем..

Ну и нежно надула губки. Серьёзность сползла с Лами после того, как я скромно добавила.

— А надо было тебе подарить?

— Боюсь я с ним обошёлся бы более жестоко, — с некоторым избытком страсти в голосе, пошутил сидхе.

— Неужели пытал бы? — веселилась я.

— Всенепременно, — легко согласился сидхе, может не будем заставлять ждать короля? Неудобно как-то. Витре, осмотрись пока тут.

Вигонь послушно отошёл и взмахнул крыльями. А мы пошли во дворец. Держась за руки так крепко, как будто боялись отпустить друг друга даже на минуту.

Пока мы шли, я думала что нам обоим, оказывается, надо укрощать полученную силу, сдерживая её, соответственно необходимости.

— Ядро и пуля, — снова сравнила я мысленно, — конечно для того, чтоб развалить стену крепости нужна катапульта с её здоровенными каменными ядрами. Швырять такие магией, под силу, разве что, архимагам. А, когда тебе нужно успокоить каменную горгулью, то, если ты ни разу не маг, то угадать зверюгу между глаз можно и из пращи, зачарованной покупной пулей. На таких юморные цверги ставят руну, дословно означающую, "лови меня." Маги же могут создавать снаряды из огня, льда и камня. В зависимости от профилирующей стихии.

Только, на кой же швыряться каменюкой размером с голову в надоедливую муху. И, если Лами надумает отпустить свои эмоции, когда между нами возникнет ещё большая близость, то, пожалуй, никакой наёмный убийца не понадобится. Я сама, добровольно, умру от избытка чувств. Продолжая мысль, поняла, что сказала не "если возникнет", а "когда возникнет". Значит сама уже не сомневаюсь, что это обязательно случится? Значит я этого хочу?

Мне всегда было страшно от мысли про близость с мужчиной. Наверное, больше потому, что всегда слышала только о выборе Веледа, вкупе с разговорами о моём будущем муже. Обычно девушку пугает даже первая близость с любимым мужчиной. А меня должна была ждать вся жизнь, где из ночи в ночь, я буду ломать себя, подчиняясь нелюбимому.

Может, поэтому мои предки женского пола не стремились получить титул "наследных". Тогда, по крайней мере, выбор Веледа был желателен, но не обязателен. Можно было отказаться. Поиграть со временем. Может появится в списке кто-то чуть моложе или старше, которого боги лишили избранницы так или иначе. А можно и вообще выбрать жизнь свободного мага. Только королевский престол загонял в самые жёсткие рамки. Но я женщина и не знаю, может у мужчины с этим проще. Он может не любить, но хотеть женщину? Может, если нелюбимую берёшь ты, это меньше напоминает изнасилование.?

Заговор жрецов... Если бы он не был направлен на интриги, насилие, мне бы, может, и хотелось, чтоб выбор Веледа перестал играть такую роль в жизни глав изначальных родов. Жаль только, что рождение братика с такими явными отклонениями, если, конечно, сущность метаморфа не переборет врождённые недостатки, свидетельствует о том, что колония ещё не достигла критического пика населения. Тогда случайный выбор пар, по велению чувств, а не по совместимости организмов, позволит природе самой искать наилучшие сочетания между физикой и магическими способностями.

— О чём ты так задумалась? Ты молчишь всё время, пока мы идём к твоему отцу и, честно говоря, меня это тревожит, — высказал свои сомнения Лами.

Наверное, его тоже беспокоят те же мысли, что и меня. Как могла, может немного сбивчиво, я объяснила ему о чём размышляла.

— А знаешь, о чём думал я, пока дожидался тебя? Я ведь не остался на постоянном дворе,

а тоже ходил на площадь. Ты же не сомневалась, что я не пропущу ни одного события, которое так или иначе касается тебя? Всё, что ты говорила о народе саламандр, я, в общем, слышал от тебя и раньше, но в связи с заговором и с моими надеждами на наше общее счастье...

Он замолчал и посмотрел на меня. Я видела, он ждёт что я скажу и о своих надеждах. И я сказала.

— Надежды могут остаться только надеждами, если у нас не получится изменить существующее положение. Но, если бы я не хотела изменить его законным путём, то молилась бы на этот заговор.

— Вот и я думал о том же. Когда ты вспомнила о том, как боги дали магию первым представителям изначальных семей, чтоб помочь им выжить на этой земле, я подумал, что может быть Саот не случайно дал нам увидеть историю своих детей и детей Мундру. И подарки обоих богов не случайны. Может быть и вправду, нам дано вместе освободить от наказания племя саламандр. Они дети Чесмена. Их магия естественная и родная для этой земли. Может быть боги хотят смешать наши народы?

Долг для правителя важен. Но человек, стоящий у власти, тоже должен иметь право на чувства. Иметь право быть счастливым. А испытания, для достойных управлять государством, всегда можно найти. И законы Веледа не единственные, которые нужно соблюдать и поддерживать властителю, чтоб жизнь его народа не прекратилась, как у наших предшественников на Чесмене.

Люди прекрасно умеют сами сеять, строить и создавать нужные вещи. Для этого им не нужен король. Владыка нужен для того, чтоб соблюдать законы, которые помогут выжить рядом слабым и сильным. Люди становятся народом, когда перестаёт действовать "закон дубины". Считать, что все станут равными в возможностях и талантах — бред. Но людей делает людьми чувство альтруизма. Ты хочешь, чтоб твои любимые могли жить без страха, что тот, кто сильнее придёт и отберёт их жизнь, честь, имущество. Так что у правителя всегда будет достойная цель, к которой ему можно стремиться.

— Лами, я поставила бы королевскую печать под каждым твоим словом. Но пока и ты, и папа твердите только одно. В Ковене тебе будет безопаснее. Я понимаю, что мне нужно учиться. Но просто сидеть и прятаться до начала занятий не для меня. Может такая большая цель, станет доступной для меня, когда я стану настоящим обученным магом, но есть время для одной маленькой. Пока не начались занятия в Ковене..

— Что ты имеешь в виду? — Лами смотрел на моё просительное выражение лица точно с таким же видом, как отец.

— Если я попрошу тебя мне помочь, ты ведь не откажешь мне? Это для них всех я пытаюсь казаться великой воительницей, но... я знаю, что без тебя я бы не справилась.

— Ты сделала всё сама, девочка. И ты очень сильная. Но я не понимаю, чего ты хочешь ещё?

— Сенот Вар... — я просительно сложила руки на груди, — он тоже пошёл в Трясину за кожей саламандры. И не возвращается. А он у отца один.

— Сенот Вар, это тот мальчишка из Ковена? А ты не думаешь, что он связан с заговорщиками?

— Нет, Лами. Вар и его отец хотят побороться за власть, но, если бы они не хотели сделать это честно и законно, разве отпустил бы глава совета единственного сына в Трясину?

— И ты думаешь, что парень будет рад, если ты отберёшь у него его подвиг, его возможность стать королём по чести и по закону, как ты говоришь?

— Я понимаю. И Труми говорит то же самое. Но вдруг у него такая же ситуация как у меня? Если он там погибает один и у него нет такого спасителя, каким стал ты для меня? Мы не будем ему мешать. Но посмотрим, чтоб он живым вернулся домой. И всё.

— Всё, значит... А что говорит твой папа по этому поводу?

— А мы ему не скажем. Лами, ну, пожалуйста..

И я снова сложила ладошки под подбородком.

— Любимое занятие женщины... Подбирать всех приبلудных шагенов, не глядя есть ли на них паразиты или заразные болезни. Не боишься, что он тяпнет тебя за протянутую руку? В Ковене он не показал особого благородства.

— Может я хочу это сделать не для него, а для себя... Ты ведь поступаешь так же. Наверное, поэтому и лекарь. За это я тебя и люблю.

И, обхватив сидхе за шею, я потянулась к его губам. Он мягко обозначил поцелуй, а потом приподнял, обхватив руками, прижал изо всех сил и короткими нежными касаниями к векам, щекам, губам и волосам, опять закружил мне голову. Потом зарылся лицом в длинный чёрный мех на моей шее и отыскал ямочку у ключицы. Вдохнул с каким-то сладким всхлипом и поставил меня на землю..

Папа не старался выглядеть домашним тираном. Он даже не устраивал ничего похожего на смотрины. Нам пришлось даже ждать в моей спальне довольно долго.

Лами оглядывал мою комнату, в которой было ещё настолько много девчачьего, с каким-то чувством неловкости. А, останавливаясь взглядом на принцессиной кровати, от которой я была не в силах избавиться из-за отцовского помешательства на моей роли любимой папиной девочки, краснел так искренне, будто его заподозрили в пристрастии к этим самым маленьким девочкам.

Вторая комната вообще напоминала жилище маньяка. Потому, что там, вынуждено, соседствовали мягкие игрушки с различными видами доступного мне оружия. И, когда Труми, роняя в стороны меховой гарнизон, потащил к моим ногам практически собранный рюкзак, вид у сидхе был несколько ошалевший.

Подозревая, что половина веса моей поклажи будет состоять из солёной рыбки, я вывалила содержимое на стёганное шёлковое покрывальце с кисточками и начала торопливую инспекцию. Причём, чтоб не демонстрировать, и так сконфуженному, сидхе всяческие нательные мелочи, пришлось поменять это зрелище на демонстрацию моего тыла в весьма соблазнительной позе. Про то, какие мысли она вызывает у молодого и так весьма заинтересованного мужчины, я поняла, когда эмоции сидхе я, фактически, уже могла пощупать. Или, скорее, они меня.

Я дёрнулась и обернулась. Лами сглотнул и судорожно притянул к поясу плотную полётную куртку, которую снял в помещении. После холодного ветра, гнувшего кроны деревьев в лесу, в моей спальне было почти жарко. Наверное, потому лицо у сидхе горело лихорадочным румянцем.

В этот момент в дверь постучали. Я сделала вычурный рогалик пальцами левой руки и дверь отворил король. Нет, не папа. Король. Он очень тепло, но церемонно поздоровался. Я удивилась, хотела представить Лами, как полагается по дворцовому этикету. Но он сам ступил навстречу и назвал только полное имя. И я вспомнила, что сидхе не упоминают принадлежности к семье.

Мне не нравилось его полное имя. Лами, полагаю, от него тоже был не в восторге. Я заметила, что он старался как можно быстрее сократить дистанцию с теми, кому мог позволить называть его коротко и прервать общение с теми, кому он этого позволять не хотел. Имена сидхе всегда имели окончания посвящения к богам или тем, кого у хомо называли святыми, а у их народа полубогами. Эта самая частичка "эль" в конце. Но мама Лами видимо слишком нежно относилась к первенцу.

Если переводить дословно, то Лами — это сердце, эль — бог, а вот шапюи — порхающий. Или, в данном случае, порхающее... сердце бога. Узнав моего сидхе поближе, я бы не стала слишком яростно спорить с его мамой. Лами и вправду был временами слишком нежночувствующим. Эмпат. Видимо врождённый. Что и впрямь большая редкость. Обычно, дар проявляется когда ребёнок начинает осознавать себя, как личность. Но я представляла себе насколько это имя может раздражать мужчину. Ну, и мне тоже оно напоминало эмоциональный бедлам в моей игровой комнате. Сочетание несочетаемого.

Отец, скорее всего, был слишком занят собственными волнениями, чтоб переживать вместе с Лами по поводу недостаточной мужественности его имени.

— Гриммерт Морган Санор. Четырнадцатый правящий потомок королевы Ринары.

Воинственную пра- пра- всё таки выделили в роду. Но, исключительно из-за того, что на ней прервалась правящая мужская династия Морган. И к фамилии изначальной семьи добавилась фамилия мужа королевы Ринары — Санор.

Если бы я, к моему нежеланию, стала правящей королевой, то у меня и моих потомков сохранилась бы изначальная фамилия Морган, но к ней прибавилась бы фамилия уже моего супруга, которую носили бы мои потомки, доберись они до правления. Пока же я носила имя Лиира Морган Санор.

Отец не стал расспрашивать ни о чём. Просто крепко пожал руку сидхе. И надел мне тоненькую наручь.

— Сожмёт запястье, при любом использовании магии. Расстояние зависит от твоих собственных возможностей. Чем больше твоя сила, тем с большего расстояния ты почувствуешь творящееся заклинание.

И повернулся к Лами. Протянул плащ, который я сняла с убийцы. Слава богу промолчал про кольцо. Я не помнила, говорила ли отцу, что скрыла от Лами его возможности. Он и так тяжело воспринял его появление на моей руке. Но, поскольку официально женихом моим не являлся, не считал возможным выказывать какие-либо претензии. Что он там себе навоображал, не знаю, но напоминать о подарке Саота, лишний раз, не хотелось. Но папа-то знал, что мне этот плащ без надобности. Иначе не отдал бы Лами мой собственный трофей.

Правда, одним подарком он не ограничился. Следом достал бутылочку из тёмно-синего стекла. И отдал опять же сидхе.

— Что это, папа, — влезла с вопросом я, — какое-то лекарство?

— Нет. Этот состав цверги делают для почётных гостей. Не почётных они к себе в подгорное царство не приглашают. А, если приглашают, то магичить запрещают. Это эликсир ночного виденья. Получил, когда был с официальным визитом у короля подгорного народа. Специально сэкономил, вот и пригодилось. Магией, конечно, ночное зрение тоже можно настроить. Только вот в бою, или в другой сложной ситуации, поддержка лишнего заклинания может снизить скорость реакции и точность удара. А я хочу, чтоб вы улетели уже сегодня ночью. Так ваш след вернее потеряют.

Он крепко обнял меня. Строго заглянул в глаза Труми, присев перед ним на корточки. И ещё раз стиснул руку Лами.

— Спасибо за жизнь дочери, и за то, что порекомендовал мастеру Магдариелю. Мне жаль, что я не был представлен вашей сестре. И, клянусь, что узнаю всё, что смогу, о судьбе вашего брата. Я знаю, что у сидхе не принято говорить с чужаками о роде. Но я посчитал бы за честь, если бы он перестал для меня быть чужим.

— Ну, вот, благодарю тебя, папочка, — бурчала я про себя, пока сидхе, сжав мою руку до хруста, тащил меня по подземному ходу, — и как я должна это принимать? Как сожаление, что моей мачехой стала Лора или как одобрение нашего будущего с Лами? И ведь не спросишь... Сидхе не просил моей руки у отца..

Смотри, а ведь не стал давать ему указаний. Не говорил куда меня доставить. Не просил побережь. Выразил доверие как мужчина мужчине. Как бы мне это боком не вылезло с ответственностью моего любимого. Сейчас начнёт всё сам решать. И вид у него как раз такой. Решительный. Даром, что почти пообещал отправиться не в Ковен, а в Трясину.

— Ветер ещё усилился. Даже здесь уже слышно как воет. Боюсь, что твой отец отправил тебя из одной опасности прямо в другую. Если так будет продолжаться, то обычная непогода

может превратиться в ураган. А мы на вигоневтроём, да с грузом. Жалко, что плащ этот, только в статичном положении маскирует. Можно было бы тебя спрятать и переждать бурю в трактире. У меня там комната снята. Если за дворцом следят, то оттуда нас проследить вряд ли смогут.

Я задумалась. Опять всё упирается в то, что я скрыла от Лами свойства подарка Саота. Моё молчание по поводу кольца, пожалуй, даже перевешивает все предыдущие резоны. Если молчишь, значит что-то скрываешь. И потом... мы останавливались в лагере вместе. Я гостила в доме его деда. Но ночевать в одной комнате в трактире... Не то, чтоб я не доверяла Лами. Но я помню силу его ощущений. И, боюсь, что не доверяю себе.

— Летим. А там посмотрим, — закричала я ему в ухо. Ветер уже и вправду нужно было перекрикивать.

— Но Ковен в другую сторону от трактира.

Лами топтался в нерешительности, привязывая поклажу к седлу вигоня.

— Вот и причина полететь туда, куда я собиралась. Тем более, что выслеживать нас могут и по дороге в Ковен. Думаешь они не просчитают такого варианта? А искать нас на пути к Трясине будет только сумасшедший.

— Хорошо. Мы полетим. Но, если до подлёта к трактиру ветер ещё усилится, я рискну провести тебя в свою комнату. В конце концов, женщина может не желать, чтоб кто-то видел её лицо, если она приходит ночью в комнату мужчины. А я постараюсь сделать так, чтоб и утром никто не смог тебя узнать. Твоя репутация не пострадает.

— Смотри-ка, — подумала я, крепко цепляясь за талию сидхе, — даже не сомневается, что я не стану бояться за свою честь. Похоже, у меня и благородства, и скромности поменьше, чем у моего любимого. Стыдно, принцесса Лиира Морган Санор.

Пока мы взлетали, я подумала, как хорошо, что у нас не оставалось времени подумать. Иначе Лами передумал бы вообще оставлять дворец. Несколько ударов ветра в бок вигоня чуть не сломали ему крыло. Какое-то время я даже полагала, что нас перевернёт и покатит, как семенной шар степного зацепыша. Но мы взлетели. И даже умудрились подняться на высоту, где ветер уже не дёргал нас, изменяющими направление, порывами. Он дул, хоть и сильно, но ровно и в одном направлении.

Вигонь летел под углом к ветру, пытаясь поймать восходящий поток. Лами своим движением показал, что лучше всего прикинуть к телу птицеящера, чтоб уменьшить лобовое сопротивление. Эликсир помогал нам видеть строения ближайших поселений. Я ещё могла их узнавать. Опускаться к трактиру было бы глупостью, даже, если бы мы увидели его внизу. Нам, наоборот, стоило подняться ещё выше.

Селения остались позади. Вигонь всё таки нашёл термик и нёсся в направлении, которое оставляло Приболотье немного в стороне. Мы могли бы потом сделать крюк и изменить направление. Но для этого нужно было остаться в живых. Собственно, мы не очень далеко отлетели от дворца. Только вдруг мою руку сильно сжало.

Сначала я не поняла, что случилось. А потом вспомнила про отцовскую наручь. Я впервые почувствовала как она реагирует на творящуюся магию.

— Лами, — заорала я, пытаюсь перекричать ветер и размахивая рукой с браслетом, — колдовство!

Он постучал пальцами по ушам.

— Не слышит..- подумала я, — вот невезуха... Может буря магическая? Только странно это. Она как будто собиралась весь день. Может просто кто-то попытался воспользоваться природным явлением и усилить то, что начиналось естественно?

Я попыталась приподнять голову и оглядеться по сторонам, чтоб понять где может быть маг. Конечно, сперва я сосредоточилась на земле. Хотя удивилась, что могу почувствовать так далеко. Списала это на выросшую силу. Но магия такой сложности, чтоб создать ураган, должна была потребовать предметного ритуала и оставить поток энергии, который, именно при ночном зрении, можно было обнаружить, как слабо светящуюся спираль с того места, где строилось заклятье. Как, быстро расширяющийся, зеленоватый торнадо.

Только я не видела ничего. Тогда я попыталась обернуться. И для этого отпустила одну руку от талии Лами. В этот момент что-то сдавило мою голову. Я резко опустила ментальный щит, в воздухе я совсем не ждала психической атаки, но, видимо, уже было поздно, потому что голова вдруг закружилась и я потеряла нить рассуждений. Пока пыталась понять, где я и что делаю, резкий удар вырвал меня из пугающего места, где я находилась и, извернувшись, я увидела громадную тень прямо над собой. Что-то острое впивалось в рёбра. Я рванулась что было сил и полетела вниз. Ещё раз тень спикировала за мной и царапнула по спине острым когтем, пытаясь подхватить в полёте.

Я услышала треск разрывающейся одежды. Ощутила короткую боль разрезаемой кожи. Рывок, почти остановивший меня в воздухе. И снова ускоряющийся полёт вниз. Первый же удар, о спружинившую ветку дерева, выбил из меня остатки сознания.

Мне снилось, что я лежу на мягкой постели. Только почему тогда она такая влажная? Моё тело корёжит боль. Наверное, я ранена. И подо мной кровь. Иначе почему мне так

плохо? Глаза не открываются. Ресницы слеplены коркой. Во рту сухо и кисло.

— С кем я сражалась? Кто я? Воин или маг? Наверное, маг.

Я чувствую потоки энергии вокруг себя. От её касаний мне становится легче. Я пытаюсь разлепить ресницы и почти вижу тёмную высокую фигуру надо мной. Ко мне тянется большая тёплая ладонь. Даже на расстоянии я чувствую это тепло. Оно словно укачивает меня и я проваливаюсь.

— Куда? В сон? Но я же уже сплю...

— Саот! Сделай же что-нибудь!

Мелкая белёсая нелюдь металась под ногами у Тёмного бога и жалобно скулила.

— Она выживет, Труми, оставайся с ней. Воды чёрного источника исцелят её. Только слишком много ран внутри. Ей потребуется время. И тепло. Разожги огонь. Согрей её. Ваши тела сейчас и здесь и там, часть их я взял к себе на время ночи.

— А память? К ней вернётся память?

— Колдовство было очень сильным. Чёрная магия, да ещё на крови. Я восстановлю основные навыки, но людей она должна вспомнить сама. Иначе они будут для неё пустыми оболочками. Как будто ей просто рассказали о них. Она потеряет пережитые чувства. Я могу забрать её к себе только в таком вот полусне. Если я заберу её сейчас, когда мой дом так далеко от Чесмена, она потеряет связь с этой землёй насовсем. Я хотел бы этого. Но её время ещё не пришло. Это будет не честно по отношению к ней. Может быть, когда срок её жизни закончится, она согласится остаться со мной. Как хорошо, что я смог оставить у неё кольцо. Оно поможет ей быстро восстановить воспоминания обо мне. А ещё лучше, если ты сможешь найти любой из моих старых храмов с источником.

— Но ты же вернул память мне? Хоть я тоже попал под заклятие, — малыш просительно сложил ручки.

— Ты не человек. И принадлежишь мне. Я дал тебе разум и сознание. И в моих силах вернуть их. А она мне не принадлежит, и у меня нет власти ни над её умом, ни над её сердцем. Ты думаешь боги не могут любить? Или я чувствую страдание меньше, чем люди?

В голосе Саота прозвучала такая боль, что маленький чудной монстрик впервые в жизни заплакал.

— Не плачь, малыш. А то ещё, чего доброго, человеком станешь, — горько усмехнулся бог, — наша храбрая девочка выживет. Это главное. Но я не могу ей помочь больше ничем. Даже она знает о равновесии. Чем больше даётся, тем больше спрашивается. Мне дано слишком много. Одним дуновением боги меняют мир. А его должны менять люди. Дай судьбе шанс. Она девочка, которая не ждёт пока к ней что-то придёт само. А когда идёшь судьбе навстречу, она ставит на дороге указатели. И посылает попутчиков.

— А как же Лами? Он тоже забудет её? И, вообще, он жив?

— Вы все попали под заклятие. Кроме Витре. Его привязанность не чувство, а инстинкт. Он будет спасать своего хозяина, даже ценой собственной жизни. А вот свою любовь ему тоже придётся вспоминать самому. Но, мне кажется, сила заклятия на него будет действовать меньше. Она была направлена на принцессу. А всех, кто был рядом, только задела. Может быть, через какое-то время, он вспомнит всё сам. Если его чувства к ней, до тех пор, останутся прежними.

Саот положил широкую ладонь на лоб девушки. Почти вся её макушка спряталась под ней.

— Жар спадает, — нежно сказал он, и рука его легко скользнула к затылку, — какие

мягкие у неё волосы..

Он нагнулся так, как будто хотел поцеловать её. Труми вздохнул... и отвернулся. Бог прикусил верхнюю губу и поцелуй так и не случился. Он только глубоко вдохнул её запах.

— Она пахнет морем. А сейчас ещё кровью. Я не прощу этой крови колдуну. То, как он использовал магию, запретно. В моём праве лишить его силы.

Он ещё раз посмотрел на девушку. Закрыв глаза и прислушался к чему-то внутри.

— На Чесмене светает. Моё время там заканчивается. Я верну ваши души туда. Не спускай с неё глаз, Труми. Она должна прожить свою жизнь в мире людей. Я потерплю. У меня впереди вечность.

Больше книг на сайте - Knigolub.net